
Пролетарии всех стран соединяйтесь!
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ
№ 3
МОСКВА
Кремль.
ПЕТРОГРАД
Смольный.
1ое
июля
1919г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

№ 3

1 ИЮЛЯ 1919 Г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 32-33. Тел. 161 20.

РЕДАКЦИЯ:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

ВОЗЗВАНИЯ

Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

К ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕХ СТРАН.

Товарищи, капиталистический мир, до основания потрясенный пятилетней войной,—накануне окончательного краха. Мировая революция идет,—она надвигается с неизбежностью рока.

Перед лицом этой опасности международная буржуазия делает отчаянные попытки, чтобы удержать власть в своих руках, чтобы раздавить социалистическую революцию, угрожающую ее классовому господству. Свои главные удары она направляет против тех стран, где рабочий класс уже одержал победу — против советских республик России, Венгрии, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии.

Дикое чудовищное преступление совершается на наших глазах. На всякую гнусность, на величайшие злодеяния готовы мировые бандиты капитализма, лишь бы раздавить ненавистную им пролетарскую советскую власть

Они сеют ненависть к народам, свергнувшим иго капитализма и распространяют наглую ложь о политике советских республик, в то же самое время лишая рабочих своих стран возможности послать представителей в Россию и Венгрию, где они сами могли бы ознакомиться с социалистическими преобразованиями этих стран. Они на всех перекрестках кричат об ужасах красного террора, а сами применяют белый террор—насилие над трудящимися—в самых диких формах.

Они устраивают контр-революционные восстания и всеми средствами поддерживают озлобленных реакционеров, стремящихся вернуть ненавистную народам, но приятную сердцу мировой буржуазии власть помещиков и капиталистов. Они нагло отвергают мирные предложения подлинно-народных советских правительств и заключают союз со злейшими контр-революционерами—с царскими генералами Колчаком и Деникиным в России, с от'явленными монархистами, графами Карольи и Андраши в Венгрии Они доходят до того, что через своих агентов разрушают железно дорожные мосты и взрывают водопроводы, неизмеримо увеличивая этим страдания трудящихся масс.

Они издеваются над народами советских республик, крича о голоде и разрухе в этих странах и возлагая за это ответственность на советскую власть. Но они не упоминают о том, что разруха и голод—последствия мировой войны и капиталистического хозяйничанья, что эту разруху усиливает разбойничья политика империалистов великих держав, ополчившихся против советских республик, продолжающих блокаду и посылающих на Россию и Венгрию вооруженные банды наймитов.

Лицемерными и лживыми заявлениями в парламентах и в печати они стараются усыпить бдительность своих народов. Ллойд-Джордж и Клемансо, Вильсон и Шейдеман—все они в один голос уверяют, что не намерены вести войну против советских республик, и в то же самое время посылают все новые силы в Сибирь, в Архангельск, на Мурман, на Дунай и продолжают снабжать оружием и военными припасами всех врагов советских республик, натравливают против народов России, Венгрии, Украины польских помещиков, румынских бояр, прибалтийских баронов, чешских, финских, эстонских контр-революционеров.

В борьбе против социализма создается единый фронт мировой буржуазии. Разве не изумительно, как быстро и легко примиряются вчерашние враги, когда речь идет о борьбе против социалистической революции? Еще победители союзники не заключили мира с Германией, которую хотят ограбить до последней ниточки, а буржуазное социал-предательское правительство последней уже теперь, по поручению союзников, охотно выполняет роль палача, подавляя у себя восставших рабочих, посылая регулярные войска для занятия Латвии, Литвы, Белоруссии!

Рабочие всех стран должны отдать себе ясный отчет в том, что теперь на карту поставлена не только судьба советских республик России, Венгрии,

Украины и др.,—на Урале и под Красным Петроградом, в Карпатах и на Дунае решаются судьбы мировой революции. Если империалистам всех стран удастся потушить первые очаги коммунистической революции, то рабочее движение во всех странах будет отброшено назад на несколько десятилетий. Вся тяжесть по ликвидации первой великой империалистической войны будет взвалена на плечи трудящихся, и это не только в странах побежденных, но и в странах победителей. А не прекращающиеся драки из-за дележа добычи вскоре приведут к новым, более безумным и более кровопролитным войнам, и в результате весь мир будет ввергнут в безысходную нищету и вековое рабство.

Единственный выход и единственное спасение в мировой социалистической революции.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала призывает рабочих всех стран выступить на защиту мировой социалистической революции. Он с радостью констатирует, что рабочие массы многих стран уже поняли свою задачу и громко протестуют против преступных планов своих правительств. Он горячо приветствует решение итальянских, французских и английских социалистов об об'явлении всеобщей забастовки протеста.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала со своей стороны предлагает рабочим всех стран выразить свою солидарность с народами советских республик устройством международной демонстрации против нашествия империалистских держав на Россию и Венгрию.

Прошло время словесных протестов, настала пора действовать.

Союзу мировых разбойников капитализма рабочие должны противопоставить свой союз—международный братский союз трудящихся. На улицах Парижа и Лондона, Берлина и Рима, Вены и Праги, Нью-Йорка и Токио должны раздаваться одни и те же возгласы:

Долой нашествие на советские республики!
Долой капитализм! Долой власть буржуазии!
Да здравствует власть трудящихся!
Да здравствует мировая республика Советов!

Бюро Исполнительного Комитета
Коммунистического Интернационала
Председатель: Г. ЗИНОВЬЕВ.

18 VI 19.

НОВАЯ ФОРМА ИНТЕРВЕНЦИИ.

К рабочим Англии, Франции, Италии и Америки.

Английское и французское правительства не решились об'явить открытую войну Российской Советской республике. Послать несколько миллионов или хотя-бы несколько сотен тысяч солдат регулярной армии против советской России эти правительства побоялись. Они хорошо знают, что английские и французские рабочие и солдаты смотрят на русских рабочих, как на своих братьев. Ллойд-Джордж не даром заявил в палате депутатов, что послать в Россию большую английскую армию значит кратчайшим путем перенести большевизм в Англию.

Но это не значит, что английское и французское правительства отказались от войны против советской России. Они выбрали только другую, более прикрытую форму вмешательства в русские дела.

Английским и французским рабочим говорят: ведь мы отказались от интервенции, мы не вмешиваемся в русские дела, упаси Боже, мы „только" помогаем генералам Деникину, Юденичу и Колчаку в их борьбе против большевиков.

Товарищи английские, французские, итальянские и американские рабочие! Представьте себе, что в ваш дом ломится разбойник, чтобы перерезать вас и вашу семью. Вы заперли дверь вашего дома на ключ, вы вооружились, чтобы защищаться от разбойника. Разбойник приблизился. Но он не смог преодолеть запора. Выстрелом из ружья вы прогнали его прочь. В это время ваш сосед поспешил на помощь разбойнику, принес ему лом, отмычку, отравленный кинжал, пригрел и накормил его, дал ему на помощь еще несколько громил из числа своих слуг и пустил его прог. в вас уже вооруженного до зубов. Ободренный и окрепший разбойник двинулся с двойным нахальством против вас. А ваш добрый сосед, снабдивший разбойника всем необходимым, ухмыляясь, божится: ей-Богу, я против вмешательства в ваши внутренние дела, я—сй-же-ей—самым решительным образом отказываюсь от интервенции.

Такова именно позиция, которую занимают сейчас по отношению к рабоче-крестьянской России „союзные" правительства.

Рабочие Англии, Франции, Италии и Америки! Знайте,— „союзные" правительства вовсе не отказались от вмешательства в русские дела. Они только выбрали более хитрую форму вмешательства— форму иезуитскую.

Кому помогают теперь правительства Клемансо и Ллойд-Джорджа?

Адмиралу Колчаку, генералу Деникину, генералу Краснову, генералу Юденичу.

Все эти генералы—живое воплощение самой темной царистской реакции. Этих генералов ненавидит и презирает весь трудящийся русский народ. Без поддержки со стороны англо-французской биржи эти генералы были бы совершенно бессильны и не могли бы причинить советской республике сколько-нибудь значительный вред. Но английское и французское правительства снабжают царских генералов деньгами, оружием, продовольствием, командным составом, добровольцами, шпионами, поджигателями—всем, что необходимо помещичьим головорезам в их подлой борьбе против рабоче-крестьянской России.

Народные богатства Англии и Франции передаются в руки русских белогвардейских генералов для оплаты расходов по удушению великой русской революции. Английских и французских солдат хотят сделать палачами русского народа.

Английская и французская буржуазия натравливает против советской России буржуазную Финляндию, белогвардейцев Эстляндии, контр-революционную буржуазию Польши и Литвы. Финляндия, Польша, Эстляндия кишмя-кишат английскими и французскими контр-революционными офицерами и шпионами. Они обучают, снаряжают, одевают и обувают белогвардейские банды, предназначенные для борьбы с Россией. Из Финляндии, Эстляндии и Польши англо-французские агенты организуют заговоры в России, устраивают поджоги хлебных складов, взрывают мосты и т. п. Оффициальные и полу-оффициальные консульства Англии, Франции, Италии в Петрограде стали рассадниками шпионства и провокации. Представители английского и французского правительств подкупают белогвардейских русских офицеров, подбивая их на самую грязную измену.

Рабочие всех стран, повидимому, настолько возмущены разбойничьими планами империалистов Согласия, что даже „социалисты"-соглашатели, по крайней мере, на словах выступают против интервенции.

„Социалисты"-соглашатели пытаются теперь убедить рабочих, будто они одержали уже победу, и правительства стран Согласия якобы отказались уже от интервенции.

Товарищи! Это—подлая ложь. Это—злостный обман. Ваши империалистские правительства не отказались от вмешательства. Они это вмешательство проводят, и притом в самой отвратительной форме.

Английское и французское правительства „признали" адмирала Колчака „законным" правителем России. Разве это не есть самое грубое вмешательство в русские дела? Разве это не есть вызов вам и русским рабочим, вызов рабочим всех стран?

Четыре с половиной года буржуазия заставляла рабочих и крестьян истреблять друг друга сотнями тысяч. Теперь буржуазия хочет заставить вас оплатить издержки производства по этой массовой бойне. И кроме того правительства Согласия хотят еще заставить „свои" народы стать палачами русских рабочих и крестьян.

Долг чести требует от рабочих Франции, Англии, Италии, Америки немедленно выступить против интервенции также и в ее новой иезуитской форме. Сделайте так, чтобы разбойничьи правительства „Согласия" не могли перевезти в Россию ни одного солдата, ни одного снаряда и ни одной пушки. Спасение рабочих всего мира—только в диктатуре пролетариата, только в завоевании советской власти. От рабочих Франции, Италии, Америки и Англии больше всего зависит теперь судьба пролетарского движения.

Разоблачайте новый обман. Бейте тревогу. Подымайте знамя восстания. Создавайте Советы. Организуйте солдат. Вооружайтесь! И—готовьтесь к последнему решительному бою.

Бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Председатель: Г. ЗИНОВЬЕВ.

18 VI 19

ДА ЗДРАВСТВУЕТ III СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

Первомайский праздник был единственной попыткой второго социалистического Интернационала перейти от слов к делу и действительно об'единить пролетариев всех стран в совместном, величественном и могучем выступлении. Большого успеха попытка эта не имела, и судьба ее была в высшей степени характерным предзнаменованием того позорного банкротства, которое потерпел второй Интернационал в самом начале мировой войны. Но тем не менее, несмотря на эту неудачу, первомайский праздник зажег искры живого огня в эксплуатируемых, угнетенных массах и заронил в них зародыши новой жизни, которая вывела рабочий класс из беспросветного мрака терпения на широкий путь сознательной энергичной борьбы.

Сила первомайского праздника заключается в его основной мысли, в грандиозной идее международной солидарности, сплачивающей воедино всех рабов всемирного капитала. Идея эта—не призрак, порожденный фантазией: она—облеченное плотью и кровью создание самой действительности, она выражает собой полное сходство тех условий существования, в которые господство капитала ставит эксплуатируемых, порабощенных трудящихся всех стран, она вызвана к жизни почерпнутым из общей нужды сознанием общности интересов, которое, в свою очередь, неминуемо должно было привести к общности воли и к общности действия. Таким образом, идея международного братства является существенной составной частью той великой мысли об освобождении, которая путеводной звездой зажглась перед порабощенным трудовым населением всех стран. Она, вместе с этой мыслью, вдохновляет трудящихся на борьбу, служа для них той целью, к которой они неустанно продолжают стремиться, несмотря на все препятствия, на неизбежные потери, блуждания и ошибки. Медленным, слишком медленным, кажется ход этого движения нам, с пылким нетерпением ожидающим нарождения нового интернационала, который об'единит в себе все освобожденное человечество.

Более семидесяти лет прошло с тех пор, как Коммунистический Манифест провозгласил идею международной солидарности всех эксплуатируемых, указав на то, что идея эта должна стать могучим оружием в их борьбе за освобождение. Лозунг манифеста—„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" зажег огнем сердца и породил в душах волю к действию, но практическое выражение он нашел себе лишь около двадцати лет спустя, в 1864 году, когда в Лондоне было основано Международное Общество Рабочих. Этому первому Интернационалу, материальные силы которого были весьма незначительны, суждено было просуществовать всего лишь несколько лет. Вскоре после падения побежденной в геройской борьбе парижской коммуны распалось и Международное Общество Рабочих. Но и за время своего недолгого существования первый Интернационал успел совершить то, что навеки останется его бессмертной заслугой в истории человечества: он сделал идею международной солидарности общим достоянием всех тех рабочих организаций, которые ставят своей целью вывести пролетариат из мрака рабства к свету свободы. Организационная форма первого Интернационала стала слишком тесной для той все разростающейся жизни, которую он пробудил во всех странах, и вот—внешняя форма разрушилась, но заключавшаяся в ней живая душа движения продолжала существовать и развиваться.

И опять прошло почти двадцать лет, пока наконец, эта идея международной солидарности, которая была душой первого Интернационала, воплотилась в новую форму об'единения всех борющихся рабочих. В 1889 году, на международном социалистическом и рабочем конгрессе в Париже был основан второй Интернационал. В отличие от первого Интернационала он не был союзом слабых, маленьких, только что народившихся организаций,—в его состав вошли полные жизненных сил и молодого воодушевления массовые социалистические партии и профессиональные рабочие союзы разных стран. Казалось, что этот новый Интернационал об'единит пролетариев всего мира в одну непобедимую армию, что он придаст рабочему движению всех стран одно и то же направление, отвечающее основным принципам международного социализма, и укажет им одну и ту же общую цель. И действительно, целый ряд международных конгрессов путем содержательных, исчерпывающих дискуссий, ярких и вдохновенных резолюций, грандиозных, блестящих демонстраций вносил некоторое внешнее единство в работу социалистов всех стран. Представлялось несомненным, что колоссальные запасы материальной и духовной энергии, накопленные во втором Интернационале, должны будут вылиться в грозное боевое выступление против капитализма.

Второй Интернационал ограничился, однако, ролью мастерской для выработки прекрасных решений, а для проведения этих решений в жизнь у пролетариата разных стран не было ни общей воли ни общего боевого органа. Несмотря на весь блеск, ореолом которого был окружен второй Интернационал, он не осуществил даже такой насущной экономической реформы, составляющей краеугольный камень охраны труда, как законодательное установление восьмичасового рабочего дня. И хотя вся его деятельность основывалась на убеждении в величайшем значении парламентаризма и буржуазной демократии, он ни в одной стране не сумел

добиться установления вполне демократического политического строя. А когда настал момент серьезного испытания, момент, потребовавший доказательства его силы и влияния, второй Интернационал потерпел самое позорное поражение. Когда разразилась всемирная война, вожди его не посмели против золотого интернационала опьяненных властью империалистов вывести на бой красный интернационал одушевленных мыслью об освобождении, готовых к решительной борьбе пролетариев.

Второй Интернационал не мог даже повторить слова короля Франциска I, сказавшего: „все потеряно, кроме чести!"—ибо честь то он прежде всего и потерял, оказавшись побежденным без всякого боя. Он пал, покрытый позором, на тех самых полях битв, на которых немецкие и французские пролетарии убивали друг друга с благословения германской социал-демократии и об'единенной социалистической партии Франции. Под величественной внешностью второго Интернационала, под его пышными одеждами скрывалась маленькая и робкая душонка, которая, предаваясь радости по поводу мелких ничтожных реформ, забывала о стремлении к истинным сокровищам социализма, забывала также и о том, что за периодом медленной социальной эволюции непременно должен был последовать период бурного революционного развития. Та же близорукая трусливость сказывалась и в постоянном предпочтении мелких компромиссов с буржуазным обществом открытой борьбе за великие цели. Весь дух и направление деятельности второго Интернационала во всех существенных чертах определялись „жемчужиной" его—германской социал-демократией. Падение германской социал-демократии, прикрывавшей социалистическими фразами свою оппортунистическую, чисто буржуазную политику реформ, было главной причиной смерти второго Интернационала. В смерти этой не может быть ни малейшего сомнения, и никакие попытки гальванизации, подобные тем, что производились в Стокгольме и Берне, не оживят уже его трупа.

Идея международной солидарности мирового пролетариата не погибла, однако, вместе со вторым Интернационалом в чаду братоубийственной войны. Она продолжала жить, заявив о своем существовании и в том гордом отказе, которым ответили социал демократические фракции русской думы, сербской скупщины, а позже и итальянского парламента на требования военных кредитов, и в той неутомимой агитации, которую повела в пользу мира Независимая Рабочая Партия Англии. И в то время, как патриотические солдатские песни немецких, французских, английских и австрийских социал демократов старались заглушить жалобные стоны раненых и последние вздохи умирающих пролетариев, идея солидарности снова поднялась во весь рост, указывая народам труда путь к освобождению. Она поднялась из крови и грязи, с выражением муки на изможденном лице, но вместе с тем ее окружало ослепительное сияние никогда не умирающей жизни. На международной женской социалистической конференции в марте 1915 года она помогла не забывшим принципов социализма сознательным пролетаркам всех стран найти верную дорогу, она внушила им боевые лозунги: „Довольно слов, пора приступить к делу!" „Да будет полное единство воли, полное единство действия!".

Как утренняя заря предвещает наступление дня, так эта бернская конференция была предвестницей третьего социалистического Интернационала. Рождение его записано в документах конференций в Циммервальде, Кинтале и Москве, а еще убедительнее говорит теперь о его существовании его собственная деятельность. Правда, существование это еще не урегулировано параграфами уставов и пунктами программ, но за то оно покоится на более солидном и глубоком основании: на принципах международного социализма. В превращении этих принципов из теоретических утверждений в факты живой действительности и заключается историческая задача третьего Интернационала, дающая смысл и оправдание его существованию. В этом именно и состоит отличие третьего Интернационала от обоих его предшественников.

Идея международной солидарности пролетариев всех стран вдохновила истинных социалистов на решительную, самоотверженную борьбу с преступным безумием мировой войны; из этой борьбы вырос третий Интернационал, и теперь та же идея в буре и пламени мировой революции сковывает участников его еще более тесными, неразрывными узами. Позорное, беспринципное поведение второго Интернационала во время мировой войны должно быть искуплено твердой последовательностью третьего Интернационала во время мировой революции. Посредством участия в мировой революции пролетариат должен снова оправиться от того глубокого падения, до которого он дошел во время мировой войны, и снова подняться на высоту сознательного выполнения своей исторической задачи. Мировая революция стала тем пробным камнем, на котором третий Интернационал должен доказать свое право на существование. И вот, уже могучее дыхание мировой революции веет навстречу всем тем, кто не верил в нее и сомневался в возможности ее наступления.

Начатая с таким беззаветным мужеством революция в России вышла победительницей из борьбы, сокрушив своих врагов. Тщетно буржуазное, имущее меньшинство со своими интеллигентными приспешниками старалось саботажем и белым террором уничтожить дело революционного социализма. Сопротивление этого меньшинства разбилось о сосредоточенную в советах силу пролетариата и бедного крестьянства. Красная армия победоносно отбросила иностранные войска, которые в качестве наемников международного империализма вместе с русскими контр-революционерами должны были задушить юную социалистическую республику. Не погибла эта республика и в борьбе с голодом и лишениями, несмотря на то, что у нее отняли богатейшую житницу с громадными запасами хлеба и что ее отрезали и от морей и от нефтяного и угольного бассейнов. Мало того, „большевистским вандалам" удалось путем дальновидных реформ и мер социального обеспечения смягчить наиболее вопиющую нужду масс, и даже в области народного просвещения ими совершена культурная работа, которая, по авторитетному свидетельству Максима Горького, является беспримерной в истории человечества.

В Германии революция сорвала корону с головы чудовища-капитализма, и теперь там разгорается уже борьба за полное уничтожение самого

этого чудовища. Германский рабочий класс борется на этот раз не за расширение рамок политического демократизма, не за достижение той или иной социальной реформы в пределах буржуазного общества: нет, цель его борьбы—это упразднение капиталистического строя и осуществление социализма В этой борьбе ему приходится наталкиваться на отчаянное сопротивление перепуганных эксплуататоров, классовую диктатуру которых, не жалея рабочей крови и не останавливаясь перед самым глубоким насилием, осуществляют „пролетарии" Шейдеман, Эберт и Носке. Глубокий трагизм освободительной борьбы германского рабочего класса в том именно и заключается, что на защиту капиталистического строя встали с бомбами и гранатами в руках выскочки из среды самого же пролетариата, потерявшие свое революционое оперение социалдемократы. Впрочем, эта кучка политических шутов скоро будет сметена неудержимым натиском революционной бури, о приближении которой говорят уже пенящиеся волны забастовочного движения.

Пламенный язык пролетарской победы в Венгрии говорит убедительнее всяких слов. Здесь, в Венгрии, революция одним ударом разбила внешнюю оболочку борьбы между национальностями, обнаружив ее истинное социальное содержание, состоящее из классовой борьбы между угнетенными, терпящими нужду производителями и наслаждающимися, свободными от всякого труда захватчиками общественного богатства. Быстро, в один миг венгерская социалдемократическая партия сделала поворот налево и, как Савл, превратившийся в Павла, примкнула к коммунистам, которых она только что перед тем, в союзе с буржуазной демократией, ожесточенно преследовала во имя сохранения национального государства.

Основание социалистической советской республики в Венгрии усилит, конечно, испуг и бешенство имущего, буржуазного меньшинства в других странах, и еще судорожнее ухватится буржуазия за единственную свою надежду, за спасительную троицу, состоящую из винтовки, пулемета и бомбомета. Но вместе с тем этот смелый и решительный шаг венгерского пролетариата повысит и в эксплуатируемых массах уверенность в себе, поднимет их боевой дух и укрепит их творческую волю; его влияние ускорит ход революции там, где массы идут уже на приступ твердынь буржуазного строя, а там, где империализм кичится своей победой над социалистическим движением, искры венгерского пожара зажгут огонь революции. И в странах Антанты из вулкана классовых противоречий вырвутся, наконец, языки революционного пламени: земля дрожит уже и там под ударами разростающегося рабочего движения.

Идея международной солидарности пролетариев всех стран находит себе осуществление в великом процессе победоносной мировой революции. Мировая революция служит содержанием и целью третьего Интернационала. Второй Интернационал гордится тем, что он создал ежегодную всемирную демонстрацию всего борющегося пролетариата. Гордостью третьего Интернационала должна быть победа мировой революции. К этой победе мы должны готовиться первого мая. Ни на миг не спуская глаз с нашей цели, мы должны помнить, что, лишь напрягая все свои силы и всю свою волю, мы можем достигнуть ее. Вспоминая с чувством глубокой скорби о павших геройской смертью жертвах революции, мы шлем свой горячий привет самоотверженным борцам и заявляем, что, распустив наши знамена, и мы пойдем дружно сомкнутыми рядами на последний, священный бой за освобождение труда. Пусть же в день пролетарского праздника по всему миру раздастся радостный, боевой клич: „Да здравствует мировая революция! Да здравствует третий Интернационал!"

Клара ЦЕТКИНА.

РАБОЧИЕ И ЛИГА НАРОДОВ.

Коммиссия Лиги Народов по вопросу об интернациональной организации труда, назначенная Советом Десяти в Париже, составила проект „Хартии Интернационального Законодательства о Труде", который предположено включить в текст мирного договора. Хартия эта имеет разительное сходство с положениями, принятыми правительственными социалистами в Берне. Это обстоятельство не должно поражать нас, так как это совпадение отнюдь не случайно. Испытанным приемом политики правительственных социалистов и более слабых либерал-реформистов всегда было — выискивать и просить у правительства именно то, что само правительство и так уже собиралось дать. Хартия, составленная Мирной Конференцией, содержит в себе много совершенно устаревших постановлений и резолюций, принятых на конференциях очень давнего прошлого. Большинство выставляемых ею положений или уже достигнуто или стоит на очереди; самым заметным исключением является только требование „разумного уровня существования" для рабочих; но, конечно, мнения могут сильно расходиться по вопросу о том, какой уровень следует считать „разумным". В числе других постановлений мы находим следующие:

> Дети, недостигшие 14 лет, не должны привлекаться к наемному труду.
>
> Лицам в возрасте от 14 до 18 лет не должны поручаться работы, вредные для их физического развития и препятствующие им продолжать их образование.
>
> Каждый рабочий должен получать заработную плату, достаточную для разумного уровня существования, принимая во внимание существующую в данный момент и в данной стране цивилизацию.
>
> Одинаковая работа должна оплачиваться одинаково. Еженедельно должен быть установлен день отдыха.
>
> 48 часовая рабочая неделя, за исключением тех стран, где климатические условия, промышленное развитие или другие обстоятельства создают существенно отличные условия для промышленной производительности труда рабочих.
>
> (Под этим нужно понимать, что африканцы, индусы и другие, сила протеста которых развита лишь в слабой степени, могут работать и большее количество часов.).
>
> Иностранные рабочие подчиняются тем же условиям труда, что и рабочие собственной нации.
>
> Государственная инспекция фабрик и мастерских.

Жалкая программа, и ее-то Лига Народов предлагает рабочим с целью отвратить их от социализма большевиков, который желает сделать рабочих правителями мира и хозяевами своей собственной судьбы! Вильсон Гаррис в Газете „Дэйли Ньюс" от 21 марта приводит слова одного из участников Мирной Конференции:

> „Большевизм, что бы ни говорить о нем, есть огромная идеалистическая сила, -на мой взгляд, величайшая идеалистическая сила со времени рождения Христа. Можно клеветать на него. Можно распространять всяческие сведения об его эксцессах. Можно отстаивать необходимость принятия против него военных мер. Но все же он останется огромной идеалистической силой. Имеется лишь один способ борьбы с идеалом, а именно, противопоставление ему другого идеала. В настоящее время есть только один практический идеал, который может быть противопоставлен большевизму, идеал этот — Лига Народов".

А затем этот пророк кувырком скатывается с высот идеализма и совершенно забывает о нем, говоря: „Первым орудием Лиги должно быть продовольствие. Конечно, следует иметь некоторую военную или полицейскую силу для охраны путей сообщения, но все же гораздо важнее иметь в левой руке хлеб, чем в правой—меч."

31 марта тот же самый парижский корреспондент сообщает, что состоящий в распоряжении британского правительства агент по разведке, недавно вернувшийся из Германии, сообщил, что в Германии предстоит смена правительства, но что одна только перемена состава правительства не удовлетворит страну:

> „Народные массы потребуют известного контроля над управлением, и это, как предполагают, будет достигнуто посредством введения в конституцию совета рабочих и солдатских депутатов, который составит нижнюю палату... Здесь указывают, что такой компромисс между советской и парламентской системами является необходимым для умиротворения масс.."

Таково второе признание. Итак, нам говорят, во первых, что большевизм— величайшая идеалистическая сила со времен Христа и, во вторых, что парламентская система не дает возможности массам народа осуществлять надлежащий контроль над правительством, тогда как система советов открывает для этого широкую возможность. Лига Народов выдвигается как единственная сила, способная сдержать большевизм !! в то же время эта Лига Народов предлагает рабочим, в качестве замены социализма, такую жалкую хартию!

Самая организация Интернационального Бюро Труда, которое предполагает учредить Совет Десяти („движимый", как заявляет он, „чувствами справедливости и гумманности") столь же неудовлетворительна, как и Хартия. Это Бюро состоит из Генеральной Конференции, в которую входят по четыре представителя от каждой из представлен

ных стран: двое из этих четырех — представители правительства, один—представитель предпринимателей и один—рабочих. Таким образом, представители труда будут вполне безвредны при меньшинстве 1 : 3. При каждом делегате могут состоять по два советника, и в тех случаях, когда вопрос будет касаться женщин, „по крайней мере одним из этих советников должна быть женщина". Это постановление должно прийтись по вкусу обществам женского равноправия средних классов. Некоторые из них, несомненно, будут весьма польщены мыслью, что правительства согласились допустить к участию в оффициальных работах женщин в пропорции одной к одиннадцати, и что преграды пола в механизме, созданном Лигой Народов, по крайней мере на словах, устранены. Делегаты рабочих и предпринимателей должны быть избираемы в соответствии с большинством представительных организаций работодателей и рабочих в каждой стране. Конференция большинством двух третей поданных голосов может отказаться допустить в свою среду делегата, избранного иным способом. При таких условиях представители большевистских взглядов легко могут быть исключаемы посредством голосования представителей правительства и предпринимателей.

Исполнительный орган Интернационального Бюро Труда должен состоять из 24 членов: 12 представителей правительства, 6 представителей от делегатов предпринимателей на Конференции и 6 представителей от рабочих делегатов. Таким образом, представители труда оказываются в меньшинстве одной четверти!

Интернациональное Бюро Труда будет собирать и рассылать сведения относительно положения интернационального труда и выпускать периодически бюллетени на английском и французском языках.

Если какая-либо страна откажется признать соглашения, принятые относительно условий труда, то Генеральный Секретарь Лиги Народов назначит по списку особую следственную коммиссию, состоящую из трех представителей от правительства, трех от предпринимателей и трех—от рабочих. Всякий из этих представителей может быть отведен большинством двух третей Исполнительного Органа. Таким образом, представители правительств и предпринимателей снова могут наложить свое вето на нежелательного представителя рабочих. Государство, нарушившее условия интернационального соглашения, может апеллировать от Следственной Комиссии к „Постоянному Трибуналу Интернационального Правосудия", который должен быть создан Лигой Народов и решения которого будут окончательными. Против государства, нарушившего соглашение, может быть постановлен „экономический приговор". По всей вѣроятности, это означает, что оно может подвергнуться блокаде или бойкоту и что население его будет обречено на голодную смерть. „Таймс" сообщает, что „Владения Британии и Индия будут иметь те же самые права и обязанности, как если бы они являлись отдельными договаривающимися сторонами, и что это же правило будет применено ко всякой колонии любой из подписавших договор стран, если Исполнительный Совет Лиги Народов признает за ней полную автономию". Но как это может произойти? Ведь Индия не обладает „полной автономией". Она не имеет даже тени или подобия автономии; масса индусского народа абсолютно лишена политических прав. Мы затрудняемся сказать, кого Британское правительство изберет представителями индусского труда; едва ли оно допустит, чтобы массы рабочих и крестьян свободно избрали своих представителей, хотя особого риска в этом не было бы, так как представители рабочих во всех странах будут составлять на Конференции безнадежное меньшинство.

Рабочие во всех странах должны отказаться от признания такой схемы. Она ставит представителей их в оскорбительное положение меньшинства. Она вводит представителей рабочих в интернациональный механизм, создаваемый капиталистическими правительствами для борьбы с социализмом. Она является увенчанием того существующего в каждой отдельной стране механизма, при помощи которого правительства стремятся отвратить рабочих от прямых, независимых выступлений, с каждым днем становящихся все более мощными и успешными. При прямых выступлениях закулисные дельцы и посредники отходят на второй план, а подлинными вожаками являются рядовые рабочие. Благодаря прямому выступлению русский рабочий класс, фабричные рабочие, крестьяне, солдаты и матросы создали свое правительство, упразднив крупное землевладение и капитализм. Благодаря прямому выступлению, горнорабочие добились установления минимальной заработной платы и восьми-часового рабочего дня; угрозой прямого выступления они добились обещания ввести семи-часовой рабочий день; благодаря прямому выступлению, женщины Глазго добились издания закона об арендной плате.

В политической области завоевания рабочих являются еще бесконечно малыми; все уступки, сделанные рабочим во время войны и за несколько лет до нее, были сделаны из страха перед стачками. Все доводы, выставлявшиеся рабочими представителями в Парламенте, встречались гробовым молчанием.

Как в заседаниях парламентских комиссий, так и на конференциях, представители рабочих всегда оказывались в меньшинстве, и им отказывали даже в том, на что они имели право. Более того, представителей рабочих часто всяческими ухищрениями заставляли с благодарностью принимать такой отказ, как „справедливое решение", настойчиво рекомендуя им внушать рядовым рабочим, что такое решение нужно принять для избежания конфликта.

В механизме управления Интернациональным Трудом рабочих всегда будут держать в меньшинстве, в пропорции одного к трем и даже к четырем. Вместе с тем Совет Десяти, предоставляя представителям правительств и предпринимателей право отвода любого из выборных от рабочих, пришедшегося им не ко двору, легко сможет добиться того, что это представительство от рабочих будет состоять из людей чрезвычайно покорных и покладистых. Очевидно, в Интернациональном Бюро Труда будут такие секреты, которые могут быть доверены капитализмом только тщательно отобранным лицам, не способным разболтать их. Более того, представители рабочих должны находиться

в полном подчинении у бюро, которое должно явиться чем-то вроде тормаза по отношению ко всему, что было создано советами Уайтли в различных отраслях промышленности,—тормазом по отношению к Национальным Промышленным Советам в различных странах. Этот Интернациональный Совет будет напоминать собою ведомство местного управления, которое переобременяет местные попечительные советы, ведающие распределением налога в пользу бедных, и которое или отказывается утверждать или постоянно затягивает различные проекты разрешения квартирного вопроса или проекты организации муниципальной торговли, выдвигаемые этими местными организациями. Даже в советах Уайтли представители рабочих оказываются в меньшинстве, так как председатели этих советов, назначаемые правительством, всегда подают свой голос не в пользу рабочих. Помимо того, если уж говорить о законодательстве, то правительство будет прислушиваться к голосу только тех советов, какие ему окажутся угодными. В деле, касавшемся расследования положения углекопов, один отчет был подписан тремя представителями предпринимателей, другой—двумя представителями предпринимателей и председателем и третий—шестью представителями рабочих. Таким образом, отчетом большинства был отчет представителей рабочих; но правительство предпочло положить в основание своего решения отчет, подписанный назначенным им председателем. Точно также будет обстоять дело и с Интернациональным Промышленным Советом. Если, по каким-либо обстоятельствам, меры, рекомендуемые большинством Совета, явятся неудобными для международного капитализма, то мы уверены, что Лига Народов возьмется за дело сама и устроит все, как ей заблагорассудится. Впрочем, такая комбинация вряд ли возможна, так как рабочие находятся там в ничтожном меньшинстве.

Если путем таких хитросплетений удастся внушить рабочим надежду, что эти советы сумеют лучше, чем они сами, обеспечить им хорошие условия фабричного труда, то их освобождение будет отсрочено на неопределенно долгое время. Но этого не случится. Массы, несущие на себе бремя податей, теперь только начинают чувствовать потребность в предоставлении рядовым рабочим права контроля над фабричным механизмом; они теперь только начали намечать и совершенствовать организацию такого контроля; они теперь только начинают видеть, что, идя решительно вперед по этому направлению, они могут взять в свои руки весь механизм производства и могут сами управлять обществом. Невозможно предположить, что они оставят эти широкие и многообещающие перспективы будущего и вернутся к еще большей зависимости от своих оффициальных руководителей. Немыслимо, чтобы рабочие снова впали в зависимость от своих руководителей, которые, игнорируя интересы рядовых рабочих и торжество всего рабочего дела, вошли в сделку с капиталистами и приняли участие в работах Об'единенных Промышленых Советов. Когда Артур Гендерсон вступил в состав коалиционного правительства, он тем самым оказал поддержку законам о наборе, об обороне страны, о военных снаряжениях, т. е. всем тем законам, которыми воспользовались для угнетения рабочих. Он отказался от права независимого протеста; он принял на себя ответственность за решения большинства кабинета, и с этого времени уста его оказались запечатанными. После этого он заявил, что некоторые мероприятия коалиционного правительства были пагубны для интересов рабочих, представителем которых он был, и даже для всего общества. Он заявил, что сможет поставить правительство в затруднительное положение, разоблачив эти мероприятия. Но он не раскрыл их никому, так как, вступив в состав правительства, он обязался хранить его тайны. Мы решительно не согласны с такой точкой зрения; мы полагаем, что Гендерсон был обязан предать эти факты гласности; мы полагаем, что он должен был сделать это, лишь только они дошли до его сведения. В то же самое время мы знаем, что правительством применяются всевозможные уловки для побуждения членов различных так называемых Рабочих Советов к тому, чтобы они считали себя обязанными оказывать помощь при исполнении постановлений этих советов. Только те представители рабочих, которые склонны принять высказанное Гендерсоном мерило чести, явятся приемлемыми для правительств и для предпринимателей в качестве членов таких советов.

Державы умышленно создали такое хитросплетение Советов, что потребуется несколько месяцев для решения простейших вопросов, а сложные и крупные спорные вопросы не будут решены никогда. Вероятно, они надеялись на то, что потребуется несколько лет, пока рабочие убедятся в том, что эти Советы не приносят никакого результата.

Гендерсон и Гюисманс, которых так часто поносили правительства союзников, все же разыгрывают роль расторопных мальчиков на побегушках у этих правительств и несомненно принимают участие во всех этих интригах. „Дэйли Герольд" сообщает, что Гендерсон, Рамсей-Макдональд, Стюарт Бэннинг, Ренодель, Лонгэ и Гюисманс собрались на конференцию в Париже по поводу бернских резолюций и организации международного рабочего телеграфного агентства. Гендерсон совещался также по этим вопросам с британской мирной делегацией, в составе которой был лорд Роберт Сесиль. Ах, эти интриги и совещания с руководителями капитализма! Если Бернская конференция была организована на таких началах, то неудивительно, что она осудила большевистскую революцию. Международное рабочее телеграфное агентство будет совсем неопасным и даже полезным с капиталистической точки зрения. Г. Гендерсон будет в состоянии искренне уверять лорда Роберта в том, что он приложит все усилия к созданию из этого агентства противоядия против большевизма. У нас уже имеется капиталистическая пресса, министерство пропаганды, а теперь мы будем иметь бюллетени Об'единенного совета предпринимателей и руководителей трэд-юнионизма и Международное „Рабочее" Телеграфное Агентство!

И вот „Герольд" сообщает нам весьма занимательную историю о теперешнем положении дел в Европе:

> „Президент Вильсон и его друзья, а также Ллойд Джордж и его друзья прилагают все свои усилия...

. . . Лорд Роберт Сесиль и полковник Гоуз—являются искреннейшими сторонниками Лиги... М. Ллойд Джордж и американские делегаты тщетно пытались ускорить работу конференции... М. Ллойд Джордж снова и снова повторял, что все вопросы должны быть решены так, чтобы они не оставили ни у кого горького чувства, и что мы не должны создавать новые Эльзас-Лотарингии, отнимая от Германии какую-либо часть ее территории на Рейне или в Западной Пруссии".

Неужели все проволочки в переговорах, все торгашеские запросы, все стремления уморить голодною смертью посредством блокады беззащитные народы, вмешательство в дела России—неужели все это следует приписать только Франции и Италии? Такое предположение было бы нелепостью. Америка и Англия более могущественны; они скорее, чем Франция и Италия, могут навязать всем свою волю Каждый день приносит нам новые известия, показывающие, что Англия и Америка играют активную роль во всем происходящем.

Наше правительство ведет блокаду против умирающих с голоду народов Европы. Мы посылаем военные снаряжения тем, кто сражается против большевиков, и сами принимаем участие в этой борьбе. Мы постепенно вовлекаемся в великую международную войну. Новый законопроект о ежегодном составе армии предоставляет правительству право иметь армию в 2.650 000 человек, не считая солдат, находящихся на службе в Индии. Он распространяет действие уголовных законов на тех, кто будет поощрять или поддерживать дезертирство или уклонение от военной службы. Он грозит наказанием до двух лет тюремного заключения тем, кто станет распространять слухи, вредящие ходу набора. Ведомство флота издало об'явление, приглашающее в Россию добровольцев, согласных подписать контракт на девять месяцев. Боцманы и механики будут получать по 13 фунт. 10 шил. в месяц. Обыкновенные матросы и кочегары по 12 фунт. в месяц при казенной обмундировке и продовольствии и, кроме того, „довольствие речного транспорта", т. е. по 2 фунта 2 шилл. в неделю, начиная с 12 апреля. Американское правительство приглашает 50 000 добровольцев для трехлетней службы в Европе—Италии, Франции или России. Французский министр иностранных дел 26 марта представил следующие данные относительно количества войск, находящихся в России:

В Архангельске—13.000 англичан, 4 820 американцев, 2.349 французов, 1.340 итальянцев, 1.280 сербов и 11.770 русских.

В Сибири—чехо-словаков—55.000, поляков—12.000, сербов—4.000, итальянцев—2.000, англичан—1.600, французов—760, японцев—28.000, американцев—7.500, канадцев—4.000, что составляет в общем 115 000 человек, к которым следует присоединить 92 000 русских войск.

Восточная Россия—французов—140 000, румын—190.000, англичан—140.000, итальянцев—40.000, сербов—140.000 и греков—200.000.

У нас нет уверенности в том, что здесь указаны все войска союзников, находящиеся в России. Если принять во внимание военное положение, то союзники, повидимому, теряют почву на севере и на юге, тогда как Колчак укрепляется на Урале *).

Бесполезно закрывать глаза на тот факт, что мощные силы толкают союзные страны все дальше и дальше на войну против социализма. Уже не только „Морниг Пост" заявляет: „С большевизмом следует бороться—также и в России", но и „Дейли Кроникль" утверждает: „Союзные державы находятся в войне с русским большевизмом, и заключить с ним мир будет совсем не легко".

Теперь к русскому большевизму присоединился и венгерский. Важно отметить, что общее собрание берлинских советов рабочих и солдатских депутатов большинством 1.470 голосов против 20 постановило послать поздравительную телеграмму советской Венгрии; в ней дается обещание не переставая работать, „пока не будет обеспечена конечная победа социализма". А между тем, незадолго перед этим, Берлинский Совет рабочих и солдат высказался за парламентаризм с коалиционным министерством против советской формы правительства и против немедленного введения социализма. Эта перемена настроения является знаменательной и скоро обнаружится на деле. Даже оффициальная Германия проявляет все больше и больше независимости по отношению к требованиям союзников и, видя это, союзники становятся менее требовательными. В то время, как рабочие Центральной и Восточной Европы обращаются к системе советов, союзники готовятся к борьбе с Россией и с Венгрией. Агентство Рейтера сообщает, что Фош имел совещание с Советом Четырех относительно военных дел. Газета „Попюлэр" от 26 марта публикует известие, что два английских монитора прибыли в Будапешт.

Э. Сильвия ПАНКХЭРСТ.

---

*) Редакция: Статья тов. Панкхэрст написана в апреле мес. с. г.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(Глава из новой книги).

I.

Мировая революция неизбежна, ибо империализм всех наций, мировой империализм, одинаково ужасен для пролетариата.

Международный пролетариат должен поэтому об'единиться, чтобы уничтожить мировой империализм.

Но империализм не может быть уничтожен без уничтожения капитализма.

Вот почему социальная революция, революция, направленная на уничтожение империализма и организацию социализма, стала теперь неизбежной.

II.

Для капитализма нет выхода из империализма. И нет поэтому спасения из империализма для пролетариата.

Империалистический капитализм разбил все народы мира на две группы, цель которых—завоевание мира.

Три могущественных нации. Германия, Англия и Соединенные Штаты, являются предводителями в борьбе этих двух групп.

Но в переживаемую эпоху совершенно немыслимо мирное решение этой тяжбы. Ибо и три могущественных нации, и все связанные с ними народы стремятся к мировому господству—господству одной из наций или группы наций.

И нет иного средства решить этот спор, кроме войны.

Правда, буржуазия и вместе с нею реформисты, социал патриоты и лже марксисты ищут иных решений, но эти решения призрачны и служат только ослеплению и порабощению пролетариата всего мира.

Ни обязательный третейский суд, ни „союз народов“ всего мира, ни разоружение, ни „право народов на самоопределение“, ни „демократия“, ни все остальные средства, которые нам преподносит, не могут вывести капитализм из тех внутренних противоречий, в которых он запутался, не могут избавить его от колоссального накопления прибавочной ценности и от следствия этого накопления — тенденции к расширению, не могут отклонить его от тех завоеваний, которые он должен делать, от войн, в которые он благодаря этому втягивается, от самоуничтожения, как следствия всего этого.

Колоссальное накопление прибавочной ценности, самоуничтожение этой прибавочной ценности и ее источников, живых и мертвых: таков неразрешимый конфликт, в который впадает капитал.

Сущность капитализма—бесконечное накопление прибавочной ценности и тенденция к расширению—оказались в неразрешимом внутреннем противоречии.

Пролетарии не могут дольше переносить этого состояния. Они должны восстать, чтобы избавиться от ужасов порабощения и массового убийства.

Но избежать империализма они могут, только уничтожив капитализм.

Таким образом, их восстание, их борьба превращается в неизбежную революцию против мирового капитализма, в социальную революцию пролетариата всего мира, в мировую революцию.

III.

И эта революция возможна, она выполнима. Она выполнима и возможна по следующим причинам:

Капитализм созрел для социализма.

Война создала основы для социализма. Капитализм принужден и сам переходить к социализму, разумеется, к „государственному социализму“.

Таким образом, пролетариат действует в направлении общего развития человечества.

А материальные и духовные последствия войны столь ужасающи для пролетариата, что они неизбежно толкают его к революции.

Уничтожение живых и мертвых производительных сил, горе, ненависть, голод, непрекращающаяся кровавая бойня —все толкает пролетариат к революции—во время войны или по ее окончании.

И международный пролетариат настолько силен своей организованностью, что он может осуществить революцию.

Следующая программа должна быть, по нашему мнению, принята международным пролетариатом:

Переход государственной власти в руки пролетариата.

Переход законодательства к пролетариату.

Обеспечение минимума существования всем рабочим и тем, кого нужно приравнять к рабочим.

Переход к пролетариату управления всем производством, торговлей и транспортом.

Переход к пролетариату распределения продуктов.

Всеобщая трудовая повинность.

Аннулирование государственных долгов.

Конфискация военных прибылей.

Налоги только на капитал и доходы, и притом на капитал в такой прогрессии, которая приводит к его конфискации.

Экспроприация банковъ.

Экспропрнация крупных промышленных предприятий.

Обобществление земли.

Переход к пролетариату судебных функций.

Упразднение всех пошлин и тарифов.

Уничтожение милитаристической системы. Вооружение пролетариата.

На основе этой программы международный пролетариат может привлечь на свою сторону и об'единить всех рабочих, все порабощенные трудящиеся классы.

С этой программой он победит.

IV.

И перед мировым пролетариатом стоит уже пример революции: русская революция — сияющий прообраз для пролетариата всего мира.

Она показала, что есть только два средства победить: единство пролетариата, национального и интернационального, и единство в революции.

Если нет единодушия у пролетариата одной нации — он остается рабом национальной буржуазии, если нет единодушия у интернационального пролетариата — он является рабом интернациональной буржуазии.

Если пролетариат не борется за конечную революцию, за полное крушение капитализма и не доводит этой борьбы до решительной победы, она не приносит спасения пролетариату и другим порабощенным классам и не увлекает за собою всех рабочих и все порабощенные классы.

Но русская революция научила и еще кое-чему.

Она нашла ту форму, в которой пролетариат может победить: — рабочие советы в каждой деревне, в каждой области, во всей стране.

Рабочие советы, в руках которых сосредоточена вся экономическая и политическая власть.

Рабочие советы, которые уничтожают капитализм и творят социализм, которые экспроприируют капитализм и передают всю власть и все богатство социализму; рабочие советы, которые строят социализм экономически и политически.

Рабочие советы, представляющие форму и сущность нового общества, нового человечества.

Рабочие советы, которые ныне включают в себя только борющийся пролетариат, только победоносный пролетариат, но которые когда-нибудь обнимут собою все человечество.

Советы Труда, труда — и только труда, — советы, которые некогда станут высочайшими, священнейшими корпорациями человечества.

Итак, единство пролетариата внутри каждой нации; единство международного пролетариата; об'единение, организация пролетариата в рабочие советы: вот три величайших завета, которым учит русская революция пролетариат всего мира.

Когда западно-европейский, когда северо-американский, когда мировой пролетариат будет един — когда он создаст новый Интернационал, Интернационал мировой революции, — когда он будет единодушен в революции, — когда он сорганизуется в рабочие советы и передаст им всю экономическую и политическую власть —

Тогда международный пролетариат доведет мировую революцию до победы.

Уже мы видим, в не столь отдаленном будущем, новый Интернационал, об'единяющий рабочие советы всех стран.

Уже мы видим, совсем близко, центральный рабочий совет всего мира.

Уже мы видим перед собою интернациональные советы, предтечи нового, свободного, — коммунистического человечества.

Герман ГОРТЕР
(Голландский коммунист).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА.

(„В огне" Анри Барбюса).

В этой книге, удивительно простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая до тла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками, и ныне надолго засоренной осколками железа и отравленной гнилым мясом безвинно убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самоистребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всем, что раздражает их кожу и нервы, волнует их сердца и умы, молятся Богу, молятся и искренно, и, как описывает это один из героев книги, молятся „идиотски одинаково", после чего снова начинают дикую работу самоубийства, так же „идиотски одинаково". На стр. 239—40 читатель найдет эту картину богослужения немцев и французов, одинаково искренно верующих, что в кровавом и подлом деле войны „с нами Бог".

И они же затем говорят: „Богу наплевать на нас!" И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

„Но, все-таки, как же он смеет, этот Бог, позволять всем людям одинаково думать, что он—с ними, а не с другими?"

Мысля трогательно, просто как дети, эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

„Если-б существовал Бог, добрый и милосердный,—холода не было-бы!"

Но разсуждая так ясно, эти великие страстотерпцы снова идут убивать друг друга.

Зачем? Почему? Они и это знают,—они сами говорят о себе:

— „Ах, все мы не плохие люди, но — такие жалкие и несчастные. И при этом мы глупы, слишком глупы!" (стр. 222).

И сознавая это, они продолжают позорное, преступное дело разрушения.

Капрал Бертран знает больше других, он говорит языком мудреца:

— „Будущее!— воскликнул он вдруг тоном пророка.—Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет, наконец, приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства, и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует-ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнеля, или же с подвигами апашей?... И, однако, смотри! Есть-же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотою и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

— Либкнехт!

И поднялся, не разжимая скрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

— Будущее! Будущее! Дело будущего— загладить это настоящее, стереть его из памяти людей, как нечто отвратительное и позорное. И, однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей!

Да, позор! Это правда, но это—слишком правда; правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее начертают среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш. Мы еще далеки от этого. Теперь, в данный момент эта правда почти заблуждение; это священное слово только богохульство!

Он как-то особенно звучно рассмеялся и задумчиво продолжал:

— Как-то раз я сказал им, что верю в пророчества только для того, чтобы приободрить их и заставить итти вперед".

Но, говоря так, спокойный, мужественный человек, уважаемый всеми людьми своего взвода, ведет их на бессмысленную бойню и умирает на грязном поле, среди гниющих трупов.

Во всем этом ярко и насмешливо горит убийственное противоречие, унижающее человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины, созданной злой и темной силой на служение ее дьявольским целям.

И близки, и милы душе эти несчастные герои, но, по истине, они кажутся прокаженными, носящими в себе самих навеки непримиримое противоречие разума и воли. Кажется, что разум их уже настолько окреп и силен, что в состоянии остановить эту отвратительную бойню, прекратить мировое преступление, но... воли нет у них, и, понимая всю гадость убийства, отрицая его в душе, они, все таки, идут убивать, разрушать и умирать в крови и грязи.

„Битвы производятся нашими руками, говорят они. Мы служим материалом для войны. Она состоит вся только из плоти и души простых солдат. Это мы нагромождаем трупы

на равнинах и наполняем реки кровью, все мы, хотя каждый из нас невидим и молчалив, ибо слишком велико наше число. Опустевшие города, разоренные села и деревни, —это пустыни, лишившиеся нас или оставшиеся после нас. Да, все это мы—и только мы!

— Да, это правда. Война это—народы, а без них не было бы ничего, кроме разве перебранки издалека. Но войну решают не они, а те, которые правят.

— Народы борются теперь, чтобы избавиться от этих правителей. Эта война не что иное, как продолжающаяся Французская Революция.

— В таком случае, выходит, что мы работаем также и для пруссаков?

— Будем надеяться что и для них, — согласился один из страдальцев.

— Народы, это—ничто, а они должны быть всем,—проговорил в этот момент человек, вопрошающе глядевший на меня; он повторил неведомую для него историческую фразу, которой уже больше века, но придал ей, наконец, ее великий всемирный смысл.

И этот несчастный, стоя на четвереньках в грязи, поднял свое лицо прокаженного и жадно заглянул вперед, в бесконечность".

Что он увидит там? Мы верим, что он увидит своих потомков, свободными, разумными и сильными волей.

* * *

Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюс, человек, лично переживший весь ужас войны все ея безумие.

Это не парадная книга гениального Льва Толстого, гений которого созерцал войну в далеком прошлом; это не жалобное сочинение Берты Зутнер „Долой войну", сочинение, написанное с добрым намерением, но не способное никого и ни в чем ни убедить, ни разубедить.

Это—книга, простая, как евангелие, исполненная пророческого гнева, это—первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с необходимою силою правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем неповинных людей, неповинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат,—книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч и миллионов людей, обреченных на смерть и уничтожение великим провокатором народов—капиталом.

Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, это он—главный герой книги Бербюса. Ослепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравив их ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они втечение четырех лет разрушают в прах все, созданное трудом почти двух столетий, еще раз показывая самим себе, что злейший враг человека—его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто либо до него, заглянул в сущность войны и тоном провозвестника нового евангелия показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги—удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания,— и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во все мирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать власть Бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это—правда, и она должна утешить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

М. ГОРЬКИЙ.

ПОЛОЖЕНИЕ УГЛЕКОПОВ.

Предложив углекопам прибавку в пять шиллингов к еженедельному заработку, Ллойд-Джордж навязывает им комиссию судьи Сэнки. 12 го марта, т.-е. за три дня до об'явления углекопами забастовки, Вильям Брэс потребовал от комиссии представления доклада о продолжительности рабочего дня и о заработной плате, но получил этот доклад лишь 20-го марта, т.-е. через пять дней после того, как заранее об'явленный срок забастовки уже наступил. Брэс вместе с Томом Ричардсом отправился в Южный Уэльс, где призывал углекопов голосовать против забастовки. Не следует забывать, что Брэс был некоторое время товарищем министра внутренних дел и что углекопы Южного Уэльса обращали тогда особенное внимание на меры предосторожности против целых полчищ агентов провокаторов, подсылавшихся правительством для защиты интересов владельцев копей. Становится вполне ясным, что заявленное Брэсом 12-го марта требование о представлении отчета было сделано для отвода глаз и что в сущности он хотел лишь оттянуть начало забастовки по крайней мере до 20-го марта, в надежде, что она вообще не состоится.

Правительственным агентам удалось также повлиять на некоторых представителей углекопов и убедить их в том, что настроение среди углекопов вызвано большевиками и что целью их является не то или иное частичное улучшение условий труда углекопов, но революция. Такие представители несомненно постараются как-нибудь помешать открытой борьбе, и примирительная комиссия будет служить им для этого весьма мощным аргументом. Как раз эти люди особенно усердно призывали углекопов вести с германским капитализмом борьбу ради интересов капитализма британского, а теперь они хотят, чтобы британские рабочие выплачивали британским капиталистам постоянный доход в виде процентов по государственным займам на сумму 8 миллиардов фунтов, который падает на плечи рабочих потому, что война выиграна Ллойд-Джорджем.

Но вождей углекопов не удастся запугать призраком революции. Борьба должна развиваться, и тем необходимее внутренняя работа, подготовляющая возможность вести борьбу самостоятельно. До тех пор, пока британский капитализм активно стремится побороть победоносных русских рабочих и германских спартаковцев, наши воинствующие рабочие обязаны отвлекать силы британского капитализма у себя на родине.

Читатели должны твердо помнить, что такая подготовка к классовой борьбе не составляет обязанности, лежащей исключительно на углекопах. Последние являются лишь авангардом всей рабочей армии и имеют полное основание ожидать что, заняв такое опасное положение в первых рядах бойцов, они найдут деятельную поддержку среди остальной рабочей массы.

Поэтому английские рабочие должны проявить усиленную деятельность в среде своих товарищей по мастерской или союзу, убеждая их требовать установления не более тридцати рабочих часов в неделю и заработной платы с бо́льшей покупательной силой по сравнению с платой к 1914 году.

Для того, чтобы воздействие на капиталистов оказалось действительным, оно должно исходить не от миллионов углекопов, а по крайней мере от десятка миллионов рабочих; другими словами, — оно должно явиться результатом деятельности всего рабочего класса в его целом. Для этого вовсе не нужно иметь единую рабочую организацию, достаточно лишь классовой солидарности и пред'явления одинаковых требований.

Большинство вождей будет, разумеется, помогать капиталистам. Тем лучше чем скорее они будут дискредитированы, тем успешнее пойдет борьба. Несмотря на достигнутые успехи или на понесенные неудачи, рабочие должны постоянно возобновлять свои атаки, пред'являя всякий раз все более и более широкие требования. Нас не должны смущать вопли о том, что наступит государственное банкротство, так как проценты по государственным обязательствам почти целиком берутся от рабочих и поступают в карманы капиталистов-паразитов. То государственное банкротство, о котором говорит капиталистическая пресса, наступит тогда, когда рабочие откажутся работать много часов за низкую плату с тем, чтобы кормить грабителей-капиталистов и их прихлебателей. Точно также мы не должны обращать внимания на крики о том, что наша борьба окажет помощь Америке в ее стремлении к завоеванию рынков. Мы уже видели, как подобная же борьба за обладание рынками между Германией и Англией привела к кровопролитнейшей мировой войне, и мы можем с полной уверенностью ожидать, что такая же, уже разгоревшаяся борьба приведет нас к войне с Америкой втечение ближайших пяти лет. Лишь идеал монополизации всего мирового рынка мог бы воодушевить нас к самой горячей и единодушной борьбе, в твердой уверенности, что американские рабочие и мы сумеем уничтожить капитализм в обоих государствах, получить власть и вместе с нашими товарищами повсюду освободить для рабочего труда подобающее ему место.

Джон МАКЛИН.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КОММУНИСТОВ.

Социализм в настоящее время уже не только лозунг, за который приходилось и приходится рабочему классу в буржуазном строе вести борьбу, во имя которого пролетариат строил свои организации, светом которого он озарял свои очередные задачи: — **социализм теперь практически осуществляемая общественная система.**

Раз провозглашена диктатура пролетариата, как это произошло в России, Венгрии, и произойдет, повидимому, в ближайшее время в других странах, — изменение снизу до верху всего общественно-экономического строя на новых началах становится неизбежным. Об этом писали все, кто только разрабатывал теорию научного социализма *),

Экспроприация экспроприаторов, организация производства, обмена, распределения и вообще всей сложной системы экономического управления на новых социалистических началах, — все это является логическим последствием социального переворота.

Это мы видим повсюду, где власть переходит в руки рабочих.

В России, Венгрии, в тех частях Германии, где осуществилась власть пролетариата, во всех проявлениях рабочего движения других стран, мы видим одну общую систему, проводимую с замечательным единодушием, свидетельствующую о том, что совершающиеся события — проявление не случайных обстоятельств, а результат глубокой закономерности общественного развития.

Подобное положение изменяет самое существо построения программы.

Во всех программах социалистических партий до социалистического переворота мы видим определенное деление на программу-максимум и программу-минимум. Максимум — это социализм, к которому направляется общественное развитие, — это то, за что нужно бороться, чего нужно достигнуть. Минимум это то, что необходимо, — в интересах борьбы за конечную цель, — осуществить в рамках буржуазного строя. Программа-минимум имела относительную ценность, ее значение определилось наилучшими условиями борьбы за социализм.

Однако, в буржуазном обществе часть социалистов (а в некоторых странах очень и очень значительная часть) подменила революционное значение сущности социалистической программы (замечательно развитой еще Коммунистическим Манифестом) мещански-обывательской теорией эволюционного развития.

Ревизионисты (особенно бернштейнианцы) выдвинули положение: „цель — ничто, движение — все“.

*) Так, напр., К. Каутский, который многое забыл, к сожалению, из того хорошего, что он когда-то писал, говорит. „если пролетариат овладеет политической властью, то результатом этого сам по себе уже явится социализм (см. „Очерк проблемы междунар. соц.“ Каутского, стр. 63).

Программе-минимум было придано первенствующее, исключительное значение. Борьба за 8-ми часовой рабочий день, третейские суды, всеобщее избирательное право и т. д. и т. п. об'являлись „реальной политикой“ социалистов, а социализм, как таковой, был для „праздников“, он был в „серебряном шкапу“ и вынимался только в особо торжественных случаях. На сцене фигурировала пресловутая теория штопания и подновления буржуазного строя, безболезненного перехода в социалистический строй и т. п.

Эта либеральная политика в рабочем движении, обусловливаемая целым рядом об'ективных причин, сыграла, как мы теперь прекрасно знаем, роковую, гибельную роль для существования всего II-го Интернационала.

Увлечение достижением малых целей, сотрудничество с буржуазией, парламентский кретинизм — создали в конце концов вполне определенное направление деятельности большинства II-го Интернационала.

Процесс разложения шел внутри и ярко проявился в момент величайшего мирового кризиса капиталистического строя — империалистической войны 1914—1917 гг.

Лишь небольшая сравнительно группа социалистов осталась верна старому знамени и не забыла основную цель борьбы — социализм.

Когда вопрос — быть или не быть социализму — стал ребром, верхушка социалистического движения II-го Интернационала оказалась слепой к задачам исторического момента, оказалась настолько тесно спаянной материально и психологически с бытием капиталистического строя, что путем измены, путем предательства интересов мирового пролетариата — стала на сторону буржуазии всех стран и каждой страны в отдельности. „Программа-максимум“ была принесена в жертву, была выброшена из-за „реальных“ интересов буржуазии, переименованных в „национальные интересы“ или в „интересы нации“.

Разрыв между теми, кто стоял за необходимость осуществления диктатуры пролетариата, за неизбежность, — в момент глубокого распада капиталистического строя — (чем по существу являлась война) — перехода к новому общественному строю, и теми, кто ухватился за падающий буржуазный строй и старался удержать поток исторического движения, — был неизбежен. И он свершился...

Характерно, что те, кто, как напр. Каутский, так зло и метко высмеивал в свое время Бернштейна за его ревизионистские увлечения, теперь полностью стали на позицию последнего. Для Каутского и тех, кто с ним, социализм остался в „серебряном шкапу“, остался голой фразой, но не живой системой, требующей своего осуществления.

Развитие социальной революции решает спор вполне определенно. И для тех, для кого научная

теория социализма не является мертвой, сухой, туманной схемой, а отражением живой действительности и революционной практики, решение, заверенное уже историей нашего времени,—вполне ясно.

Социализм являетея для нашего времени, для нашей эпохи—практикой, делом, требующим своего повседневного проведения.

Но при этих условиях деление программы на максимум и минимум становится лишенным смысла. Эти части сливаются между собой в единое, стройное целое.

На практике дело происходило и происходит так. С момента перехода власти в руки пролетариата—старая программа-минимум осуществляется, т. е. все требования о введении 8-ми часового рабочего дня, охраны труда, национализации земли и т. h.- проводятся в жизнь.

Но одновременно с переходом власти в руки пролетариата выдвигаются совершенно новые требования, каковые не входили и не могли входить в старую программу-минимум, приноровленную к условиям капиталистического строя.

Прежде всего встают вопросы управления, которое неизбежно строится на совершенно иных началах, чем в буржуазном обществе. Затем вопросы обобществления средств производства, организации распределения, организации труда. Это уже начало введения социалистического строя. Это не социализм в полном значении этого слова, это первые шаги, основы его. В этом отношении практика, непосредственная деятельность начинает быстро обгонять прежнюю теорию социализма, конкретизируя и дополняя ее. Социалистический строй уже теперь имеет свою историю развития, и этапы его развития, усовершенствования, по всем данным, пойдут быстрее, чем это было с предшествовавшими эпохами общественной жизни.

- -

Развитие производительных сил, сбрасывая старые капиталистические формы, требует в социалистическом строе системы таких мероприятий, которые дали бы наиболее мощное, интенсивное поднятие производства, наилучшее использование труда, гармоничное сочетание различных форм деятельности в экономической области и централизованного управления.

Одной из самых основных задач социализма является организованное удовлетворение потребностей общества. Осуществление этой задачи требует соответствующей организации производства. Самые пытливые умы не предвидели и не могли предвидеть, что случится с экономической жизнью в момент перехода к новому строю. Все внимание даже таких гигантов мысли, как Маркс и Энгельс, а за ними и других,—сосредоточивалось только на том, что социалистический строй вызовет небывалый расцвет и развитие производительных сил. На самом же деле, между исходной точкой—концом капитализма и пунктом окончательного установления социализма,—лежит труднейший переходный период, когда разлагается и рассыпается капиталистическая система, а новый строй только что образуется и когда неизбежен временный, но глубокий упадок производства и расстройство экономической жизни.

Этого не учитывали учителя социализма. Но с этим пришлось столкнуться на практике, на деле, и поэтому важнейшим исходным пунктом новой программы и служит прежде всего поднятие производства.

Советской России пришлось первой встретиться с громадными трудностями в этой области и преодолеть их путем величайшего напряжения сил, в атмосфере борьбы как с русской буржуазией, так и в особенности с международными хищниками капитализма.

И тем не менее, вопреки всяким предсказаниям наших врагов, Советской России удалось не только укрепить экономическое положение, но в некоторых отношениях, к величайшей их досаде, улучшить его. В этом отношении пример Советской России крайне показателен.

Если мы обратимся к основным отраслям промышленности, то перед нами встанет следующая картина. Втечение 1918 г. и первой половины 1919 г. национализировано было до 2-х тысяч крупнейших предприятий, иными словами до 90% всей промышленности. Тут следует оговориться, что распространяемые буржуазной печатью сведения, что национализирована мелкая промышленность—сплошное извращение и ложь.

Большинство предприятий работало и работает втечение всего времени. По анкете, произведенной в конце 1919 г. количество рабочих уменьшилось в среднем на 30%, но главным образом в демобилизованных предприятиях и в средних и мелких. В ряде крупных предприятий количество рабочих возрасло. Больше того, Высшим Советом Народного Хозяйства организуются новые предприятия и продолжается постройка 15 новых больших заводов. Закончен в 1919 г. постройкой большой паровозостроительный завод в г. Подольске (пущен в ход); строятся 2 новые электрические станции, с помощью которых предполагается произвести электрификацию всего подмосковного района. В Саратове начат постройкой громадный завод сельско-хозяйственных машин.

- Наибольшие трудности Советской России пришлось испытать и испытывать с топливом, этим важнейшим фактором производства и транспорта.

Враги Советской России, стремясь обессилить ее, направили главные удары в эту сторону Обычно топливо доставлялось из следующих мест

Донецкий бассейн давал главную массу угля (до 1.200 м. п.). Из Бакинского района вывозилась нефть (из общего производства в 600 м. п.—до 400 милл. пуд.). Именно эти части были втечение всего 1918 г. отрезаны и отделены от Советской России: в Донецком бассейне господствовал при поддержке французской буржуазии генерал Краснов, усердно вешавший шахтеров, Баку захвачено англичанами и продолжает оставаться в их руках.

Советская Россия весь 1918 г. и первую половину 1919 г. прожила, имея небольшие старые запасы и успев вывести в 1918 г. из Баку 66 м. п. нефти, далее добыв за 1918 г. 58 милл. пудов торфа, произведя добычу каменного угля в подмосковном районе от 2-х до 3-х милл. пудов ежемесячно, что составило до 30 м. пудов угля для 1918 г. и заготовив до 2-х милл кубов дров. Только путем необычайно экономного расходования топ-

лива, удалось поддерживать транспорт и производство.

В отношении топлива 1919 г. обещает быть более тяжелым, чем 1918 г., так как Баку в руках англичан, а Донецкий бассейн после хозяйничания генерала Краснова оказался разоренным, хотя находится теперь почти целиком в наших руках. Производственная программа на 1919 г. выразится в добыче до 60 м. пудов торфа, до 30—35 м. пуд. угля (не считая Донецкого бассейна) до 5—6 м. кубов дров. Донецкий бассейн дает до 20 м. пуд. угля.

Ясно, насколько трудно „поднимать" производство при таких условиях.

Со сбором и снабжением сырьем положение несомненно улучшилось по всем основным отраслям, по сравнению с 1918 г., хотя и тут военный набег генерала Колчака на Востоке помешал своевременной доставке такого важного материала, как хлопок. В Туркестане было закуплено для 1919 г. до 5 милл. пудов хлопка; первые поезда уже прибыли. **Льна** собрано в 1919 г. 4 милл. пудов, а со старыми запасами имеется до 5½ м. п. **Два милл. пудов льна свободно может быть вывезено на внешний рынок.** Шерсти собрано уже в первую половину 1919 г. до **2-х м. пудов** при годовой потребности фабрик в **3-х милл. пудов**, таким образом суконные и шерстяные фабрики будут обеспечены сырьем.

Собрано значительное количество **кожи, мехов, пеньки** и т. п., часть которых могла бы быть вывезена на внешний рынок.

Более или менее нормально происходит снабжение **металлом**, хотя и тут захват Дона и Урала имел тяжелые последствия. Таковы были условия **снабжения сырьем** предприятий. На главнейшие материалы и продукты (металл, лен, шерсть, кожа) —установлена государственная монополия.

Производство происходило крайне неравномерно, вследствие самых разнообразных причин: недостатка продовольствия и топлива, подвоза сырья и т. п.

Но все же в известной части производство несомненно улучшается. До 10% предприятий по данным промышленной переписи 1918 г. повысило свое производство по сравнению с 1917 г.

Крупное производство играет доминирующую роль. **В Советской России** во всех главнейших отраслях сложились и укрепились государственные тресты: громадный госуд. трест в металлургической и машиностроительной, „Гомза", „Центромедь", „Главрезина", до 20 „кустовых" об'единений в текстильной промышленности и т. д.

„...Наибольшая централизация производства в смысле об'единения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий" Так говорит программа.

Все мероприятия и более детальные программные требования,—не только по отношению к промышленности, но и по отношению к сельскому хозяйству (а в первую очередь „устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий"), по отношению даже к кустарной промышленности („создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии")—направлены к осуществлению вышеуказанного „одного общегосударственного плана" развития производства.

Мы знаем великолепно, что мелкая промышленность и мелкое хозяйство, как в городе, так и в особенности в деревне, еще долго, очень долго будут **жить и существовать**. Процесс перехода их к новым формам будет крайне медлен.

Только путем опыта, добровольного признания преимуществ об'единения и методов крупного производства — а не путем насилия, что особенно подчеркнуто в программе—возможен этот процесс.

Осуществление новых экономических задач требует громадного напряжения сил.

Создание аппарата управления на месте старого буржуазного аппарата представило такие трудности, каких никогда не воображали и не представляли себе теоретики социализма.

Не говоря уже о том, что вся старая верхушка—инженеры, техники, директора и управляющие, жившие и воспитавшиеся в капиталистической среде, воспринявшие все ее навыки и привычки — крайне враждебно относилась к новому строю, оказывала и оказывает явное и тайное сопротивление, характерно, что и после того, как это сопротивление сломлено, после того, как они пошли на службу к новой рабочей власти, они оказываются зачастую мало пригодными для строительства новой жизни, новых форм хозяйственной деятельности в силу своего воспитания.

В своей массе, за немногими исключениями, эти люди после социального переворота не организовывали, не строили, не творили, как должны были делать благодаря своим знаниям, опыту и широким возможностям, а исполняли, как наемные служащие, то, что им указывали (и исполняли часто плохо, злорадствуя на неудачи власти). Их приходилось „использовать" — и только. Отсюда понятны те вражда и недоверие, какие питали и питают к ним рабочие массы. Эта вражда — сложного характера: во-первых, она основана на том, что в специалистах видят вчерашних хозяев или их преданных слуг, а во-вторых, чувствуют то сопротивление, тот „саботаж", зачастую скрытый, какой проявляют они в отношении всякой работы.

Однако, ясно, что без специалистов в XX веке промышленности быть не может.

Процесс перерождения „природы" людей и определения их сознания „бытием"—довольно длительный процесс. До тех пор,—пока вырастут свои специалисты, которые с любовью будут строить социалистическое хозяйство,—приходится брать те кадры специалистов, которые оставил буржуазный строй.

Но вопрос об организаторах — это лишь одна из сторон общего вопроса правильного конструирования аппарата экономического управления. Наиболее важная, существенная задача состоит в том, чтобы сделать этот аппарат органически спаянным с пролетарскими массами, лишить его бюрократического характера, поставить его так, чтобы рабочая масса была хозяином его работы, участвовала бы в ней. Опыт показал, что советские организации зачастую легко превращаются в бюрократические, проникнутые чиновничьим духом учреждения, с обычной для последних оторванностью от жизни,

бумажной волокитой и чисто ведомственными интересами. Выход один — опереться на профессиональные союзы рабочих. Нужно заметить, что в Советской России уже к октябрьской революции большинство профессиональных союзов было проникнуто духом коммунизма. Первый Всероссийский С'езд профессиональных союзов (в январе 1918 г.) был по своему составу в подавляющем большинстве из коммунистов: 273 коммуниста, 21 с.-р., 66 меньшевиков и 50 беспартийных, максималистов и т. п.

Первый Всероссийский С'езд в России ясно и определенно заявил, что „центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссоздания подорванных производительных сил страны".

(См протоколы Первого Всероссийского С'езда професс. союзов, стр. 364).

Тем не менее, находилось немало товарищей и деятелей в экономических организациях, которые оспаривали указанное направление деятельности професс. союзов.

В настоящее время этот спор можно считать решенным и практически и теоретически. Жизнь вполне подтвердила правильность той линии, которая стремилась и стремится базировать экономическое управление на профессиональных союзах.

С'езд партии коммунистов в России закрепил определенным образом указанное положение, углубив его. „Организационный аппарат" — сказано в программе — „обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные об'единения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства".

И далее: „профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым".

На этом пути наши органы экономического управления потеряют свой вредный бюрократический дух.

Осуществлять нашу экономическую программу нам приходится в атмосфере жестокой борьбы с умирающими силами старого капиталистического строя. Мы не можем расчитывать сразу же получить блестящие результаты. Но нас не могут и не должны смущать и временные неудачи.

Наша программа должна верно учитывать современную действительность, опираясь на те ее стороны, которые имеют будущность. Экономическая программа коммунистов является инструкцией для деятельности рабочих масс, впервые взявших руль экономического управления в свои руки.

„Наше учение, как писал Маркс, есть руководство к деятельности" — этим является и экономическая программа коммунистов.

Общественная жизнь настоящего времени развивается необычайно быстро.

Многое является преодоленным и осуществленным за сравнительно короткий промежуток времени, многое придется изменить, выбросить, заменить новым. Но этим смущаться не приходится. Кто хочет жить, тот должен идти вперед...

В. МИЛЮТИН.

Москва
21-го мая 1919 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНГРИИ.

Важнейшая проблема, яблоко раздора между приверженцами коммунистов и социал-демократов,- это вопрос, достаточно ли уже созрели отношения, чтобы можно было, покинув основы капиталистического способа производства, перейти к производству коммунистическому. Способ разрешения этого вопроса является во всех странах мира самым серьезным спорным пунктом между марксистами, стоящими на почве классовой борьбы, и шейдемановцами, заблудившимися в буржуазной идеологии.

Ясное и определенное разрешение этой проблемы мы видим в проведении обобществления производства в Венгрии.

В Венгрии втечение четырех недель все средства производства, а именно, более 27.000 предприятий, начиная с наиболее значительных и кончая самыми мелкими, и все торговые предприятия, точно так же и крупные и мелкие, не только в теории, но и фактически были из'яты из частного владения и перешли в собственность пролетариата; и от этого не произошло никакой заминки в производстве. Тут мы имеем блестящее доказательство того, что в настоящее время переход к коммунистическому производству вообще не есть какая-нибудь техническая задача, а единственно вопрос политики и силы. Политическая борьба должна только развязать те узы, которыми буржуазия, при помощи правовых отношений, опутала орудия производства. Технически и экономически производство может развиваться дальше совершенно свободно: для коммунистического переворота имеются налицо все научные и технические предпосылки.

Большая перестройка заключается собственно только в возможно рациональном использовании всех наличных и известных технических и научных возможностей в области производства. Именно поэтому я никогда не признавал необходимости промежуточной ступени или переходной стадии при обобществлении производства. Везде, где политическое сопротивление невозможно, социализация может быть проведена, без всякой постепенности, одновременно во всех отраслях производства, начиная от горного дела, через полуфабрикаты, и кончая отраслями, производящими готовые продукты.

Благодаря единодушному выступлению пролетариата, венгерская буржуазия потеряла все орудия своей экономической власти и политически оказалась совершенно неспособной ни сопротивляться, ни мешать производству. Вот яркое доказательство справедливости моей предпосылки.

Тотчас после проведения диктатуры место капиталистов в каждом предприятии, в рудниках, даже в строительных предприятиях, заняли рабочие советы этих предприятий; и так как каждый, кто действительно приносил пользу, остался на своем посту, то нигде в производстве не было заминок.

Полное перемещение экономического базиса производства прошло таким образом гладко. Непосредственные причины этой гладкости заключаются в том, что для политического переворота почва была вполне подготовлена. Далее, такая легкость переворота об'ясняется еще тем, что инженеры и служащие не оказали в этом процессе ни малейшего противодействия, не саботировали и даже посильно содействовали предварительной работе. Главная же причина коренилась в том обстоятельстве, что буржуазия оказалась совершенно бессильной против единодушно выступившего пролетариата и совсем не могла противиться социализации.

Пролетариат, решив действовать единодушно и напролом, может подвигаться по пути социализации со скоростью ветра, не рискуя натолкнуться на препятствия технического характера. Конкретные случаи, за короткое время, на протяжении нескольких недель имевшие место у нас в Венгрии, прекрасно это подтверждают.

Взяв в свои руки орудия производства и материалы, мы немедленно приступили к централизации производства. Проведение в жизнь этого задания возложено на народный комиссариат общественного производства, который занят теперь также организацией советов народного хозяйства. В недрах этого комиссариата возникли профессиональные секции всех отраслей индустрии, большинство которых в настоящее время уже вполне охватывает все предприятия отдельных отраслей. И не только охватывает, но и вводит рациональную корперацию различных фабрик, принадлежащих к одной отрасли промышленности. В этом смысле у нас уже проведена централизация производств, мукомольного, кожевенного и деревообделочного. В текстильной промышленности точно так же налажена или налаживается концентрация различных производственных материалов в наилучше оборудованных и экономически наилучше работающих фабриках; то же самое происходит в особенности в химической индустрии. В последней мы опубликовали уже тайны фабрикации и практически установили обмен секретами между отдельными заводами. Происходит также национализация железной и металлургической индустрии, равно как и сельско-хозяйственного машиностроения. В этой области мы приступили к организации об'единительных бюро по машиностроению, многочисленные мелкие предприятия нами совсем заброшены, а их машины переведены в крупные предприятия.

Вся горная индустрия страны управляется из одного центра. Централизуются все заводы по производству энергии в Будапеште, и приступлено вообще к централизации всех станций, производящих электрическую энергию. Начаты также подготовительные работы по электрификации некоторых железнодорожных линий в виду затруднений, сопряженных со ввозом угля

Хотя мы сначала и не предполагали заняться социализацией мелкой промышленности, но она сама, так сказать автоматически, втянулась в общее течение. Мелкие ремесленники .сами стали во множестве добровольно предлагать свои мастерские и инструменты и вступать, в качестве рабочих, в более крупные социализированные заведения Иначе они все равно не могли бы существовать, не получая в дальнейшем материала для обработки. Таким же способом, параллельно с социализацией домов, мы завели центральные ремонтные мастерские и учреждения, которые провели централизацию домового ремонта и относящихся к нему мелких производств. Профессиональные секции ведутся так, что из них непосредственно конституируется высший совет народного хозяйства. В профессиональных секциях рядом с политически надежными выдающимися специалистами принимают участие также представители профессиональных союзов и наиболее крупных производств. Возложив, таким образом, управление профессиональными секциями непосредственно на лиц, участвующих в производстве, мы избежали тяжелой центральной бюрократии. Специалистам этим мы не платим никаких премий, их вознаграждение не выше заработной платы хорошего профессионального рабочего, и при этом они работают вполне добросовестно.

На некоторых фабриках и заводах место центрального производственного органа заступает, по назначению от народного комиссариата, производственный комиссар, обязанный проводить там распоряжения комиссариата и вообще оберегать интересы пролетариата. Производственный комиссар представляет народному комиссариату еженедельные отчеты о деятельности фабрики, запасах материала, о готовых фабрикатах, а также все указания опыта, которые, по его мнению, можно использовать для других предприятий. В контакте с ним находится контрольный рабочий совет, составленный на первое время из рабочих той же фабрики. Эти рабочие советы мы однако, следуя русскому образцу, вскоре так видоизменим, чтобы преобладающее число членов совета состояло из делегатов других фабрик,—или профессиональных союзов. Хозяйственную сторону предприятий контролируют финансовые ревизоры, командируемые для этой цели на все социализированные фабрики народным комиссариатом финансов. Каждая такая фабрика обязана вести книги как самостоятельное предприятие. В настоящее время разрабатываются единообразные методы бухгалтерии.

Мы приступили также к устройству центрального органа, ведающего складами и распределением материалов. Первым шагом на этом пути было исчисление инвентаря всех фабрик и складов в стране. Более 90% заинтересованных предприятий прислали свои инвентари, которые теперь вполне обработаны.

Одни только промышленные предприятия дали 27.000 инвентарей; сюда вошли, конечно, и многие мелкие предприятия. Таким образом мы ознакомились с наличными материалами и могли подумать о рациональном хозяйстве в этой области. Отсюда должно далее возникнуть центральное бюро по распределению материалов, которое мы строим тоже по советской системе. Необходимые для данного предприятия материалы могут быть доставлены ему только по указанию этого бюро. Соответствующая профессиональная секция комиссариата, рассмотрев требование, удовлетворяет его, если признает нужным. Предварительно производится осмотр материала специальным профессиональным отделом. Точно так же рационально распределяются центром между отдельными предприятиями все заказы.

Торговля с заграницей сосредоточивается тоже в центральном бюро для внешней торговли. Деловые сношения, какие имели частные предприятия с заграничными фирмами, были переданы в это бюро для ликвидации. В настоящее время могут только производиться взаимно компенсирующие друг друга сношения по обмену.

Само собою разумеется, что в провинции социализация не носит такого всеобщего характера, как в Будапеште. Более крупные предприятия вошли, правда, все в связь с нашими профессиональными отраслями, но что касается мелких предприятий, то теперь только приступлено к их организации. С этой целью нами командированы в разные значительные города окружные фабричные комиссары, для проведения социализации на местах. Приступлено также к устройству промышленных советов в более или менее значительных общинах. Они подчинены окружным промышленным советам, каковые будут во всех крупных городах. Промышленные советы, сельско-хозяйственные советы и советы по социальному обеспечению образуют вместе один общинный -или один народно-хозяйственный совет. С'езд этих советов, как высший орган народного хозяйства, будет нами созван после первого (общегосударственного) с'езда советов.

Таким образом мы наилучшим путем идем к установлению социалистического порядка во всех областях производства и хозяйственной жизни. Однако, в настоящий момент ближайшая наша задача—забота о снабжении необходимым снаряжением и оружием армии, выступающей против буржуазных держав Согласия. К сожалению, в виду крайнего недостатка сырья, мы совершенно не в состоянии снабдить оружием все эти пролетарские массы, рвущиеся на фронт с величайшим энтузиазмом и готовностью. Мы возлагаем в этом отношении надежды на скорую помощь наших русских товарищей, потому что, войдя в непосредственную связь с Россией, мы легко сможем, путем ввоза оттуда сырья для наших ныне бездействующих фабрик, снабдить всем необходимым могучую пролетарскую революционную армию.

Не забудем, что и в этой области, в вопросе о социализации производства, путь проложили нам наши русские братья, что в значительной мере облегчило и упростило нашу задачу и за что мы должны быть им в высокой степени признательны и благодарны.

Юлиус ХЕВЕШИ.

СОЦИАЛИЗМ В СЕРБИИ.

I. ДО ВОЙНЫ.

В связи с революционными событиями, назревающими в Сербии и привлекающими к себе всеобщее внимание, нам кажется уместным дать обзор социалистического движения в Сербии.

Социалистические идеи распространились среди сербского народа начиная со 2-ой половины XIX столетия, но вследствие экономических и политических условий, в которых находилось сербское общество, социалистическое движение выродилось и превратилось в мелко-буржуазный радикализм. Политики, государственные деятели, пользовавшиеся и пользующиеся наибольшей известностью, как напр., г.г. Пашич, Претич, Милешевич, Пректанович и другие, называли себя в свое время социалистами и революционерами. Впоследствии они стали покорными слугами Николая II, а сейчас являются агентами европейских и американских банкиров и местных наиболее видных реакционеров и контрреволюционеров. Что же касается тех, кто остался верен своему революционному и подлинно социалистическому идеалу, то они большую часть своей жизни провели в тюрьме или погибли в ней.

Благодаря этому опыту, с одной стороны, и проникновению и развитию капитализма с другой, современное рабочее движение в Сербии покоится на прочном фундаменте и имеет определенно классовый характер.

Первые профессиональные организации были основаны в Сербии в 1901 г. Но иметь свою легальную политическую партию наш пролетариат не мог, т. к. абсолютистский и реакционный режим того времени формально этого не допускал. Чтобы порвать эти цепи, наш рабочий класс был вынужден вести борьбу нелегально в рабочих обществах, в филантропических, артистических и певческих союзах; нелегально, пользуясь всякими способами, рабочие издавали свои журналы и брошюры; устраивали свои тайные и ночные заседания и собрания в темных и сырых подвалах. Словом, вели борьбу в чрезвычайно тяжелых условиях.

Эта борьба вылилась 23-го марта 1903 года в большую революционную демонстрацию. На улицах Белграда была пролита кровь. Сербский пролетариат пожертвовал многими человеческими жизнями, но морально абсолютизм был убит. Два месяца спустя, 29 мая 1903 года, наша буржуазия и военная клика, пользуясь этой победой сербского пролетариата, убила последнего Обреновича и захватила власть. Пролетариат воспользовался этим случаем, чтобы положить начало своей политической и экономической организации. По всей стране были основаны партийные организации и профессиональные союзы. 20 июля 1903 года в Белграде был созван первый с'езд партии и об'единенных профессиональных союзов. С'езд постановил основать сербскую социал-демократическую партию и Общую Конфедерацию Труда.

Становясь на почву классовой борьбы и отвергая всякий компромисс и всякую коалицию с буржуазными партиями, независимо от их демократических прикрас, социалистическая партия и профессиональные организации всегда сообща вели борьбу в интересах рабочего класса. Это единение настолько тесно, что Общая Конфедерация Труда делегирует часть своих членов в главный партийный комитет (и наоборот). Благодаря чисто классовому характеру нашего движения, благодаря полному единству действий в области экономических и политических вопросов и социалистическому воспитанию нашего малочисленного пролетариата, сербскому рабочему классу удалось после десятилетней борьбы вырвать у буржуазии крупные уступки. В 1911 году наши правящие классы были вынуждены опубликовать закон, в силу которого продолжительность рабочего дня была ограничена 10 часами. Следует отметить, что до тех пор обычный рабочий день продолжался 12—15 часов, а во многих случаях 16, 18 и даже более. Этот закон обеспечивает всем рабочим, без исключения, еженедельный отдых в 36 часов, запрещает ночную работу всех женщин и мужчин, не достигших 18-тилетнего возраста и проводит ряд других аналогичных реформ.

Если принять во внимание, что промышленное развитие Сербии находилось еще в своей первоначальной стадии, и рабочий класс имел всего двух представителей из 166, заседающих в буржуазном парламенте, если вспомнить, что в странах с крупной промышленностью и развитой культурой, где рабочий класс имел свыше 100 представителей в буржуазном парламенте, социальное законодательство значительно отстало по сравнению с варварской Сербией, то нельзя не признать эту реформу крупным завоеванием. Однако, это не было заслугой или результатом прозорливости нашей буржуазии. Она и слышать не хотела об уступках рабочему классу. Она сопротивлялась до последнего момента. С 1905 по 1911 год она внесла в парламент немало законопроектов, чтобы пустить пыль в глаза рабочему классу. Но эти проекты были лишь карикатурой социального законодательства. На каждый отдельный случай сербский пролетариат реагировал еще более энергичной борьбой и усиленным нападением. Он не бегал в парламент к буржуазии. Он заставил буржуазию выйти на улицу и принять бой на почве более опасной для нее; капиталистический класс признал себя побежденным и был вынужден пойти на уступки. Эти уступки убедили наш рабочий класс, что классовая борьба и революционный метод—лучший и единственный путь к освобождению пролетариата. К тому же мы не знали опасных болезней, именуемых желтыми профессиональными союзами и реформистскими социалистическими партиями; если же они и появлялись, они не могли долго причи-

нять нам вред. Ибо как только они старались захватить в свои руки рабочее движение, наш пролетариат немедленно и энергично реагировал на это. Там, где, несмотря на это, они все-таки появлялись, немедленно производилась радикальная операция, дабы спасти остальные части организма. Отдельные лица или целые группы исключались из партии и извергались из рабочего движения.

Вследствие этого реформисты и сторонники коалиции и компромиссов всегда возвращались туда, откуда они присылались к нам: в ряды буржуазии. Многие из них стали министрами. Но пролетариат в лице подобных „спасителей" лишился только скверных советчиков; потеря их была чистым выигрышем для пролетариата.

Правда, отстаивая такую точку зрения, мы были одиноки во втором Интернационале. Наши противники, хвастаясь, указывали нам на другие „мудрые и ясновидящие" социалистические партии. Они называли нас сектантами и горячими головами. Но мы не свернули с нашего пути. Наше понимание марксизма и борьбы за освобождение пролетариата не допускало иного поведения. В таком положении застала нас балканская война, а вслед за ней и мировая катастрофа, которая уничтожила миллионы человеческих жизней и миллиарды национального имущества.

II. ПРОЛЕТАРИАТ И ВОЙНА.

Когда в 1908 году хищный австро-венгерский империализм аннексировал населенную сербами Боснию и Герцеговину, молодая и бурная сербская буржуазия воспользовалась случаем, чтобы облечь свои капиталистические вожделения в национальный покров. Она об'явила отечество и нацию в опасности. Все для армии! Все для вооружения! Все для национальной обороны!

Сербский пролетариат ответил: Долой войну между народами! Да здравствует международная солидарность рабочих!

К несчастью, социалистические партии Австрии и Венгрии не исполнили в то время своего долга. Таким образом, голос сербского пролетариата остался гласом вопиющего в пустыне. Но, несмотря на это, мы не прекращали своей деятельности.

В 1909 году по инициативе нашей партии в Белграде была созвана первая междубалканская социалистическая конференция. Для об'единения балканских народов и для успешной борьбы против империалистических войн конференция выступила с требованием создания Балканской Федеративной Республики. В 1910 году на социалистическом международном конгрессе в Копенгагене мы заявили протест по поводу поведения австро-венгерских товарищей; к сожалению этот протест не смог удержать от вступления на ложный путь другие социалистические партии.

Когда в 1912 году Сербия и другие балканские народы об'явили войну Турции „для освобождения соотечественников, в течение пяти столетий угнетаемых турецким игом", наша партия осталась верна своим социалистическим и интернационалистским взглядам. Она со всей энергией выступила против войны и голосовала против военных кредитов, несмотря на освободительный характер, который стремились придать войне правящие классы. Она провозгласила и подчеркнула необходимость классовой борьбы и социалистической революции, как единственных средств для освобождения угнетенных классов, а тем самым и закрепощенных народов. Мы заявили протест против раздела и вновь выдвинули наш проект об'единения балканских государств в Федеративную Республику. Наше положение, формулированное товарищем Лапчевичем — что балканская буржуазия ведет войну лишь ради захвата новых территорий и рынков, а не ради освобождения народов, что она поссорится при разделе добычи и ввергнет народы в братоубийственную бойню, вскоре подтвердилось. Когда после победы над Турцией христианские народы были „освобождены", капиталистический класс натравил „освобожденных" друг против друга. В июне 1913 г., через девять месяцев после об'явления освободительной войны, началась война между вчерашними союзниками. В этой войне Сербии выпала роль стороны, подвергшейся нападению. Болгарская армия напала на сербскую ночью без формального об'явления войны.

Несмотря на оборонительный характер войны, наша партия все-таки и на этот раз высоко держала революционное знамя пролетарской солидарности. Еще более энергично, чем в двух предыдущих случаях, она повела решительную борьбу против братоубийственной войны. Мы особо подчеркнули империалистский характер войны и требовали образования Балканской Федеративной Республики.

Во время и после конфликта мы определенно вели революционную и социалистическую пропаганду. Наши лозунги стали пользоваться успехом среди широких народных масс. Опасаясь усиления роста социалистической партии, Сербское правительство не посмело назначить выборы в скупщину, хотя в активе его имелись две победоносных войны. Оно отсрочивало их втечение целого года. Наконец, оно было вынуждено распустить скомпрометированную скупщину и назначить новые выборы.

Это было в июне 1914 года. Но не успела начаться выборная агитация, как Австро-Венгрия послала Сербии 10/23 июля знаменитый ультиматум.

Когда в 1914 году Сербия формально подверглась нападению, когда по праву можно было говорить об оборонительной войне, — если это понятие вообще имеет какой-нибудь смысл при существовании капиталистического режима, — наша партия об'явила войну империалистической войне. Она громко заявила, что между сербскими и австро-венгерскими пролетариями не существует никакого конфликта, что ответственность за ужасное кровопролитие падает на буржуазию. Мы не колеблясь сказали, что сербская буржуазия играет роль агента царизма и западных банкиров. Мы апеллировали к солидарности и революционности международного пролетариата. Но и в этом случае наш

голос остался почти одиноким во втором Интернационале. Германские и австро-венгерские социал демократы, правительства которых непосредственно вызвали мировую войну, бельгийские, французские и английские социалисты, правящие классы которых в сущности были столь же ответственны за империалистическую войну, как и центральные державы, предложили пролетариату вести войну ради защиты „общего отечества". Мы были, следовательно, единственной социалистической партией в воюющих странах — за исключением русских товарищей, — которая выступила против империалистической войны в 1914 году.

Излишне указывать на строгие преследования, которым мы подверглись со стороны господствующих классов. В начале войны наши организации были лишены возможности действовать, и наша печать систематически подавлялась. Тем не менее, мы втечение первых 15 месяцев европейской войны вели весьма энергичную борьбу против нашей буржуазии и буржуазии стран Согласия. В конце 1915 года разразилась великая сербская катастрофа и произошла оккупация Сербии германскими, австро-венгерскими и болгарскими войсками. Эта оккупация продолжалась три года. Потери, понесенные сербским народом, превосходят все, что знала история до тех пор. Больше всего они поразили наш рабочий класс. Тем не менее наша партия не сошла со своего пути.

Втечение трехлетней оккупации она к сожалению не могла проявить большой деятельности, так как остатки нашего пролетариата были рассеяны по всем частям Европы: часть его находилась в оккупированной Сербии, другая часть в Болгарии, в Австро-Венгрии и в Германии в качестве военнопленных или интернированных; часть сражалась на Салоникском фронте; наконец, часть находилась в различных союзных или нейтральных странах в качестве беженцев.

О коллективном выступлении нашей партии не могло быть, следовательно, и речи. Лишь отдельные лица могли возвысить свой голос от имени сербского пролетариата, и этот голос имел значение лишь в том случае, если он соответствовал взглядам нашей партии и нашего рабочего класса. С этой точки зрения следует оценивать поведение наших товарищей — Канцлеровича и покойного Поповича. Когда т. Канцлерович выступал в Кинтале от имени сербского пролетариата, он был прав, так как его поведение соответствовало тогда настроению нашего пролетариата. Но когда тт. Канцлерович и покойный Попович отправились в Стокгольм и представили Голландско-Скандинавскому Комитету свой меморандум, они не имели права говорить от имени нашей партии и нашего рабочего класса по той простой причине, что ни тот ни другой никогда не стояли на точке зрения тех, масс, за представителей которых они себя выдавали. И когда я, хорошо зная наш пролетариат, заявил об этом сперва в Швейцарии, а затем в России, нашлись товарищи, которые усумнились в правильности моих слов. Но не долго пришлось ждать их подтверждения. Как только наша партия получила возможность выступать коллективно, она сделала это и произнесла слова, которые можно было ждать и желать от нее.

III. СЕРБСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ и СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В настоящее время возникает вопрос, изменилась ли точка зрения сербской социалистической партии, или вернее, сербского пролетариата за время трехлетней оккупации и после об'единения сербского народа? На этот вопрос я, не боясь опровержения, могу ответить: нет.

Если наш рабочий класс неизменно стоял на точке зрения международной пролетарской классовой борьбы в то время, когда почти все большие и малые социалистические партии стали на почву национальной обороны и союза с буржуазией, когда не было ни Циммервальда, ни Кинталя, ни русской, ни германской, ни австро-венгерской революции и когда можно было говорить об учреждении социалистических республик и о диктатуре пролетариата лишь как о далекой мечте, то мог ли сербский рабочий класс действовать иначе сейчас, когда социал-оппортунизм, социал-патриотизм и социал-империализм потерпели полное банкротство, а наш, вчера еще столь отдаленный идеал, стал осязаемой действительностью?

Нет, наша партия не могла изменить и не изменила своего взгляда.

Вот несколько фактов, свидетельствующих об этом. Во-первых, сербская социалистическая партия принадлежит к числу тех немногих партий, которые не только никогда не осуждали большевизма и пролетарской революции в России, но которые приветствовали ее без всяких оговорок.

В начале текущего года нашей партии было предложено принять участие в образовании об'единенного королевства сербов, хорватов и словинцев. Она отказалась. Даже более. Когда один член хорватской социалистической партии вступил в правительство, сербская социалистическая партия осудила этот шаг и заявила, что в ее глазах социалистический министр в буржуазном кабинете равноценен капиталистическому министру и что она будет бороться с ним точно так же, как со всяким другим буржуазным министром.

Когда болгарские и австро-венгерские войска приступили в конце 1918 года к эвакуации сербской территории, наши рабочие и крестьяне стали организовывать Советы. По прибытии „освободителя", т. е. войск Антанты, с этими Советами жестоко расправились. Сербская и союзная солдатчина совершила в борьбе с большевизмом самые ужасные преступления. Согласно полученным сведениям всякий, заподозренный в революционных и большевистских взглядах, расстреливался на месте или передавался в распоряжение пресловутых комитаджиев, которые приводили приговор в исполнение.

Но задушив Советы и умертвив революционеров, ни Антанта, ни Сербское правительство не уменьшили бедствий, голода и общего недовольства. Напротив, все это растет со дня на день.

Наша партия не приняла участия в Бернской конференции, в конференции Желтого Интернационала, и отказ ее от участия в ней не является слу-

тайны: если делегаты Антанты могли отправиться на эту конференцию, то и делегаты вассальных государств Антанты могли принять в ней участие. Но наши товарищи не отправились туда, желая демонстративно подчеркнуть свое несогласие с теми, кто предал интересы пролетариата и социализма. Причина, из-за которой они отказались ехать в Берн, явствует из письма, посланного от имени нашей партии т. т. Лапчевичем и Филипповичем в Бюро первого Коммунистического Конгресса в январе т. г. В этом письме наши товарищи громко заявляют о своей солидарности с героическим русским пролетариатом и с интернациональным революционным пролетариатом. Между прочим, они пишут следующее:

„На последнее приглашение социал-патриотов послать делегатов в Берн наша партия ответила отказом' ибо мы не хотим иметь ничего общего с предателями социализма..

„Сербская социал-демократическая партия и социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины стоят на коммунистической точке зрения. Лучшая часть рабочих Хорватии, Славонии и Словакии вместе с нами убеждена, что путь к социализму ведет через диктатуру пролетариата и что форма этой диктатуры выражается во власти Советов."

Разве это заявление не отличается ясностью и определенностью? Наконец, телеграммы, почти ежедневно нами получаемые, доказывают, что наша партия не изменила своего отношения и что, напротив, она вступила в последний, решительный бой за освобождение пролетариата и установление коммунизма.

Вот некоторые из этих телеграмм:

„Собрание сербских рабочих, состоявшееся 26-го марта 1919 года в Белграде, восторженно приветствует диктатуру мадьярского пролетариата и заявляет о своей готовности поддержать всеми силами венгерских братьев до окончательной победы мировой революции.

Подписал Филиппович."

И эта солидарность проявилась немедленно' ибо телеграмма из Стокгольма от 5-го апреля сообщает:

„Из Вены сообщают, что Сербское Королевское правительство обратилось к союзникам с просьбой о военной помощи для подавления венгерской революции. Рабочие организации ответили на это об'явлением стачки в Белграде и других городах."

Несколько дней спустя радио из Будапешта сообщило:

„Согласно сведениям, полученным из Сербии, там надвигается пролетарская революция. Сербская армия, находящаяся в оккупированных частях Венгрии, с завистью смотрит на своих братьев, свободных венгерских пролетариев, находящихся по ту сторону демаркационной линии. В районе старой демаркационной линии сербы побросали оружие и братаются с нашими товарищами. Сегодня в 4 часа дня французские солдаты вышли из Сегедина и заняли Новый Сегедин и мост, находящийся позади сербских солдат. Чтобы подавить зарождающийся мятеж, сербское военное командование задержало в четверг сербских товарищей, имевших при себе коммунистические прокламации. Казармы превращены в тюрьмы и переполнены арестованными."

Два дня спустя, 14-го апреля, Лионское радио сообщило:

„Вследствие отставки некоторых сербских министров Протич занят образованием нового министерства. В новом кабинете будут представлены все партии за исключением социалистической."

С тех пор у нас нет больше сведений о том, что происходит в Сербии и других юго-славянских странах.

Из вышесказанного видно, что сербский пролетариат и его политический представитель—социалистическая партия, как в прошлом, так и в настоящем, всегда высоко держали красное знамя освобождения интернационального рабочего класса.

Я уверен, что в будущем наш пролетариат славно исполнит историческую роль, которую возлагают на него настоящие и грядущие события.

Русский пролетариат и рабочий класс всего мира могут с уверенностью рассчитывать, что при установлении интернационального коммунистического строя они обретут в лице сербского пролетариата преданных и искренних товарищей. Русские революционные герои, сверхчеловеческие усилия которых вызывают симпатию, восхищение и чувство солидарности трудящихся классов всего мира, могут быть уверены, что сербские рабочие и крестьяне, в силу непреодолимых препятствий лишенные сейчас возможности протянуть им братскую руку, явятся им на помощь во всяком случае не последними.

Илья МИЛКИЧ.

Москва, 30 апреля 1919 г.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ.

Крошечная Латвия в экономическом отношении представляла собою до войны капиталистически наиболее развитую часть России. Не только крупные промышленные центры, Рига и Либава, но и деревня свидетельствовали о высоком капиталистическом развитии края. В деревне процент безземельного, чисто батрацкого населения значительно превышал „земельное" крестьянство. В этом отношении Латвия представляла исключительную картину, даже по сравнению с Западом

Война внесла в жизнь края глубокие изменения во всех отношениях. Она не только материально разрушила край, не меньше Бельгии или Польши, но опустошила его и в смысле человеческого материала гораздо больше прочей России. В гор. Риге, имевшем до войны 625.000 населения, при произведенной нами в январе 1919 г. переписи, оказалось лишь 212.000 жителей, из них 25% стариков и старух! На сто мужчин ныне здесь 180 женщин, тогда как прежде, как во всех промышленных центрах, преобладало молодое поколение мужского пола. Сто тысяч человек промышленного пролетариата вместе с семьями были увезены из Риги при эвакуации заводов и фабрик в одном 1915 г. в разные города России и до настоящего времени пребывают там. И в деревне отношения изменились: сельский пролетарий или в шинели стрелка находился на поле брани, или же перешел на положение мелкого арендатора, испольника, поденщика — и как там ни называются эти скрытые формы наемного рабства.

При таких условиях перед нами в ноябре 1919 г., когда возникла мысль о Советской Латвии, действительно встал вопрос Каутского: возможно ли на этих развалинах оставленных войною, где „нечего социализировать", создать социалистический строй? И мы в своем Манифесте об образовании Социалистической Советской Республики Латвии на этот вопрос смело ответили утвердительно. „Вместо того, чтобы помочь классу капиталистов на этих развалинах восстанавливать крепость капиталистического рабства — пролетарит Латвии немедленно приступит к возведению своего храма труда" Советское Правительство Латвии, созданное по постановлению Ц. К. Соц.-демократии (ныне Ком. Партии) Латвии, нелегально находившегося а Риге, свой Манифест о низложении бутафорского буржуазного Временного Правительства опубликовало 17 декабря 1918 г В Риге он, при тогдашнем оккупационном режиме, мог получить распространение лишь 25 декабря, когда Советское Правительство уже вступило на территорию Латвии и находилось в гор. Валке.

Одновременно с подписанием Манифеста Президиум Сов Прав. Латвии, члены которого находились в Москве (Стучка, Данишевский, Лейнман и Петерсон), назначил день созыва С'езда Рабочих, Безземельных и Стрелковых депутатов об'единенной Латвии на 13 января в 12 часов в Риге, в Рыцарском доме. Когда я 13 декабря одновременно с сообщением об образовании Советского Правительства Латвии покойному Я М. Свердлову, как Председателю В Ц. И. К., передал приглашение на наш с'езд, он улыбнулся: „Не рано ли Вы, Петр Иванович, назначаете С'езд, не имея еще ни одной пяди земли Латвии? Но я непременно буду на С'езде." Я ему ответил, что мы постараемся сдержать слово. И, действительно, уже 4 января мы могли протелеграфировать из Риги Якову Михайловичу, что назначение С'езда на 13 января остается в силе и мы ждем его. И Яков Михайлович, со своей стороны, сдержал слово и прибыл.

На чем основывалась наша уверенность в назначении дня С'езда? Во первых, на нашей вере в пролетариат, хотя и оккупированной, Риги. Во вторых, на вере в латышский пролетариат в солдатских шинелях, в латышских стрелков, которые боролись в рядах Красной Армии Р. С. Ф. С. Р. и, выведенные в тыл на отдых, с радостью вместо отдыха помчались домой для освобождения своей пролетарской родины. Ибо, как в своем Манифесте, так и позже мы всегда уверенно говорили, что в Латвии может существовать только пролетарская, т. е. советская власть,—или феодально-юнкерский режим баронов. И это возвращение латышских стрелков на родину только злостная клевета германских социал-предателей могла смешивать с якобы империалистическими замыслами Р. С. Ф. С. Р.

Победоносное шествие пролетарской революции было изумительно. Оставшиеся германские войска кайзера, как разложившиеся их части, так и их железные дивизии сразу уступали натиску малочисленных пока, но смелых, „обстреленных" частей латышских красноармейских полков Всюду, как только приближались наши стрелки, местный пролетариат поднимал восстание и неизбежно побеждал. Так было дело в Валке, Вольмаре, Вендене, 3-го января в Риге, затем в Митаве, Туккуме. И только в Виндаве лишь вторичное восстание имело успех. Прямо беспримерно было восстание рижского пролетариата, который, не взирая на участие в уличных боях германских войск и на присутствие на Двине английских крейсеров, победил в один день без внешней помощи, ибо латышские полки были еще в 10 20 верстах и не успели выпустить в помощь им еще ни одного выстрела. В три часа ночи 3 янв. я и товарищи, на отнятом рабочими у немцев броневом поезде, в'ехали в город, а германские войска, уходя, подожгли театр и элеватор.

Еще неделя—две,—и в наших руках была бы Либава, после чего Германии (по приказу союзников) или самим союзникам пришлось бы об'явить нам открыто войну,—если бы это позволило настроение рабочих масс на Западе.

Но тут подоспела буржуазная Финляндия, которая своими силами повела натиск на Латвию со стороны Эстляндии, и Шейдемановская Германия, пославшая против нас Гинденбурга со свежими, вновь образованными войсковыми частями „социалистической Германии". Из всех позорных страниц Шейдемановского режима (а их не мало!) одною из самых кричащих является эта поддержка, силами

германской „социалистической республики" зверского и отсталого феодального режима прибалтийских баронов—помещиков. Носке откровенен и он открыто опроверг все слухи о том, что якобы союзники заставляют Германию оставлять свои силы в Латвии. „Мы к этому по договору не обязаны, но Курляндия это—немецкая земля". А на этой „немецкой" земле, по статистике самих немцев, лишь 4% немцев, включая и население городов! Что же тогда сказать о Данциге?!

Наша задача в Латвии была чрезвычайно трудна. Пришлось бороться с внешним врагом на трех фронтах: на северном фронте, где „Эстонская Красная Армия" не могла справиться с натиском буржуазной Эстонии и ее вспомогательных сил; на юго западном фронте, в Курляндии, где мы имели первоклассного по живой силе, по технике и по предприимчивости противника,—разумеется, не в ничтожных силах латышской буржуазии, но в многочисленных регулярных войсках Германии и в добровольцах, привлеченных из Германии, Дании, Швеции и т. д. 10 марками в день и обильным питанием (за счет Антанты), и выступавших под руководством опытных полководцев из Прибалтийских баронов. Наконец, после падения Вильны,—на польско-литовском фронте, куда пришлось перебросить поочередно пять наших полков, не оставляя у себя ни одного человека в запасе. Путем доведенной до максимума мобилизации наши силы численно возросли, но, конечно, не представляли уже прежней однородной Красной Армии, какою мы обладали в декабре.

Мы видели перед собою грозную картину грядущей разрухи армии, но были бессильны ее предотвратить. Одновременно нам пришлось в тылу вести серьезную строительную работу. Говорить, что всю эту работу надо было отложить, могут только дети. Мы не могли ни одного дня обойтись без разрешения продовольственного вопроса, в первую очередь для армии. Нам нужна была работа фабрик (хотя бы в минимальных размерах) также для снабжения армии, ибо готовых сапог обмундирования и т. д. в центре было недостаточно. И если бы мы смогли и сумели вернуть в Ригу хотя бы часть безработного эвакуированного пролетариата и лежащих без употребления с 1915 г. в вагонах или кладовых принадлежностей фабрик, то одна-другая тысяча вернувшегося в Ригу сознательного пролетариата больше поддержала бы наш фронт, чем лишняя тысяча мобилизованных солдат или десяток высланных для их агитации коммунистов. Это ведь счастье Венгерской Советской республики, что ее красная армия на 60% состоит из рабочих.

Продовольственная нужда у нас была ужасна. В апреле месяце у нас в один день от голода умерло 19 человек! Под предлогом перемирия германское командование старалось увезти все награбленное в этом крае, под видом контрибуции или военной добычи (вспомните, что даже Каутский военную добычу считает законной собственностью!). Так уходили до взятия нами Риги пароходы и поезда с хлебом и прочим продовольствием, а население края осталось на произвол судьбы. Наш западный фронт, к которому принадлежала наша армия, не мог снабжать и не снабжал нашей армии в достаточной степени, и на армию уходило все то что должно было распределяться между гражданским населением. Целыми месяцами рабочие в Риге не получали ни одного фунта хлеба. И мы не можем не отметить самоотверженности рижского пролетариата, так мужественно переносившего муки голода без малейшего ропота. Единственное, что могло нм дать Советское Правительство,—это были скудные обеды из одного супа. Таких порций германская оккупация раздавала 80.000, наше правительство увеличило количество калорий содержащихся в порции, и раздавало по 180.000 порций в день (при общем количестве населения в 212.000). Состав такой порции давал 1/18 того, что следовало бы здоровому человеку, но при германской оккупации жители получали лишь 1/117. К маю месяцуваладился аппарат снабжения. Благодаря Украине, мы могли, наконец, с 19 мая начать раздачу хлеба и гражданскому населению по категориям: I категории по 3/4 ф., II—по 1/2 и III—по 1/4. И выдача была даже обеспечена вперед на 14 дней! Эти незначительные запасы попали в руки германских войск, которые их, по полученным сведениям, распродали спекулянтам.

Осталось наладить способ распределения продовольствия. Коммунисты в Риге имели в своем распоряжении значительно развившиеся рабочие кооперативы. Мы превратили их в государственные органы распределения, введя в них обязательными членами всех избирателей в советы, т. е. всех трудящихся, и отменив всякие паевые взносы. Через месяц после введения карточек по категориям предполагалось провести приписку всех трудящихся к местам распределения. Работу эту прервало на полпути взятие Риги германцами.

Латвия, по преимуществу, страна земледельческая, но сельское хозяйство у вас приняло чисто денежную форму еще в 60-х годах прошлого столетия. Крупные баронские имения и рядом—фермы с наемным трудом. Безземельных в четыре раза больше, чем земельных крестьян. Такова была картина до войны. За время войны количество фермеров, хозяйничающих с батраками, значительно сократилось, и часть наемного труда приняла иную, неузнаваемую, натуральную форму. Но сущность капиталистического хозяйства осталась. Мы сразу национализировали без вознаграждения все крупные имения (свыше 100 дес.), но приступить к обработке их за счет Республики мы могли лишь в зависимости от имеющегося инвентаря. Советских хозяйств у нас было заведено всего 230, хорошо снабженных и удовлетворительно обрабатанных. Труднее был вопрос, как быть с остальными хозяйствами. Об'единить интересы „серых баронов" фермеров—и безземельных батраков—вещь нелегкая. И при не всегда умелом проведении в жизнь нашей политики на местах, т. е. в волостях—земельная политика вызывала не мало недоразумений. Но эти недоразумения, обострившиеся к началу летнего сезона, были кратковременны, и когда военная сила Германии вытеснила нас из Латвии, то за нами потянулись в лице тысяч батраков-беженцев те же „недовольные" элементы, не пожелавшие оставаться в баронской Латвии. За отсутствием инвентаря и за недостатком достаточно широкого аппарата агрономов, нам, во избежание голода, пришлось оставить в силе отдачу в аренду земли, не превращенной в советские хозяйства, и разрешить крестьянам—фермерам пользоваться наемным трудом, с соблюдением только всех законов по

охране труда. Рабочий день в сельском хозяйстве был определен для наемных рабочих как 8 часов в среднем за год. Эту уступку пришлось временно сделать. Раздел земли между безземельными мы решительно отвергли.

Советская Республика является в значительной степени Республикой пропаганды, но пропаганды, главным образом, делом, а не словами. Мы вынуждены были вести агитацию декретами и действительным восстановлением экономической жизни края. И нам пришлось одно за другим открывать остановленные и разрушенные промышленные заведения, не взирая на то, что в 20—30 верстах под Ригою стоял неприятель Тип организации производства у нас был чисто советский, т. е. управлял выборный от советов или от советской власти, но с участием и под контролем выборных производственных (бывш. профессиональных) союзов. Профессиональные союзы, потеряв значение органов классовой борьбы, превратились в органы власти, с отменою всяких членских взносов и с обязательною принадлежностью к ним всех работников. По данным анкеты, произведенной в апреле мес. в Риге, производительность труда в среднем лишь незначительно упала, но были констатированы и случаи повышения производительности. Как на причину падения производительности, указывали на голод и недостаток материалов. Пролетарская дисциплина у нас была строга и дала хорошие результаты. Всюду устанавливались нормы минимальной выработки, допускался, в зависимости от фактической выработки, перевод в высшую или низшую категорию оплаты, но по вопросу о сдельной плате наша коммунистическая фракция проф. союзов высказалась отрицательно.

Советское Правительство Латвии было чисто коммунистическим. Мы не скрывали ни перед кем, что мы правительство одной партии, но единственной партии, имеющей право на название истинно советской партии. Все наши стремления были направлены к тому, чтобы аппарат управления был прост, малолюден и дешев и чтобы ни одна работа не делалась дважды или параллельно. Поэтому мы приняли за правило, что Ц. К. Ком. Партии и ее местные комитеты персонально должны соответствовать Правительству и Президиумам местных исполкомов. Правительство же одновременно является президиумом Ц. И. К. Вместо того, чтобы устраивать фиктивное голосование для проведения обязательных постановлений партийного Ц. К., мы все вопросы решали одновременно и в Ц. К. и в Правительстве. Соответственно этому у нас не было и параллельной советской и партийной пропаганды, партийного органа и органа Ц. И. К.: агитация, как письменная, так и устная, была единная, партийная. Редактор наших партийных изданий, в силу своего партийного положения, был членом правительства. Но это вовсе не означало отказа от партийной агитации, а скорее ее усиление. (Партийный орган у нас выходил на 6 языках: на латышском, русском, немецком, еврейском, литовском и эстонском).

Наше правительство имело полное право на название рабочего правительства: ибо не только более половины его состава были действительно рабочие, но и ставки у нас были для всех категорий труда одинаковы: от 400 до 800 руб. (с 1 мая от 600 до 900 р.). За общее правило мы приняли, что специалисты состоят при комиссарах, а не комиссары при специалистах (за исключением лишь военного ведомства, где по общему закону Р. С. Ф. С. Р. существует обратное правило).

Все экономические отделы, для упрощения называемые комиссариатами, считались отделами единого Совета Народн. Хозяйства, у нас иначе построеннаго, чем в Р. С. Ф. С. Р. Наш Сов. Нар. Хоз., под председательством Пред. Сов. Правительства, решал окончательно все вопросы экономического характера, не вызывавшие разногласия. Он разбивался на два совета (производства и обмена или распределения) и 8 отделов или комиссариатов (промышленность, земледелие, труд, государ. сооружения, пути сообщения, продовольствие или снабжение, финансы и внешний обмен). Этим путем мы надеялись предупредить неизбежное при иной системе раз'еднение ведомств и взаимные трения и параллелизм.

Главным средством об'еднения всей экономической жизни края должны были служить учрежденное при Сов. Нар. Хоз. центральное материальное управление и центральная бухгалтерия, где должен был вырабатываться в будущем бюджет производства и потребления края. Сов. Нар. Хоз. и его материальное управление и центральная бухгалтерия строились как отделы или подотделы будущего единого целого, более или менее широкого Интернационала, в целях реального и рационального, а не только бумажного и волокитного централизма.

В вопросе о нашем „международном" положении мы с самого начала заняли твердую позицию, считая себя „иностранцами" только по отношению к не советским государствам. Со всеми советскими государствами мы считаемся естественными и теснейшими союзниками. На первом месте, конечно, с Р. С. Ф. С. Р., с пролетариатом которой мы спаяны долголетней общей борьбою. Все попытки внести в этом отношении раздоры остались без влияния на наших товарищей. Мы только всегда подчеркивали реальное, а не бумажное единство. И мы отстаивали естественную самостоятельность всякого советского об'единения, а особенно при наших, все таки отличных от прочей России, экономических условиях. Эта проблема — сочетание централизма с местной советской самодеятельностью, являются вообще одной из наиболее трудных. Но опыт показал, что на практике проблема эта приближается к своему разрешению.

С 3-го января по 22 мая, т. е. менее 5 месяцев просуществовала наша власть в Риге. В такой короткий срок результатов ожидать было трудно. Но если еще в январе уполномоченный „социал-демократа" Виннинга, германского представителя в Риге, засвидетельствовал мне, что у нас „заметен порядок", и что для него ясно, что только мы, а не буржуазные демократы, имеем право быть у власти в Латвии, то тем более понятна та клевета про „ужасы" наши в Риге, которую распространял позже сам Виннинг и его единомышленники. Нам пришлось быть беспощадными, имея дело с неслыханным режимом властвовавших до нас средневековых юнкеров, приведших в край за одно XX-ое столетие дважды карательные экспедиции (в 1906 г. в русских, а в 1918 г. в германских одеяниях). В ответ на третий набег тех же юнкерских карателей, на этот раз под фирмою с.-д. Шейдемана и Носке, зверски уничтоживших

все, что им напоминало ненавистных коммунистов, не щадя женщин и детей, — пришлось прибегнуть к суровым мерам вплоть до расстрела заложников из баронов и буржуев, главным образом из первых. Пришлось карать и самих карателей 1906 и 1917 гг. Но всякий, знающій местные условия Латвии, скажет, что мы ограничились в этом отношении допустимым минимумом.

Сейчас в Риге „временно" Шейдемановскою милостью господствует генерал фон-дер-Гольц, командующій войсками Гинденбурга. И если уходившие из Риги в январе остатки войск кайзера по дожгли театр и склады продовольствия, то войска с.-д. Шейдемана увековечили свое пришествие тем, что сбросили памятник Маркса, разрушили могилы коммунаров и расстрвляли сотни коммунистов и вообще рабочих Риги и остальной Латвии. Но уйдут германские войска вместе с самим Шейдеманом, и вновь подтвердится истина, что в Латвии может господствовать только феодальная баронская или коммунистическая советская власть.

П. СТУЧКА.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ.

Уже год тому назад революционное движение во Франции приняло такие значительные размеры, что страна была накануне революционных событий.

Весной 1918 года во многих полках происходили солдатские возмущения; они приняли яркие и определенные формы, и был момент, когда командный состав французской армии боялся, что он не справится с движением

Летом волна забастовок и демонстраций прокатилась по всей Франции, и во многих местах солдаты, посланные против демонстрантов, отказывались повиноваться (напр., в Лионе).

Особенно была знаменательна политическая стачка, организованная металлистами и выдвинувшая только одно требование: немедленное раскрытие целей войны, она охватила и провинцию. В одном Париже бастовало несколько сот тысяч рабочих.

Эта стачка, организованная фабричными делегатами, могла бы вылиться в нечто еще более грандиозное, если бы не была сорвана синдикальными центрами (при участии Мергейма, который, таким образом, оказался предателем революции)

Одним словом, Франция в прошлом году была очень близка к революции, и лишь ход военных событий ускорил развитие революции в Германии и временно приостановил его во Франции.

Первые месяцы после перемирия во Франции наступило, было, затишье. У французских рабочих создалась иллюзия, что мир и Вильсоновская лига наций, залечив раны, что-то могут дать.

Но по мере того, как становилось ясно, что мир ничего не даст, как вскрывалось полное бессилие конференции, по мере того, как с фронта возвращались солдаты и демобилизованные, иллюзия эта рушилась.

Сейчас среди рабочих снова давно небывалый во Франции революционный под'ем.

Измученные пятилетней войной, рабы французского империализма начинают пред'являть свои счета

А счета тяжелые. Полтора миллиона убитых, столько же искалеченных. Разрушенная промышленность, около миллиона безработных (мартовская цифра, когда демобилизация не была проведена и наполовину), финансовый крах.

С каждым днем рабочие сознают все определеннее, что надеяться они могут только на самих себя, что единственный выход из создавшегося положения — социализм. Растет симпатия к русской революции, к советам, к коммунизму и его вождям, Ленину и Троцкому, растет вера в осуществимость советов, в их жизнеспособность.

Теперь во Франции почти не бывает рабочего собрания, на котором бы не выносились резолюции симпатии к советской России или революции протеста против вмешательства в дела народов, борющихся за социализм.

На демонстрации в честь Жореса в Париже, в которой принимало участие 300.000 человек, господствующим возгласом, покрывавшим все остальные, был: — „Советы, Советы, Советы, да здравствуют Ленин и Троцкий!"

Эта демонстрация, подобной которой давно не бывало во Франции и которая превзошла своей грандиозностью и под'емом все ожидания французских социалистов, была не только демонстрацией возрастающей силы и сплоченности парижских рабочих, но также и его растущей революционности и готовности к борьбе.

Буржуазия была поражена и сейчас же после демонстрации спешно внесла в парламент закон о 8-ми часовом рабочем дне, надеясь этим успокоить рабочих и кстати сорвать демонстрацию первого мая. Но последнее, повидимому, ей не удалось, так как первого мая, по газетным сведениям, на улицах Парижа развернулась не только внушительная демонстрация, но были вооруженные столкновения и баррикады.

Никогда еще празднование первого мая не подготовлялось так тщательно, как в нынешнем году. Была проведена самая широкая подготовительная кампания. Во всех уголках Франции организациями партии и синдикатов устраивались рабочие собрания, на которых принимались единообразные резолюции: о восьми-часовом рабочем дне, об участии в праздновании 1-го мая, об отмене налогов на заработную плату. Почти всегда выносились и приветствия Советской республике, и протесты против вмешательства в русские дела. На многих собраниях делались и такие постановления: „Продолжать стремиться к осуществлению коммунизма в коммунистическом Интернационале". Или: „Призывать все рабочие организации немедленно начать борьбу против режима преступления и несправедливости, против диктатуры буржуазии и господствующих классов". Или: „Призвать пролетариат к последней борьбе за уничтожение классов и за установление коллективистического или коммунистического общества" и т. п.

В провинции „Первомай“, вероятно, прошел не менее революционно, чем в Париже, так как провинция, и этот факт следует особенно отметить и учесть, сейчас не только не отстает от Парижа, но революционнее его.

Вместе с тем замечается и значительный рост французских рабочих организаций.

В синдикатах небывалый еще во Франции наплыв членов. Во „Всеобщей Конфедерации Труда“ насчитывается больше миллиона регулярно платящих членов. Даже чиновники сорганизовались и присоединились к Бирже Труда.

Безработных в марте было уже около миллиона. Дороговизна жизни постоянно возрастает, в провинции многих продуктов сплошь да рядом не хватает. Заработная плата составляет лишь $^{3}/_{5}$ реальной заработной платы. Рабочий день еще очень продолжителен. Экономические забастовки беспрерывно вспыхивают то в одном, то в другом производстве.

Особенно интересна была стачка—демонстрация железнодорожников, во время которой, втечение четверти часа, все французские железные дороги стали. То же самое было проделано и почтовыми чиновниками.

В армии также не все благополучно. Солдаты измучены и вместе с рабочими требуют немедленной демобилизации. Между тем, пока демобилизованы только до призывного 1906 года. Остальные еще ждут демобилизации, так как союзникам нужны войска для оккупации Германии и других стран.

Недовольство, нарушение дисциплины растут среди французских солдат. Французские тюрьмы переполнены солдатами. Насчитывают до 60 000 арестованных.

Много арестовано за отказ сражаться в России. Французским империалистам пришлось уже не раз увозить из России некоторые отряды, которые отказались воевать против советов. На военном судне „Ausrtia“, на почве отказа ехать в Россию, был бунт, во время которого все офицеры были арестованы. Приехавшему их усмирять генералу солдаты и матросы заявили, что они требуют, чтобы их немедленно высадили в Марсель и чтобы полиция их не трогала.

Настроение против интервенции в рабочих массах настолько сильно, что не проходит рабочего собрания, на котором бы не выносились резолюции против нее. Марсель Кашэн с парламентской трибуны призывал солдат отказываться ехать в Россию. Майэрас в связи с интервенцией призывал даже к восстанию.

В партии и в синдикатах точно так же, как в массах, влияние русской и германской революции, влияние III-го Интернационала растет, и среди авангарда французского рабочего класса существует уже сейчас довольно внушительное коммунистическое ядро, но ни в партии, ни в синдикатах раскола еще не произошло. Перика еще сожительствует с Жуо, с Лорно и Сомоно, Поль Фор, Фроссар еще сотрудничают с Реноделем, с Компер Морелем и с Альбером Тома.

Социал-предатели сейчас совершенно скомпрометированы в глазах масс. На митингах им совершенно не дают говорить, и всякое появление на трибуне Жуо или Реноделя встречается неистовым криком. Были случаи, когда на митингах дело доходило до рукопашной. Правые ораторы изгонялись, и трибуной завладевали левые ораторы, не внесенные в списки.

Социал-предатели все еще продолжают проповедывать гражданский мир, но под другим соусом.

Жуо, Вебер, Компер-Морель утверждают, что экономические условия еще не созрели для социализма, и потому, чтобы выйти из тяжелого состояния разрухи, необходимы дружеские совместные усилия хозяев и рабочих. Жуо, который является простым придатком Лушера (министра по делам промышленности), предлагает создание национального экономического совета, в котором приняли бы участие представители предпринимателей, рабочих, и правительства. При Лиге Наций существует Бюро Труда, которое, по замыслу его организаторов, должно регулировать все вопросы труда в международном масштабе и которое также должно состоять из представителей правительств, предпринимателей и рабочих. В нем, между прочим, принимают участие Жуо и Вандервельде.

Все это быстро и неудержимо уничтожает даже последние остатки доверия и авторитета, которыми еще пользовались эти господа. В партии прежнее меньшинство уже стало большинством; и партийные газеты и партийные центры находятся в его руках. Правые элементы настолько потеряли всякое влияние, что на последнем партийном конгрессе они даже не решились огласить свои резолюции. В федерации Гар Компер - Морель, который когда-то там был богом и царем, остался в таком меньшинстве, что вынужден был снять свою резолюцию.

И массы неудержимо толкают своих вождей влево: „Юманитэ“, центральный орган французской социалистической партии, тираж которого за время войны, пока он был в руках правых социалистов, пал до ничтожного числа, теперь, перейдя в руки „миноритэров“, после того, как в нем больше не пишут правые, поднялся до 100.000.

„Попюлэр“, который выписывается не во всей Франции, а идет только в Париж и в департамент Сены, расходится в 15.000 экземплярах. Но номер „Попюлэр“, посвященный Советской России, разошелся в 50.000 экземплярах. Сейчас всякий левый орган быстро распространяется. Напр., „Волна“, издаваемая Бризоном, маленькая, очень популярно редактируемая еженедельная газетка, распространяется в 60.000 экземплярах. „Интернационал“, еженедельник, издаваемый Перика и открыто об'явивший себя большевистским, достиг уже с седьмого номера тиража в 15.000.

Внутри партии борьба между левыми элементами партии и правыми резко обостряется.

Вопросы о диктатуре пролетариата, о русской революции, о III Интернационале вызывают горячие споры, и правые не могут говорить о большевизме, об октябрьской революции и о диктатуре пролетариата без пены у рта.

Так называемые миноритэры (вроде наших меньшевиков), которые сейчас составляют большинство партии, об'единяя самые разнообразные элементы от Поля Фора и Фроссара до Лонге и Марселя Кашэна, цепляются, во что бы то ни стало, за единство, не хотят выкинуть из партии правых, стараются смягчить все углы, примирить непримиримое.

Благодаря такому курсу, „Юманитэ“ совершенно бесцветна; или получается курьез, вроде того, какой произошел с избирательной

платформой. Чтобы создать платформу, которая могла бы об'единить все течения, миноритэры, или во всяком случае левая их часть, сдала свои позиции, и социал-патриоты настояли на том, чтобы эта платформа была предложена на с'езде в качестве резолюции по текущему моменту. Платформа была подписана и социал-патриотами и миноритэрами; только два наших товарища, Лорио и Сомоно, противопоставили ей свою платформу, выработанную „Социалистической секцией Комитета по восстановлению международных сношений". *)

Не только в рабочих массах, но и внутри социалистической партии, в авангарде пролетариата, на с'ездах федераций социалистической партии голосованием ясно обнаружилось, какое большое влияние уже приобрел коммунизм во Франции. Международный с'езд III-го Интернационала и создание бюро дали сильнейший толчок самокритике внутри партии, поставив ребром вопрос о том, куда примкнуть — пойти ли с коммунистами в III Интернационал, или остаться с шейдемановцами во II Интернационале.

Это-то и вынудило французских миноритэров поставить вопрос о знамени в порядке дня с'езда; а предварительно вопрос подымался на собраниях федераций.

Выдвинуты были две точки зрения: миноритэров и коммунистов. Правые элементы — Компер-Морель, Ренодель и проч. не решились даже пред'явить свою особую резолюцию, так как чувствовали себя слишком бессильными. Точка зрения миноритэров была такова: „пока мы еще не решаемся примкнуть к III-му Интернационалу, а на с'езде II-го Интернационала, который состоится летом, мы будем в оппозиции, постаравшись уговорить большевиков тоже присутствовать на этом с'езде;—выкинем самые правые и нежелательные элементы и таким образом переделаем и улучшим второй Интернационал. Если же нам это не удастся, то мы выйдем оттуда и тогда уже окончательно примкнем к III-му Интернационалу". Коммунисты, наоборот, предлагали немедленно примкнуть к III-му Интернационалу.

Интересны результаты голосования по поводу этих двух точек зрения; на с'езде Сенской федерации по вопросу об общей политике резолюция миноритэров получила 3.851 гол.; резолюция Лорио 2.563, резолюция Блюма (несколько правее первой) 1.298; по вопросу об Интернационале резолюция миноритэров 3.999, резолюция Лорио 2.214 и резолюция Блюма 1.305; по избирательной программе предложение миноритэров 2.351, предложение Лорио 2015. В провинции многие федерации, как напр., Тулузская и Лионская, приняли большинством голосов резолюции о немедленном присоединении к III-му Интернационалу.

Если вспомнить, что еще совсем недавно резолюции Лорио собирали лишь десятка два голосов, станет ясно, что за последнее время идеи коммунизма развиваются чрезвычайно быстро и сделали громадный скачок вперед. Внутри социалистической партии сторонники III-го Интернационала являются сейчас значительной силой, составляют уже настолько значительное ядро, что могли бы, при теперешних настроениях рабочих масс, стать в центре движения. Но для этого им необходимо отколоться от правых, создать самостоятельную коммунистическую организацию, основать свою коммунистическую газету.

И, несомненно, при создании такой организации, нашим французским товарищам следовало бы забыть относительно неважные в данный момент разногласия с синдикалистами и в общей борьбе об'единиться с теми из них, которые, как Перика, Росмер или Монар, стоят на почве III-го Интернационала.

Создание такого центра имеет громадное значение для всего дальнейшего развития революции. Пока у французского пролетариата не будет организованного революционного центра, его движение будет тормазиться.

Первые шаги к его созданию уже делаются, и к концу апреля нынешнего года должен был выйти первый номер газеты „Рабочая Жизнь". В редакцию войдут, с одной стороны, социалисты Лорио, Сомоно и Борис Суворин (?), с другой—синдикалисты Росмер и Монар.

К сожалению, Перика пока еще остается в стороне от этого органа и отдельно издает газету „Интернационал". Но надо надеяться, что в ближайшем будущем наши французские товарищи поймут необходимость раскола с социал-патриотами и самого тесного единения всех революционных элементов рабочего движения Франции во имя общей борьбы за III-й Интернационал.

Все условия революции сейчас на лицо. Франция переживает тяжелый экономический и финансовый кризис. Главные центры ее промышленности разрушены. Разрушены сотни городов и сел. Доменные печи потушены. Шахты затоплены. Транспорт нарушен. Из тяжелого финансового кризиса буржуазия не находит выхода. Победа оказалась пирровой победой. Французская буржуазия судорожно бьется, чтобы как-нибудь выйти из положения, которое грозит ей гибелью; она пытается выбиться путем самой наглой, ничем не прикрытой диктатуры. Роль парламента уже открыто, явно для всех, сведена к нулю. Вся буржуазная печать стала откровенно правительственной. Во Франции царят военщина, осадные и военные положения. Рабочие организации преследуются, рабочая печать беспощадно урезывается. Бряцая оружием, французская буржуазия пытается навязать свою диктатуру всей Европе. Париж стал центром всемирной реакции. Но все эти попытки только яснее обнаруживают и перед французским пролетариатом, и перед другими народами бессилие буржуазии, и французскому пролетариату с каждым днем становится очевиднее, что единственный выход — революция и социализм.

Вместе с тем идеи коммунизма, влияние которых еще совсем недавно во Франции было ничтожно, растут и крепнут. Один из последних оплотов империализма быстро разлагается. Мы не можем предсказать, когда именно, в какой день или месяц вспыхнет революция, но что Франция сейчас уже накануне революции,—это можно сказать с уверенностью.

Е. БЛОНИНА.

*) См 2-й № „Ком Инт.", стр. 231 русского издания.

ДЕМОКРАТИЯ и БОЛЬШЕВИЗМ.

Бернская конференция показала, что хотя ненависть к большевизму—иначе говоря, к социалистической революции—и не разделяется массами, симпатии которых и по инстинкту и по разуму—на стороне борющегося пролетариата,—но все же эта ненависть вызвала среди значительной части профессиональных и социалистических штабов довольно сильное контр-революционное течение, которое мы должны попытаться обезвредить.

Когда под предлогом теоретических соображений,—большею частью совсем не совместимых с действительными принципами социализма, — открыто или в искусно скрытой формулировке порицают великую борьбу, которую ведет сейчас Советская Россия,—то этим вольно или невольно оказывают услугу интернациональной реакции и поддерживают ее в преступном походе против первого великого народа, победоносно возвестившего власть труда и проявившего твердую волю к созданию нового строя. И если в то же самое время пользуются отжившей уже свой век фразеологией для сопоставления преимуществ демократии и диктатуры,—то не ясно ли, что этим лишь поощряют реакционную наглость так называемых „демократических" правительств, которые, подобно французской республике, стали центрами всех антипролетарских движений и оплотом для самообороны капитала? Не удивительно, что общественное мнение, и без того уже отравленное позорной кампанией в прессе, проникается ненавистью к народам, ведущим революционную борьбу; это облегчает осуществление всякого рода мер, к которым сознание общей опасности вынуждает прибегнуть еще стоящую у власти международную буржуазию.

Приверженцы так называемых демократических принципов и хулители неизбежной диктатуры пролетариата, таким образом, как бы сами заряжают пушки в Мурманске, Архангельске и Одессе, и сами содействуют созданию атмосферы, в которой становится возможным гнуснейший позор и величайшее преступление: Франция—во главе разбойничьего похода, каким является война против рабоче-крестьянской России. Это наиболее очевидное последствие политики этих людей. Против нее-то мы должны всеми силами бороться и протестовать.

Требуется известная доля бесстыдства, чтобы спорить о положительных и отрицательных сторонах русской революции в тот момент, когда она со всех сторон окружена врагами социализма. Ни в Англии ни во Франции мы даже не сумели еще заставить свои капиталистические правительства отозвать из России войска, отказаться от содействия авантюрам Колчака и Деникина, открыто стремящихся к восстановлению царизма, и прекратить преступную блокаду, цель которой—уморить голодом более ста миллионов людей. А мы ведь в парламентской оппозиции, доходящей даже до обструкции! В чем же выразились результаты протестов профессиональных союзов, имевших целью совместно с нами создать мощное движение масс? Если французский пролетариат на этом успокоится, ему трудно будет снять с себя ответственность пред историей за преступную экспедицию, предпринятую его правителями.

Следует также сказать, что мы не имеем ни нравственного ни политического права навязывать свою критику и свою проповедь морали людям, с ноября 1917 года принявшим на себя тяжелую задачу руководить первой победоносной социалистической революцией. Прежде всего спасем их, не допустим, чтобы союзные империалисты их задушили, заставим своих банкиров, промышленников и правительственных лакеев прекратить эту злодейскую войну, этот крестовый поход реакции. Тогда, и только тогда, мы будем иметь некоторое право возобновить наши дискуссии о методе. Когда член нашей семьи подвергается в лесу нападению разбойников, то его родственникам и друзьям не время обсуждать вопрос о том, имел ли несчастный право бродить по лесу без зонтика или нет, — важно как можно скорее поспешить к нему на помощь.

Русские социалисты, относящиеся враждебно к большевикам, поняли наконец эти элементарные истины. Ныне в России среди всех представителей рабочего класса и социализма царит полное единодушие в вопросе о недопустимости каких бы то ни было видов вмешательства иностранцев, которое во всяком случае может служить и служит лишь интересам контр-революции. Отсюда мы черпаем надежду, что и горсть социалистов, эмигрировавших из России и распространяющих в наших столицах свои страстные обвинения против большевизма—находя, впрочем, отклик только в буржуазных кругах и среди министерских социалистов—что и они скоро откажутся от своего предприятия. Если они этого не сделают, они окажутся в противоречии со всей революционной Россией, только что образовавшей единый общий фронт против своих внутренних и внешних врагов. Будем также надеяться, что данный Россией пример революционного единения найдет подражание и у нас и что товарищи, „демократизм" которых задет системой советов, отложат свою критику до того времени, когда им удастся принудить „французскую демократию" отказаться от политики, слишком уже напоминающей наихудшие времена немецкого империализма.

Поль ФОР.

ОТ БРЕСТ-ЛИТОВСКА ДО ВЕРСАЛЯ.

Когда в Брест-Литовске был подписан мирный договор между представителями Российской Социалистической Федеративной Советской республики и представителями Германской Империи, вся буржуазная пресса Согласия, в особенности же французская печать, разразилась криками негодования, проклятиями, руганью и клеветой. С особым злорадством рисовала она перед массами, которые втечение четырех лет отравлялись ядом воинствующих газет, образ социалистической России, преклонившей колени перед германским империализмом и беспрекословно принимающей драконовские условия мира, продиктованные главным штабом и металлургической промышленностью Германии. Но большевики, подписывая Брестский договор, знали, что делают. В особенности Ленин с'умел и другим внушить свои надежды на конечное торжество социализма и доказать, что хотя ход германской революции временно, благодаря господству шовинизма, несколько замедлился, но что сам по себе факт заключения сепаратного мира не может повредить революции, что империализм в конце концов будет окончательно разоблачен и что пример российской социалистической республики будет все больше вдохновлять народы всего мира и оказывать на них огромное влияние. В математически-неопровержимых тезисах своего доклада „О мире" Ленин утверждал, что ни один марксист, вообще ни один социалист не может, не отрицая основных принципов марксизма, оспаривать, что интересы социализма стоят выше, чем права той или другой национальности на самоопределение.

Версальский мир представляет собой одно из последствий Брестского мира. Брест обратился против немецких империалистов; в скором времени Версаль (этот Брест союзников) обратится против держав Согласия.

Когда внимательно вчитываешься в мирный договор, то по временам так и кажется, что имеешь перед собой произведение какого-нибудь коварного парижского хроникера, виртуоза иронии; чувствуются даже когти главного редактора „L'homme libre", Тигра. Надо только удивляться, что в этом документе нет статьи, постановляющей, чтобы самые красивые женщины Германии были отданы французскому главному штабу. Почему в придачу не постановить еще, что все дети мужского пола, имеющие родиться втечение первых пятидесяти лет после заключения договора, должны быть оскоплены? Взять хотя-бы параграф 14-го раздела, касающийся гарантий и начинающийся словами: „Если Германия будет строго соблюдать все пункты договора, то предусматривается прогрессирующая эвакуация"... Сколько в этом одном параграфе неподражаемой иронии! И однако, как ни тяжелы эти условия, они еще далеко не удовлетворяют заклятых империалистов и военную партию. Маршал Фош, похожий, как брат родной, на генерала Гофмана, жаловался на то, что срок для окончательной эвакуации был назначен в пятнадцать, а не в тридцать лет. В самом деле, остается только удивляться этой относительной снисходительности дипломатов Согласия, ибо с военной точки зрения все позволено, и „стратегические" интересы не допускают ограничений. В манифесте Интернационала от 9 сент. 1870 г. Карл Маркс писал: „Если границы народов должны устанавливаться на основании военных соображений, то требованиям об обратном возвращении территорий не будет конца, ибо всякая военная пограничная линия неизбежно имеет в каком-нибудь месте из'ян, который может быть исправлен присоединением смежной территории; с другой стороны, окончательное и справедливое установление границ невозможно уже потому, что последние навязываются победителем против желания побежденного и потому с самого начала носят уже в себе зародыш новой войны".

Чтобы пустить массам пыль в глаза, версальские уполномоченные внесли в договор несколько пунктов, о которых втечение войны трубила вся пресса, в том числе социал-патриотические и социал-пацифистские газеты. В них устанавливается принцип ответственности, Вильгельм II публично обвиняется в тягчайшем оскорблении интернациональной морали и священного авторитета договоров. Голландии было пред'явлено требование о выдаче виновного, и требование это уже принято. Но, право-же, эти неподкупные люди, эти неумолимые судьи слишком уж строги по отношению к бедняге Гогенцоллерну! Ведь когда-то они и не думали требовать к суду русского царя, этого палача, преступлениям которого несть числа и которому они своей политической и финансовой поддержкой дали возможность всецело поработить русский пролетариат. Окончательный, не подлежащий апелляции приговор выносят по вопросу о виновниках войны документы, опубликованные тов. Покровским, и Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира.

Все в той-же надежде затормазить революционное движение и облегчить задачу социал-предателей, договор проектирует учреждение постоянного органа, имеющего целью „обеспечить физическое, моральное и духовное благо живущих своим личным заработком". Кого они расчитывают обмануть этим миражем? Уже один перечень бесчисленных статей договора, касающихся вопросов политических, территориальных, экономических, финансовых, военных, воздухоплавания и т. д, свидетельствует о грубом и безудержном империализме держав Согласия. С Германией проделывают то же, что сделали с Персией, что претерпела когда-то Польша. К ней в точности применяется лозунг худших французских и английских империалистов Delenda Germania! Раздел Германии, ее уничтожение были предрешены международным сообществом преступников, скрывающихся под пышным титулом „Лиги Наций".

В конце концов, обессиленная и выпотрошенная Германия становится лицом к лицу с „великой Антантой", так как Лига Наций, по справедливому замечанию товарища Чичерина в его интервью с сотрудником „Известий", является только „расширенной коалицией". За несколько дней до подписания договора, даже Центральный Комитет весьма и весьма буржуазной „Лиги Прав Человека" об'явил, что Лига Наций „грозит превратиться в Лигу союзников под верховенством великих милитаристских держав, руководимых правительствами, которые находятся вне всякого контроля народов".

Вот тут-то во всей полноте и проявляется преступность и глупость социал-предателей, которые с момента изобретения формулы „Лига Наций" об'явили себя ее решительными сторонниками и сделали ее главным оружием своей „социалистической" пропаганды.

Эта Лига Наций, которой удалось присоединить к себе несколько нейтральных стран, со времени разгрома Германии запродавшихся экономически и политически Антанте (напр. Швейцария), действительно представляет собой, как утверждали революционные интернационалисты, страшную контр-революционную силу, направленную против всемирной республики советов. Она направлена не только против Германии, но и против рабочего движения вообще. С этой именно целью, под предлогом разоружения, мирный договор предусматривает организацию белой гвардии, единственной задачей которой является подавление революционной воли масс. Уже задолго до Версальского договора демократическая Швейцария, называющая себя старейшей из республик и демократий, учредила у себя своего рода корпус белогвардейцев—вооруженную полицию.

Версальский договор означает торжество самого циничного, самого грубого империализма и поражение империализма изящного, умеренного, олицетворяемого лучше всего Вильсоном. Версальский договор освящает триумф контр-революции, великолепным символом которой является диктатура Клемансо, главного автора этого договора. Франция, которую болтливые политики, бульварная пресса и социалпатриоты любят изображать страной революции, страной, идущей в авангарде прогресса, справедливости и цивилизации, на самом деле представляет в настоящее время страну военной реакции и самой ужасной контр-революции.

Но каковы бы ни были временные успехи контрреволюции на западе, Лига Наций все-же не замедлит распасться — ибо она носит в своих недрах весь антагонизм, все соперничество, существующие между различными участниками ее и только временно усыпленные грубым разделом останков Германии. Именно потому, что Версальский договор направлен против революционного движения, он и остается лишь клочком бумаги*)

Нет сомнения, еслибы оправдались расчеты дипломатов, подписавших договор, последствия его оказались бы гибельными для революционного и советского движения. Но, к счастью, версальские уполномоченные, благодаря узости своего кругозора, не считались с историей, которая сама делает людей, но не делается отдельными людьми. Если такие лица, как Вильсон, лорд Грей, Ленсдоун и др. иногда и проявляли известную умеренность и мудрость, если они в своих речах и писаниях и пытались доказать, что Лига Наций должна стать новой хартией человечества, то это вызывалось именно тем, что они предвидели распространение красного зарева и питали тайную надежду смягчить его резкий свет. Но в Версале победу одержали откровенные контр-революционеры, и это обстоятельство мы можем только приветствовать, ибо они в свою очередь скоро будут побеждены революционерами.

Версальский договор—я твердо убежден в этом—послужит закваской для революционного теста.

Анри ГИЛЬБО.

*) Несколько недель тому назад один из главных представителей капиталистического класса Германии заявил на собрании Демократической партии во Франкфурте: „На мирном конгрессе восторжествует империализм, ибо он сильнее воли Вильсона, но империализм Антанты рухнет, как и империализм Германии, и подготовит торжество большевизма."

ФРАНЦ МЕРИНГ.

3 февраля в Берлине скончался патриарх германского коммунизма Франц Меринг.

Поистине, у богатого недруги мрут, у бедного друг умирает...

Карла Либкнехта и Розу Люксембург убили злодеи, называющие себя „социал-демократами". Франца Меринга унесла в могилу болезнь, роковой исход которой, конечно, ускорился тем палаческим походом, который предприняли Шейдеман и компания против германского рабочего класса.

Франц Меринг родился в 1846 году. Ему было, стало быть, теперь уже 73 года. Тем не менее, до последнего времени Франц Меринг сохранил бодрость духа, и друзья, шутя, называли его самым молодым из германских коммунистов.

Меринг родился в состоятельной буржуазной семье и получил вполне буржуазное воспитание. Первые годы своей деятельности он проводит в рядах буржуазии; втечение нескольких лет он ведет даже активную борьбу против тогдашней германской социал-демократии.

В 80-х годах в мировоззрении Франца Меринга происходит резкий перелом: Меринг переходит на сторону рабочего класса.

И вот что крайне характерно для Меринга: он сближается с германской социал-демократией как раз тогда, когда эта последняя подвергается самым жестоким гонениям со стороны германского правительства и со стороны германской буржуазии. Как раз в годы исключительного закона против социалистов, когда от германской социал-демократии отшатнулись все случайные пришельцы, когда все так называемые „порядочные" люди считали своим долгом клеветать на германскую социал-демократию, когда интеллигенция бежала от рабочей партии, как от чумы,—как раз в это время Франц Меринг счел своим долгом поддержать гонимую, оклеветанную и преследуемую буржуазной злобой рабочую партию.

Франц Меринг входит в германскую социал-демократию. И уже через несколько лет он занимает в ней одно из самых выдающихся мест наряду с Бебелем, Вильгельмом Либкнехтом, Зингером. Блестящий публицист, он становится грозой буржуазной прессы. Его удары всегда бывали метки. Его памфлеты против Штеккера (1882 г.) и против пресловутого Евгения Рихтера (1892 г.) сразу завоевывают ему выдающееся место в германской журналистике. Каждый политический памфлет Франца Меринга становится крупнейшим литературным, а зачастую и политическим событием. Каждая статья Меринга больно бьет противника. Каждая литературная стрела этого выдающегося бойца всегда метко попадает не в бровь, а в глаз противнику.

Но Меринг был и крупным теоретиком марксизма. В его лице мы видим редкое сочетание блестящего памфлетиста с несравненным политическим журналистом. Меринг считался первым журналистом в Германии, выдающимся историком и теоретиком, почти ученым. В области исторического исследования Франц Меринг дал нам блестящие образцы материалистического об'яснения истории. Замечательная работа Меринга „Легенда о Лессинге" является, несомненно, одним из шедевров материалистической историографии и марксистской литературной критики.

Особенно широкой известностью пользуется работа Меринга „История германской социал-демократии". Эта книга не свободна от ошибок. Так, оценка Мерингом всей позиции Лассаля в той ее части, в которой она не совпадала с позицией Маркса, неоднократно и вполне правильно подвергалась критике. Меринг не хотел признать всей правоты Карла Маркса в его борьбе против некоторых сторон учения Лассаля (вопросы о „патриотизме" и т. п.). Но, несмотря на это, упомянутая работа Меринга является ценнейшим вкладом в историю международного рабочего движения.

В 90-х годах, с начала борьбы между ревизионистами и марксистами, Франц Меринг сразу, без колебаний, занимает позицию противника ревизионизма. Вместе с Розой Люксембург, с Каутским и Парвусом (Каутский и Парвус тогда еще были социалистами) Франц Меринг открывает литературный поход против соглашателей тогдашнего времени—ревизионистов. Удары, которые наносил Меринг ревизионистам, всегда были для них особенно роковыми.

Долгое время Франц Меринг редактирует газету лейпцигских рабочих „Лейпцигер Фольксцейтунг" (Лейпцигская Народная Газета). Это были годы литературного расцвета деятельности Меринга. Он поднимает лейпцигскую газету на недосягаемую высоту. Благодаря его работе, орган лейпцигских рабочих занимает первое место во всей мировой социалистической печати.

Затем Франц Меринг является одним из редакторов и самым выдающимся сотрудником научного журнала германской социал-демократии „Ди Нейе Цейт" (Новое Время). Передовые статьи Меринга, подписывавшегося в этом журнале не своим именем, а значком, изображавшим стрелу, всегда являлись образцом литературного изящества и, вместе с тем, принципиальной выдержанности.

В 1900—10 г.г. главный редактор „Die Neue Zeit" Карл Каутский начинает поворачивать направо. Каутский пытается создать среднюю группу, „группу центра". Каутский начинает вилять между сторонниками Розы Люксембург и сторонниками ревизионистов—Бернштейна, Давида и компании. Втечение короткого периода времени Франц Меринг занимает нейтральную позицию в этой борьбе. Но уже очень скоро Франц Меринг убеждается, что Каутский отходит от позиции марксизма и постыдно выдает марксистское учение на поругание буржуазным лакеям, называющим себя социал-демократами. Тогда Франц Меринг, не колеблясь,

об'являет войну своему долголетнему сотруднику Карлу Каутскому. Постепенно борьба обостряется, и, наконец, Франц Меринг окончательно порывает с бесхарактерным Каутским и его группой.

Уже до начала войны германские большевики образуют „лево-радикальную", как ее называли в Германии, группу. Первыми признанными теоретиками этой группы выступают Франц Меринг, Клара Цеткина и Роза Люксембург. В ближайшее время к этой группе, как один из ее политических вождей, примыкает и Карл Либкнехт.

Но вот разразилась империалистическая война.

4-го августа 1914 года германская социал-демократия вотирует за военные кредиты и тем окончательно переходит на сторону буржуазии. Карл Каутский приводит в движение весь свой ученый аппарат для того, чтобы мнимо-марксистскими доводами оправдать это подлое предательство, совершенное Шейдеманом и компанией. Карл Либкнехт в единственном числе голосует против военных кредитов и тем спасает честь германского рабочего класса. Франц Меринг, ни минуты не колеблясь, солидаризируется с Карлом Либкнехтом и об'являет войну социал-шовинистам.

В момент, когда разгул шовинизма в Германии достигает высших пределов, когда вся германская социал-демократия ползает у ног своего обожаемого монарха Вильгельма, когда все в Германии пьяно от шовинизма и когда среди германского рабочего класса пытаются особенно разжечь ненависть против англичан, Фр. Меринг вместе с Кларой Цеткиной и Р. Люксембург выступают с первым открытым манифестом, в котором они выражают братские чувства английским рабочим и всему рабочему Интернационалу. Надо вспомнить тогдашнюю атмосферу, насыщенную всеобщей ненавистью, чтобы понять все то значение, какое имело указанное письмо. Это была первая ласточка Третьего Интернационала.

На Циммервальдскую конференцию Франц Меринг сам не мог прибыть. Но он прислал нам письмо, полное дружеской поддержки. В этом письме он говорил нам: бейте не только шейдемановцев, разоблачайте до конца также и сторонников половинчатого „центра", руководимого бесхарактерным Каутским.

Шайка Вильгельма упрятала Франца Меринга в тюрьму. Его, больного 70-летнего старика, держали в невыносимо тяжких условиях. Но, как известно, шайка Вильгельма не всегда действовала так бесстыдно, как действует сейчас шайка Шейдемана. Франца Меринга освобождают из тюрьмы, и он немедленно принимается опять за работу в рядах германских большевиков. Он пишет нелегальные листки, он сотрудничает в нелегальной газете „Спартак", он посылает корреспонденции о германском рабочем движении в швейцарскую интернационалистическую печать, он переписывается с рядом более молодых товарищей, ободряя их и зовя на борьбу.

Либкнехт и Роза Люксембург в тюрьме, Клара Цеткина больна. Одно время почти все идейное руководство группой „Спартак" ложится на плечи старого Меринга. И Меринг блестяще справляется с этой задачей.

С первыми же раскатами русской революции Франц Меринг всецело становится на сторону большевиков. Аксельрод, Мартов и другие меньшевики, имевшие долголетнюю личную связь со всеми вождями германской социал-демократии и в том числе с Францем Мерингом, пытаются путем лживой информации внушить Мерингу ту мысль, что большевики губят русскую революцию. Но Меринг отметает меньшевистскую ложь и всецело становится на нашу сторону...

Мы вспоминаем обстановку немедленно после заключения нами Брестского мира. Нам говорили, что прежде всего немецкие рабочие воспримут этот мир, как нашу измену по отношению к германскому пролетариату. Не было той клеветы, которая не сыпалась бы на нашу голову в эти памятные, тяжелые, скорбные дни. В германской прессе шейдемановцы и сторонники Каутского не гнушались повторять те сплетни, которые распространялись про нас в России многочисленными нашими врагами. В этот момент поднимает голос протеста Франц Меринг. Он выступает с замечательной статьей по поводу Брестского мира и пророчески предвидит в ней тот момент, когда Брестский мир обратится против германских империалистов, навязавших этот палаческий мир истекавшим кровью русским рабочим.

И с этих пор Франц Меринг не перестает посылать нам, как только представляется возможность и когда позволяет ему его пошатнувшееся здоровье, статью за статьей, в которых Меринг вполне и безоговорочно солидаризируется с нами, коммунистами.

Когда началось чехо-словацкое контр-революционное восстание, когда правые эс-эры и меньшевики заставили нас обнажить меч и прибегнуть к красному террору,—за границей особенно усилился поход клеветы против большевиков. С бешеной злобой, с невероятным цинизмом, с пеной у рта писала о нас в это время вся европейская буржуазная и соглашательская печать.

В это время опять поднимается престарелый Франц Меринг и в одной из памятных статей тогдашнего времени заявляет: „Да, еслибы большевики в их борьбе против врагов пролетарской революции были еще в десять раз беспощаднее, историческая правда все же осталась бы на их стороне!" И Меринг прибавляет: „Если большевики удержатся у власти, их подвиги будут благословляемы рабочим классом всего мира, а если об'единенной реакции удастся свалить большевиков, рабочий класс всего мира будет отброшен на долгие десятилетия назад".

Когда группа спартаковцев переименовала себя в партию коммунистов, старый Франц Меринг был счастлив, как ребенок. Он с гордостью называл себя коммунистом и мечтал, как о величайшем счастьи, о том, чтобы остаток своих дней посвятить работе в рядах этой партии.

Еще совсем недавно нам довелось беседовать с одним из руководителей спартаковцев, принадлежащим к более молодому поколению коммунистов. С какой теплотой, с какой лаской отзывался этот товарищ о „нашем старике" Франце Меринге. От Франца Меринга передавал он нам самые задушевные и самые дружеские приветы.

И вот теперь Франц Меринг умер. Умер через несколько дней после того, как его личные друзья Карл Либкнехт и Роза Люксембург были зверски убиты, умер в момент, когда борьба за коммунизм в Германии входит в решающую стадию...

Многие деятели старого поколения показали нам спину втечение последних лет. Таких людей, как Вальян, Плеханов, мы провожали в могилу с двойственным чувством. Мы были благодарны им за ту колоссальную работу, которую они выполнили в то время, когда они грудью шли против течения, когда они прокладывали дорогу к социализму. И мы негодовали по поводу той буржуазной политики, которую они проводили в последние годы своей жизни и которою они нанесли такой громадный урон делу рабочего класса.

Старого Франца Меринга мы проводили в могилу с совсем другими чувствами. Мы почтительно преклонили колени перед могилой старого и славного бойца.

Читатель помнит фигуру 20-летнего юноши, рабочего спартаковца, которого, после подавления спартаковского восстания, под дулом револьвера заставили кричать: „да здравствует Шейдеман!" и который, умирая, крикнул: „да здравствует Карл Либкнехт!" Такова коммунистическая молодежь в Германии. Эта фигура самоотверженого юноши навсегда останется несравненным образцом самоотверженности и преданности рабочему делу. И рядом с ним в Пантеоне коммунизма будет вечно стоять перед нашими глазами фигура преклонного годами и убеленного сединами несгибаемого коммуниста Меринга, который до последнего часа своей жизни знал „одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть:" борьбу за победу всемирной Коммуны.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

В. ВОЛОДАРСКИЙ.

(1891—1918).

22 июня Красный Петроград открыл памятник вождю и любимцу питерских рабочих, пламенному пролетарскому трибуну, год тому назад (20 июня 1918 г.) павшему от руки убийцы—предателя рабочего класса *).

„До сих пор мы ставили памятники борцам предыдущих эпох,—сказал, открывая памятник Володарскому, тов. Зиновьев.—За два года мы поставили памятники таким деятелям, как Чернышевский, Каляев, Жорес. Сегодня мы открываем первый памятник деятелю наших дней, борцу пролетарской революции, тов. Володарскому".

Родившись в Волынской губернии в семье еврея, портного по профессии, Володарский с юных лет отдается революционной деятельности, отрываясь от нее только для того, чтобы удовлетворить жажду научных знаний. Поработав первые годы в Бунде в Юго-западной России, отведав затем тюрьмы и ссылки (в Архангельскую губ.), Володарский эмигрирует в 1913 г. в Америку, где, работая на портняжной фабрике, он вступает в интернациональный професс. союз портных и примыкает к амер. соц. партии.

„Вплоть до самого от'езда в апреле 1917 г. в Россию он принимал активное участие в работе, как агитатор, пропагандист и журналист, работая среди еврейских, русских и английских пролетариев", вспоминает о нем тов. Восков. „Столь полно проявленные им в Петрограде черты характера он проявлял и там: суровый аскетизм, полный отказ от личной жизни—ни минуты для себя, все время для партии, для рабочего класса..."

Он давно уже рвался в Россию, февральская революция только ускорила его от'езд, и в мае 1917 г. он в Петрограде, где сразу бросается в работу и скоро вступает в ряды большевиков.

Вот как характеризует его тов. А. Луначарский, в речи произнесенной на заседании Петр. Совета через 2 дня после смерти Володарского:

„Этот человек из еврейской рабочей семьи, пройдя испытание американского эмигрантства, как будто принес с собою из-за океана что-то металлическое и электрическое, что-то сжатое, умеющее пользоваться временем, что-то режущее, такое, что подчас даже как будто чуждо нашей мягкой славянской натуре, что напоминало настоящий клинок и, действительно, являлось подлинным оружием в той борьбе, которая, как он часто любил повторять, может только оружием решаться. Его слово было резко, потому что резало. Его слово било метко и наносило подлинные раны. И за это его ненавидели".

„Человек молодой, недавно приехавший, он держался в задних рядах. Это было до июля, до того разгрома нашей партии, который тогда произошел. Товарищу Ленину пришлось бежать, Зиновьев был вырван, Троцкий сидел в тюрьме, на улицах убивали большевиков, закрыты были наши газеты и разгромлены организации. В это время тем, кто был во втором ряду, пришлось выйти на первые места, и среди них тов. Володарский оказался первым. В минуту, когда можно было растеряться, он сказал: ни шагу уступки. Он был одним из тех, которые смогли вдохнуть мужество в дрогнувшие после первой неудачи ряды".

„С тех пор Володарский занимал с каждым днем более заметное место в наших рядах. Мы

*) Имя убийцы осталось неизвестным, но Борис Савинков хвастался во французских газетах, что его партия—партия правых с-р —организовала убийство Володарского.

чувствовали, что другого такого железного, верного человека мы вряд ли сыщем. Где бы ни обнаруживалась брешь, слабость, Володарский был там. Когда встал вопрос о том, кто должен был бы руководить агитацией в Петрограде, мы сказали: Володарский. Когда надо было организовать газету, которая проникла бы во все поры рабочего существования, которая была бы родной для рабочих, говорила бы рабочим языком, рабочей мудростью, мы сказали: редактором должен быть Володарский. И на эти ответы, которые давали мы — руководящие центры, от пролетариата всегда следовала благодарность. Да, они чувствовали, что этот человек, который от них вышел и к ним возвращается с большими познаниями, с большой выдержкой в смысле тактики, что он является их журналистом, их пером, их трибуном".

„И его боялись, негодовали, шипели, ругали; другие находили более мягкие слова; с ним было жестко разговаривать. Это была персонификация рабочего класса. Рабочий класс не любит разговаривать в белых перчатках. Он говорит то, что есть. А когда буржуазии скажешь то, что есть, она, конечно, трепыхается и ненавидит. Когда же она на самом деле снимает белые перчатки, она показывает когти и беспощадно впивается в горло противника. Но когда она боится, трепещет, она требует гуманности, требует мягкости, она тогда с ненавистью говорит: вот из них именно Володарский самый ожесточенный. Это был человек наибольшей правды, наибольшего сознания правильных соотношений. И мы это в нем ценили. Мы часто говорили в трудную минуту: пойдешь к Володарскому, поговоришь, послушаешь его металлический голос, его великолепную, пламенную, текучую речь, которая превращала, по словам самих буржуазных газет, часто враждебную аудиторию в друзей нашей партии, и скажешь себе: да, от этой веры можно зажечь собственную свечу, если она на минуту угасла".

„И, действительно, это не случай. Я не верю, чтобы это был случай. Они выбрали того, кто казался наиболее опасным. Я не знаю подробностей заговора, но здесь есть логика. И они на своем проклятом Невском, в своих газетах оправдывают и об'ясняют, почему это был Володарский. Этого рабочего трибуна они ненавидели в особенности. Но, товарищи, зато они могут, пожалуй, покаяться теперь, если они сколько нибудь сознательно руководили подлой рукой убийцы. Ибо правду сказал товарищ Зиновьев: такие люди, умирая, встают из могилы, как богатыри, как исполины. Такие жертвы не остаются никогда в своем гробу. Я видел сегодня труп Володарского, и на меня он не произвел впечатление трупа. Мне не казалось, что он одинок, что ему холодно, что он ушел. Я видел: его окружали бесконечно теплой, горячей атмосферой все те, кто был вокруг него. И неподвижные, как изваяния, красноармейцы, несущие караул, и все эти шепчущие со смешанным чувством любви и ненависти рабочие, и та работница, которая плакала над ним, как над сыном,— это, действительно, было, как изваяли художники статую Мадонны, оплакивающей Христа: плакала работница над сыном, не над своим, а над сыном своего класса. И я говорю: в этот момент, когда он ушел от жизни, он приобрел жизнь вечную. Теперь, когда вы поете вечную память, это будет не пустая память, как бывают пустые медные статуи на площадях, это будет память, от которой будет излучаться революционная энергия. Он ушел в сон вечных, куда ушли герои Великой Французской революци и жертвы Коммуны, куда ушли некоторые дорогие товарищи, павшие в нашу революцию. И он является среди них в первом ряду — учителем и борцом. Такие люди приобретают вечность, их убить нельзя. Они отдают все сердце делу вечному. Володарский отдал делу рабочего класса свою кровь до последней капли. И потому вечная ему память, память героическая, память поучающая, поднимающая мужество и энергию, память, перед которой да трепещут его враги и которая будет нашей радостью и нашей гордостью!"

М.

Франц Меринг, 1846—1919.

В. Володарский 1891—1918.

Открытие памятника В. Володарскому. Петроград, 22 июня 1919.

Группа делегатов на первом с'езде III Интернационала в Москве.

Артистич. зав. Т-ва А. Ф. МАРКС,
Петроград, Измайл. пр., № 29.

ПАМЯТИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ и ЛЬВА ИОГИХЕСА.

(Из личных воспоминаний).

Посвящая эту статью памяти товарищей Люксембург и Иогихеса, я соединяю их имена не только потому, что их постигла общая судьба—мученическая смерть от руки озверевших ставленников немецких социал-предателей, но также и потому, что эти два выдающихся деятеля были тесно связаны тридцатилетней дружбой и совместной идейной работой.

Роза Люксембург родилась в 1870 году в польском городке Замость, в раньше зажиточной, но потом обедневшей еврейской семье. В начале восьмидесятых годов семья переехала в Варшаву, и Роза поступила в женскую гимназию. О семейной жизни у нее сохранились самые радостные воспоминания. Мать Розы была образованная женщина. Она любила читать с детьми произведения польских и немецких поэтов, и впечатлительная Роза, страстно увлекаясь поэзией, под влиянием этих чтений сама начала писать стихи. Особенно она полюбила Мицкевича: впоследствии в ее литературной деятельности редко найдется польская статья без цитаты из его поэм. Семье часто приходилось бедствовать, и нередко даже постель носили к ростовщику, чтобы заложить ее за несколько рублей, но это не вызывало, как часто бывает, озлобления и упадка духа. Помню, Роза рассказывала, как однажды она зажгла лампу бумажкой, а потом оказалось, что это были последние в доме деньги, которые с трудом достал отец; старик не только не наказал своей дочери, но, опомнившись от первого впечатления, утешал ее шутками о дорогой спичке. Эта жизнерадостная атмосфера несомненно способствовала развитию умственных способностей будущего борца за свободу.

Способности эти были большие и сказались уже в училище. Роза блестяще окончила гимназию, и ей не дали золотой медали только потому, что уже тогда ее „политическая благонадежность" была под сомнением у директорши.

Подозрения были основательны: наша гимназистка принадлежала к кружку социалистической молодежи, где читали брошюры, издаваемые партией „Пролетариат" и мечтали о деятельности среди рабочих. Жандармы не спали, и скоро, в 1888 году, восемнадцатилетней „заговорщице" пришлось бежать заграницу. Устроил ей побег, кажется, лучший в то время конспиратор партии, товарищ Каспржак, погибший впоследствии на виселице.

Люксембург попала в Цюрих. Жила она там в семье немецкого эмигранта, социал-демократического публициста, доктора Карла Любека. Он был женат на польке, и Роза чувствовала себя в этой семье, как дома. Любек был человек большого ума и громадных знаний, но тяжело больной, разбитый параличом. Между ним и юной студенткой сложились самые дружеские отношения; она под его диктовку писала статьи, которыми больной зарабатывал свой хлеб, и по целым часам беседовала с ним; он руководил ее занятиями. Несомненно, тов. Люксембург в эти первые годы своего студенчества многим обязана этому редкому человеку.

* * *

В 1891 году Люксембург познакомилась с товарищем Иогихесом. Сведений о его юных годах у меня нет, и, насколько я знаю, нет их и у других товарищей, работавших с ним долгие годы. Это об'ясняется тем, что Иогихес не любил говорить о себе лично и не посвящал никого в свои личные дела. Быть может, найдутся друзья, которые знали его ближе, они расскажут о детстве и юности этого борца.

Сообщаю то, что мне удалось узнать: родился Лев Самуилович Иогихес в Вильне в 1867 году в очень богатой еврейской семье. Он рано начал принимать участие в революционном движении и в 1888 году был арестован виленскими жандармами „за деятельную пропаганду противо-правительственных идей среди рабочих". Его приговорили к четырем месяцам тюрьмы и отдали под гласный надзор. В 1890 г., чтобы не итти на военную службу, он бежал заграницу. Очутившись в Швейцарии, он вошел в сношения с Плехановым, но скоро с ним разошелся. Это было время, когда в кругах русской социал-демократии господствовали очень неприглядные отношения. В России движение только нарождалось; в эмиграции Плеханов хозяйничал по собственному усмотрению. Кто не ладил с ним лично, тот попадал в опалу и за ним оспаривали право называть себя социал-демократом. Товарищ Иогихес был не из покладистых и не пожелал подчиняться такому режиму. С ним скоро сошлись другие члены эмиграции и решили действовать самостоятельно. Самым насущным был вопрос о революционном издательстве: и эмиграционная молодежь и рабочие кружки в России страшно нуждались в литературе. Иогихес располагал довольно большими средствами и, собрав кружок сотрудников (Кричевский, Ризанов, Парвус), приступил к издательству „Социал-демократической библиотеки". Тут сразу сказались его организаторские способности. Сам он не писал, но редактором был образцовым, до педантизма аккуратным; книжки библиотеки издавались великолепно, хорошо был поставлен и транспорт.

Одновременно с издательской работой Иогихес занялся пополнением своих научных знаний. У него были выдающиеся умственные способности; он быстро ориентировался в самых сложных вопросах, обладал великолепной памятью и отличался начитанностью.

И удивительное дело: товарищ Грозовский (под этим псевдонимом он выступал тогда) умел давать партийным публицистам отличные советы; заинтересовавшись каким нибудь вопросом, он был в состоянии составить самый точный и удачный план его разработки; но писать самому,—хотя бы дело шло о газетной статье,—ему было трудно. Он сознавал это, и только крайняя необходимость заставляла его браться за перо.

И вот, познакомившись с Розой Люксембург, Иогихес заинтересовался вопросами польского социализма, которые ее тогда волновали. Он изучил польский язык, которого до тех пор не знал, изучил его так основательно, что впоследствии с большим рвением истреблял руссицизмы в статьях польских товарищей, когда был редактором польских журналов; вскоре он совсем отказался от участия в русском движении, посвятив все силы польскому социал-демократическому движению.

Вопросы польского социализма в то время были чрезвычайно сложны и интересны. Революционное социалистическое движение, выразителем которого стала партия „Пролетариат" с Людовиком Варинским и Куницким во главе, переживала в конце восьмидесятых годов тяжелый кризис. Партия сосредоточивала свои силы на терроре и не в состоянии была организовать рабочие массы, которые чрезвычайно быстрое развитие капитализма в Польше инстинктивно толкало на чисто экономическую борьбу. В Варшаве образовался „Рабочий Союз", который старался руководить стачечным движением и вместе с тем вел по мере сил марксистскую пропаганду. Между тем, в партии „Пролетариат" произошел перелом: под влиянием всеобщего в Европе разгара националистических стремлений и ложно толкуя принцип массового движения рабочих, эмигрантские кружки, стоявшие во главе партии, прониклись тенденцией сочетания социализма и патриотизма. Польша—утверждали публицисты этого направления—опередила в экономическом развитии Россию, под политическим игом которой она находится, и поэтому стремлением польского пролетариата должно быть освобождение Польши и создание независимого польского государства, с целью проложить себе дорогу к социализму. Это течение повело к созданию Польской Социалистической Партии (П. П. С.).

В Польше с этим течением боролся „Союз рабочих", а в эмиграции—главным образом в Цюрихе—нашлась группа молодежи, которая стремилась противопоставить ему обще-марксистскую линию. К этой группе принадлежал зверски убитый польскими жандармами товарищ Веселовский; в ней были студенты, которые впоследствии ушли из рядов борцов революции, но проявили себя в других областях (между прочим,—один из самых выдающихся поэтов современной Польши—Вацлав Берент).

Создать теоретическое обоснование польского марксизма, польского социалдемократического движения выпало на долю Розы Люксембург, и дельным самоотверженным сотрудником ее на этом поприще стал товарищ Иогихес-Грозовский.

Тезисы, которые легли в основу нового течения, таковы: в порабощенной Польше развивается капитализм — рука об руку с капитализмом России, Германии и Австрии; по необходимости создается теснейшая связь между буржуазией польских провинций и буржуазией этих господствующих государств; классовая борьба в Польше обостряется и делает невозможным национальное восстание против национального порабощения. Задача польского пролетариата состоит в совместной с русскими, немецкими, австрийскими рабочими борьбе против капиталистического строя; эту борьбу, политическую и экономическую, необходимо вести, считаясь с политическими условиями в каждом государстве, а посему необходима теснейшая связь с российской, немецкой, австрийской социалистическими партиями; при этом сохраняется, конечно, автономия, которая дает возможность удовлетворять и культурные интересы польского пролетариата. Только всеобщая революция, которая сломит капиталистический строй, которая уничтожит всемирное владычество капитала,—только она приведет к освобождению всех народов, в том числе и польского; пока господствует капиталистический строй, создание независимого польского государства неосуществимо; итак, не борьба за независимую капиталистическую Польшу, а борьба за низвержение капиталистических государств вообще — вот задача польских пролетариев.

Все это сегодня кажется неоспоримым, но тогда приходилось затратить огромный труд, чтобы проложить путь этим идеям. Роза Люксембург проявила сразу выдающийся публицистический талант и блестящие теоретические дарования, и мы охотно признавали ее своим теоретическим руководителем. Товарищ Иогихес был ее дельным помощником, хотя в это время только самые близкие люди знали об этой роли его.

* * *

Вскоре новому течению пришлось выдержать первый бой на широкой арене. Осенью 1891г. царской жандармерией был разгромлен „Союз Рабочих": почти все его руководители были арестованы. Но, несмотря на это, в 1892 г. первомайская демонстрация приняла громадные размеры и показала, что массовое движение рабочих стало решающим фактором в общественной жизни Польши.

В 1893 г. оказалась возможность обновить и расширить нашу революционную деятельность в крае. Одним из самых дельных организаторов явился товарищ Веселовский. К новой организации присоединились рабочие из „Союза" и те, которые остались из партии „Пролетариат". Мы решили назвать себя „Социалдемократия Царства Польского". Это название, звучащее странно для многих, (какое, мол, сочетание социализма с „царством"!) было выбрано с очень определенной целью: в нем высказывалось, что мы, согласно своей теории, строим организацию на определенной территории, именно, в той части Польши, где пролетариату приходится бороться рука об руку с пролетариатом всей России. Как раз в этом году созывался в Цюрихе международный социалистический конгресс. Мы решили выступить на нем перед пролетариатом всего мира. Варшавские рабочие прислали мандат мне, заграничные группы дали мандаты Розе Люксембург и тов. Варшавскому. Против нас повели бешеную кампанию вожаки П. П. С.,—кампанию, в которой они прибегли к гнуснейшему средству, выдвинув против т. Варшавского заведо-

мо ложное обвинение, что он „русский агент". Так как среди них были люди, давно поддерживавшие хорошие отношения с вождями Интернационала— с Энгельсом, Вильгельмом Либкнехтом и другими, то им легко было представить дело в таком виде, что мы, мол, являемся кучкой интриганов, нарушающих единство польского социализма. Несмотря на блестящую речь Розы Люксембург, опровергавшую эту ложь, конгресс решил не признать мандатов ее и тов. Варшавского. Очень неблаговидную роль сыграл в этом деле Плеханов: он был хорошо знаком с польскими делами, и достаточно было одного слова этого популярного в Интернационале человека, чтобы изобличить интригу, но он предпочел молчать и потом признался, что ему неловко было „идти против мнения старика Энгельса". К сожалению такие вещи и впоследствии нередко случались во втором Интернационале: дела там часто решались согласно симпатиям и антипатиям популярных вождей. Мы потерпели поражение, но все-таки в Интернационале заинтересовались вопросами польского социализма, и нам представилась возможность раз'яснять эти вопросы во французской и немецкой печати. Эта задача опять ложилась прежде всего на Розу Люксембург.

Разработка вопросов польского рабочего движения подвигалась вперед, и движение крепло. Роза Люксембург в эти годы посещала университетские лекции, и в 1897 году написала блестящую докторскую диссертацию на тему: „Развитие польской промышленности". В семинарии она отличалась не только солидными знаниями, но также и блестящей диалектикой, что проявлялось в частых спорах с профессором политической экономии, Юлиапом Вольфом, ярым противником марксизма. Мы просто устраивали спорт: я бывало, навожу уважаемого профессора на скользкую для него тему, а потом мы во всеоружии марксизма доказываем ему, что он ни бельмеса в этих вещах не смыслит. Нужно отдать справедливость и Цюрихскому университету: несмотря на наши выступления, факультет не делал нам обоим никаких препятствий в приобретении докторского звания.

* * *

В 1897 году Роза Люксембург, окончив университет, решила переехать в Германию: чтобы иметь возможность открытой общественной деятельности, она заключила фиктивный брак с одним из сыновей д-ра Любека и таким образом оказалась германской подданной. Она работала среди польских рабочих в Познани и Силезии и в то же время писала в немецких газетах и в научном органе партии „Neue Zeit". Я годом раньше поехал в Германию и работал в Дрездене в органе, редактором которого был Парвус. Но в 1898 г. нас обоих выслали из Саксонии, и Роза Люксембург была назначена редактором дрезденской газеты, но не поладила там и вскоре стала сотрудничать в „Лейпцигер Фольксцейтунг", редактором которой был лучший в то время немецкий журналист Шенланг. После его смерти она одно время редактировала этот орган.

Это было время, когда в немецком рабочем движении начался кризис: выступил Бернштейн, и стал распространяться „ревизионизм". Роза Люксембург бросилась в полемику, и ее блестящие статьи способствовали выяснению тактической линии. Вскоре вопросы тактики стали актуальными для всей Европы: были подняты вопросы об участии социалистов в буржуазных правительствах (так называемый „мильеранизм") и вообще началась острая борьба между реформистским и революционным течением. В этой борьбе сказался во всей своей силе диалектический и полемический талант Розы Люксембург: она вскоре стала одним из самых видных бойцов революционного течения. Польская социалдемократическая партия назначила ее членом международного бюро, и она с тех пор беспрерывно вела борьбу за революционные идеи на самом широком поприще. Неотлучным сотрудником ее и тут был Иогихес. Стоявшие близко к Розе хорошо знают, что она не давала в печать ни одной полемической или програмной статьи, пока он не проверил ее.

Одновременно оба товарища не прекращали работы для польского движения. Квартира Люксембург в Фриденау (предместье Берлина) была центром, куда направлялись товарищи, приезжавшие из Варшавы посоветоваться о всех вновь возникающих вопросах; туда же приходил тогда тов. Иогихес, в руках которого сходились нити, связывающие партию в крае с товарищами, работавшими для нее в эмиграции.

Так прошли, в постоянной борьбе за революционную идею, годы с 1897 по 1905. В этой борьбе Роза Люксембург оказала пролетариату незабвенные услуги, ни на шаг не отступая от ясной линии революционного марксизма. Характерно для ее личности, что, несмотря на всю беспощадность и подчас даже чрезмерную резкость ее полемики, выдающиеся ее противники (между которыми бывали иногда и Жан Жорес и Бебель),—относились к ней не только с уважением, но и с любовью. В тесной дружбе жила она тогда и с Карлом Каутским, на которого в эти годы она имела большое влияние, толкая его вперед, когда у него появлялись оппортунистические тенденции.

Разразилась российская революция 1905—1906 года, и польский пролетариат оказался в смертельной схватке надежным авангардом. Тов. Иогихес, поспешил в Варшаву. Туда же рвалась Роза. Тщетно мы все заявляли, что ей следует оставаться в Берлине, так как нам нужна ее научная работа, для которой трудно найти подходящие условия на родине. Вопреки нашим категорическим заявлениям, в одно прекрасное утро она приехала с немецким паспортом в Варшаву. Тышка—этот псевдоним принял, в то время Иогихес — негодовал, но ему пришлось смириться. Роза заявила, что ни за что не покинет поста и стала работать в нашей газете.

Увы—недолго: через несколько недель она попала в лапы охранки, которая скоро установила ее личность. К счастью, в это время и среди охранников уже началось разложение. Угрозой, что наши дружинники жестоко отомстят охранке за Розу, и взяткой удалось добиться того, что ее освободили под залог, а вскоре после этого товарищи отправили ее обратно заграницу: она протестовала, но тут уж мы оказались тверды.

Попался вместе с ней и Тышка. Он работал все время великолепно. Благодаря ему, наша газета была поставлена блестяще. В редакции, устроенной в конспиративной квартире в центре города, он ввел строжайший режим. По обыкновению, сам

он не писал, но не только каждая статья, а почти каждая заметка писались по его указаниям, „чтобы номер у нас был с начала до конца из одного куска“ — и ни одна строчка не попадала в типографию, тщательно им не просмотренная. Он держал сотрудников, что называется, в ежовых рукавицах и не признавал ни усталости, ни „настроений“. „Нужно работать,—вот и весь сказ“; и видя, как он неутомим с утра до ночи, все поддавались этой прекрасно сорганизованной работе. Но не только за литераторской братией смотрел он в оба: не давал он спуску также типографщикам и „техникам“. Боже упаси, чтобы для заметки был взят не тот шрифт, который был отмечен на рукописи. Боже упаси, чтобы номер не отвечал всем правилам типографского искусства. А неточная работа экспедиции считалась недопустимым преступлением. Несчастному „технику“ иногда через месяц приходилось выслушивать упрек в том, что тогда-то пять номеров, назначенных туда-то, попали с опозданием. Он помнил все и следил за всем. А между тем, кроме редакторской у него была громадная организационная работа. Он знал в точности весь ход партийной работы во всех мелочах и следил неусыпно за всем. Но эта кропотливая работа не лишала его широкого кругозора, и во всех вопросах тактики он отличался выдающейся выдержкой и предусмотрительностью.

Его арестовали в феврале 1906 г. вместе с Люксембург, опознали, привлекли к суду и приговорили к восьми годам каторги. Но в феврале 1907 г. товарищам удалось устроить ему побег из каторжной тюрьмы. Оборудовал это дело тов. Ганецкий: подкупили сторожа, доставили костюм и увезли. Помню, он прямо из тюрьмы явился в редакцию, где ему пришлось пробыть несколько суток, пока могли найти более надежную квартиру. В редакции дела шли уже менее успешно: сотрудники почти все сидели, наладить типографию было все труднее, и наша газета уже не была так изящна. Тышка первым делом потребовал себе комплект, просмотрел и ужаснулся: — уйма опечаток. Я указал, что корректору приходится работать, подчас сидя под машиной, подчас в подвале. Но это не убедило его: „для корректуры нужны голова и руки, пока голова на плечах и в руке можно держать карандаш—все равно, где работаешь“. В самом деле — Тышка в состоянии был так работать. Потом он сел и за ночь написал ряд инструкций, которые ему показались нужны, чтобы дело поставить лучше. Удачно проехав границу,—помню, до границы вез его на лошадях революционер-офицер,—Тышка сейчас же взялся за работу и руководил заграничной группой, которая вновь приобретала значение по мере того, как в Польше и во всей России побеждала контр-революция.

Встретился я с ним вновь заграницей на Лондонском с'езде Российской социал-демократической партии летом 1907 г. Шла борьба против меньшевиков, и Тышка, который за все эти годы все еще был в контакте с русскими товарищами, явился естественным образом руководителем польской группы. Он был в курсе всех русских дел до мельчайших подробностей и принимал самое деятельное участие в той сложной работе, которую пришлось вести на с'езде, где „склочные дела“ приводили к чудовищной путанице. В подобных случаях он оказывался „дипломатом“, ведущим свою линию с упорством и решительностью, но эта „дипломатия“ никогда ни на шаг не отступала от строго революционной линии. За это его, конечно, очень недолюбливали „меньшевики“ и бундисты. Подчас, правда, приходилось также ссориться с товарищами „большевиками“, с которыми мы расходились по организационным вопросам. Но благодаря выдержке Тышки, отношения между большевиками и польской группой всегда оставались удовлетворительными.

* * *

С 1907 года Розе Люксембург пришлось целиком окунуться в немецкие дела. Приближался тот роковой период, когда по внешнему виду все в партии было благополучно, а на деле партия гнила на корню. Казалось, радикальное течение победило, партийные с'езды принимали очень радикальные резолюции, но те, кто умел смотреть, видел, что этот радикализм по существу хуже всякого оппортунизма: в партии развивался противный карьеризм, развивалась до чудовищных размеров партийная бюрократия, была радикальная фраза, но не было революционного духа. С этим состоянием, которое, наконец, довело партию до моральной катастрофы 4 августа 1914 года, бороться было очень трудно. Из влиятельнейших вождей старик Бебель потерял прежнюю революционную чуткость, Карл Каутский, никогда не имевший соприкосновения с жизнью партии, все больше уходил в книжный догматизм. Новые люди в рядах радикалов—все эти Шейдеманы, Эберты, Гаазе никогда не были революционерами в душе и дальше своего носа ничего не видели; остальные просто были пошлыми карьеристами. Не удивительно, что при такой атмосфере вожакам удавалось изображать не перестававшую бить в набат Розу Люксембург и ее единомышленников „придирчивыми критиканами“, которые только из „любви к склоке“ нарушают мир в партии. Этому течению поддался, наконец, и Каутский, и поведение его в 1912 г. повело к разрыву многолетней дружбы. Этот слабохарактерный книжник отважился, наконец, обругать Люксембург и ее сторонников „анархо-синдикалистами“.

Несмотря на эту терзавшую нервы борьбу, Роза в эти годы нашла время для основательной научной работы. Ее назначили учителем политической экономии в партийной школе, и она оказалась не только образцовым педагогом, но кроме того, подготовляя чрезвычайно добросовестно свои лекции, она написала великолепный курс марксистской экономии, который, к сожалению, не появился в печати (нужно опасаться, что бандиты Носке, которые в роковые январьские дни ворвались в ее квартиру, уничтожили и эту и много других рукописей). Тогда же был издан другой крупный труд Розы—„Аккумуляция капитала“.

В то же время это были годы самой плодотворной ее агитационной деятельности. Травля Розы Люксембург главарями партии не подействовала на массы. Во всех городах, даже в центрах ревизионизма, рабочие любили слушать „нашу Розу“, и ее увлекательный ораторский талант действовал даже на зараженных оппортунизмом рабочих. Помню, один товарищ (кажется, из Мангейма) рассказывал, как речь Люксембург подействовала

самым поразительным образом: рабочие заявили своим вожакам, что теперь они видят, как те их обманывали, и потребовали, чтобы Люксембург была приглашена для целого ряда лекций и дискуссий по партийным вопросам. Таких примеров было много.

В 1913 г. Люксембург произнесла во Франкфурте на Майне речь против милитаризма, ее отдали за эту речь под суд и приговорили к году тюрьмы. Но когда еще шла апелляция в высшую инстанцию, она в Берлине произнесла новую речь, в которой между прочим сказала, что в казармах Германии каждый день совершаются над солдатами бесчеловечные насилия и издевательства. За это ее вновь привлекли к суду. Защита взялась доказать правду указанных слов и через партийные газеты пригласила свидетелей. В июне 1914 г., за несколько недель до начала всемирной войны, начался процесс, и в первый день заседания суда явилось несколько сот свидетелей, готовых подтвердить ужасы казарм, а защитник заявил, что у него таких свидетелей записано несколько тысяч. Правительство испугалось, процесс был отложен и не возобновлялся.

Тов. Тышка в эти годы работал в польской и русской партии. В Варшаве начали издавать легальный еженедельный журнал, но так как все писатели партии должны были эмигрировать, то редакция велась в Берлине и во главе ее стал, конечно, Тышка. Он жил тогда в предместье Берлина—Штеглице, в гостинице, и Франц Меринг, знаток прусской истории, сделал открытие, что гостинница эта была некогда дворцом генерала Врангеля, усмирителя революции 1848 г. Каждый раз, увидя Тышку, старик уверял, что Врангель непременно переворачивается в гробу при мысли, что в бывших его хоромах живет такой революционер. В комнатке этой гостиницы была наша редакция, и Тышка ввел опять строгий режим, и ругательски ругался, если работа шла неаккуратно. Вести редакцию для Варшавы из Берлина действительно можно было только при образцовой аккуратности, а литературная братия в этом отношении никуда не годилась. Однако, благодаря энергии Тышки дело шло, несмотря на то, что журнал постоянно закрывали, и он все возобновлялся под другим названием; просуществовал он около года, меняя название, кажется, раз семь.

В российской партии Тышке пришлось работать потому, что он был назначен польской партией, вошедшей в состав общероссийской как федеративная часть, в Центральный комитет. А так как он в работе был аккуратен до педантизма, считая нужным сообщать обо всем, касающемся общих дел, правлению польской партии, которое периодически собиралось в Берлине, то ему пришлось вести целую канцелярию, а вести ее приходилось единолично и вдобавок в невыносимо тяжелых условиях: жил он по чужому паспорту; каждую минуту могла нагрянуть полиция, поэтому „канцелярия" помещалась в квартирах немецких товарищей, где хранились бумаги, а для корреспонденций имелись адреса других немцев. Однажды мы насчитали, что таким образом Тышке приходилось иметь дело с целой дюжиной квартир. От этой системы он не отступал по конспиративным соображениям: по его уверению материалы были размещены таким образом, что даже при провале одной квартиры, полиция там всегда нашла бы только частичку, с которой ничего сделать не сможет. Я однажды спросил: „что же будет, если он вдруг заболеет, ведь никто не будет в состоянии разобраться в этой работе?" Ответ был простой: „мне болеть не полагается". В самом деле, только изумительная работоспособность и железное здоровье позволяли товарищу Тышке справляться с той уймой работы, которую он брал на себя.

* * *

Вспыхнула война. Тов. Люксембург с первого же дня принялась за пропаганду против войны. Она расчитывала, что ей удастся об'единить для совместной работы избранный круг немецких товарищей. Первым делом ей показался нужным манифест, подписанный хотя бы небольшим количеством популярных среди рабочих лиц. Тышка сразу решил, что ничего не выйдет. Мы с Розой все же сделали попытку. Но на ее приглашение собралось в ее квартире для обсуждения этого вопроса всего семь человек, в том числе из выдающихся партийных деятелей только двое: Меринг да Ленч. Последний сначала обещал подписать, но потом пошел на попятный. Манифест пришлось бы подписать только именами Люксембург, Цеткиной и Меринга, что, конечно, было немыслимо, и проект пришлось оставить. Непосвященный в немецкие дела читатель, быть может, спросит: „а Либкнехт?" К сожалению, Либкнехт тогда еще колебался и только через несколько месяцев решился вступить в бой против войны.

Пришлось решиться на конспиративную деятельность. Готовыми к ней оказались очень немногие. Кружок, который приступил к работе, состоял из товарищей Люксембург, Тышки, Меринга, супругов Дункер, Эрнста Мейера, Вильгельма Пика, Эберлейна, Ланге и меня, — вот, кажется, и все. „В технике" помогали нам Матильда Якоб и Езерская. Положение было неважное; у нас не было ни денег, ни партийного аппарата и, кроме того, у немецких товарищей не было ни малейшей сноровки в конспирации. Но все же дело пошло. Тышка и Мейер взялись поставить типографию, Пик, Эберлейн и Ланге при помощи своих связей создали возможность распространять литературу, но и тем и другим делом скоро пришлось руководить главным образом опять Тышке. Таким образом, мы могли издать ряд листовок против войны. Кроме того, мы решили приступить к изданию легального журнала „Интернационал", но он после первого же номера был закрыт.

В феврале 1915 г. приговор против Розы Люксембург был утвержден в последней инстанции, и ее заключили на год в тюрьму. Однако, она ухитрялась писать и пересылать нам—главным образом благодаря дельной, безгранично преданной ей Матильде Якоб—листовки и брошюру под заглавием „Кризис социал-демократии".

Она настаивала, чтобы брошюра была издана под ее фамилией, но мы знали, что в таком случае ей грозит заточение в каторжную тюрьму и отказали. Брошюра была помечена псевдонимом Юниус.

Кончился срок, и Роза оказалась опять в наших рядах. Теперь с нами был также Либкнехт, и работа шла уже в широком масштабе. Но уже в июне 1916 г. Люксембург вновь заперли в тюрьму „админи-

стративным порядком". Я тогда сидел также в концентрационном лагере, но знаю, что и тогда Роза Люксембург писала статьи для листовок, которые появлялись под заглавием „Письма Спартака", знаю и то, что печатание и распространение этих листовок было с течением времени блестяще поставлено, благодаря прежде всего несокрушимой энергии Иогихеса. Вследствие его исключительных конспиративных способностей немецким властям не удавалось арестовать его, несмотря на то, что в виду ареста или высылки на фронт почти всех опытных работников группы „Спартак", ему приходилось работать уже в довольно широких кругах и посещать многолюдные собрания. Полиции таким образом хорошо было известно, что во главе группы стоит какой-то загадочный иностранец. Весной 1918 г. Иогихеса все-таки арестовали. Попытки товарища Иоффе освободить его не имели успеха, так как Иогихес считался швейцарским гражданином (он действительно еще в 1896 г. приобрел гражданские права в одном из кантонов и в последнее время жил в Берлине по настоящему своему швейцарскому паспорту).

* * *

С Розой Люксембург мне не суждено было больше встретиться. Я приехал из Москвы в Берлин на третий день после катастрофы. Но рассказы участников революционной борьбы подтверждают то, в чем я не сомневался: она вместе с Карлом Либкнехтом была руководящим умом спартаковского движения, а неотступным сподвижником ее и в это время был Иогихес. Его я застал за работой. Он был арестован в дни январьского восстания, но сумел освободиться и тотчас же принялся за работу. Нужно было сконцентрировать разбитые силы, вновь образовать Центральный Комитет спартаковцев-коммунистов, вновь поставить организацию.

Иогихес оказался на высоте призвания: благодаря его энергии, работа партии почти тотчас же после катастрофы была возобновлена. В марте и его настиг злой рок: во время мартовского восстания коммунистов его арестовали и зверски убили в тюрьме.

* * *

Я не в состоянии в данный момент дать обзор научной и политической деятельности Розы Люксембург. На это понадобится много историко-критического труда, тем более, что ее деятельность оплодотворяла и польское и немецкое революционное движение втечение продолжительного периода, а кроме того отразилась на всемирном движении, так как главные силы незабвенного товарища были направлены, начиная с 1897 года, на борьбу с оппортунизмом, как международным явлением.

Но я решаюсь обратить внимание читателя на то, что в последнем своем теоретико-тактическом труде, в брошюре „Кризис социал-демократии" незабвенный товарищ оставил нам драгоценные указания для будущей работы: я говорю о „тезисах", помещенных в конце этой брошюры и касающихся Интернационала. Брошюра эта писана, как было упомянуто, в 1916 г. в тюрьме. Авторитетный знаток второго Интернационала, товарищ Люксембург говорит тут ясно и определенно о неизбежности развала второго Интернационала и высказывается за необходимость создать Интернационал на новых основаниях. С того времени многое изменилось: революция и осуществление диктатуры пролетариата в России, а потом в Венгрии, создали новое положение. Но в общем мысль товарища Люксембург остается верной. Именно: она задает себе вопрос, чем должен быть новый Интернационал, и отвечает:

„Классовая борьба в буржуазных государствах против правящих классов и международная солидарность пролетариев всех стран,—это два нераздельных правила рабочих в их всемирной борьбе за свободу. Нет социализма без интернациональной солидарности пролетариата, нет социализма без классовой борьбы. Социалистический пролетариат не может отречься ни во время мира, ни втечение войны от классовой борьбы и от международной солидарности, иначе он покушается на собственную жизнь...

„В Интернационале лежит центр тяжести классовой организации пролетариата. Интернационал определяет, во время мира и во время войны, тактику национальных секций в вопросах милитаризма, колониальной политики, торговых договоров, майского праздника и общую тактику в случае войны. Обязанность исполнять решения Интернационала стоит выше всех иных организационных обязанностей. Национальные секции, не подчиняющиеся этим решениям, ставят себя вне Интернационала".

Сейчас мы еще далеки от организации такого Интернационала, но, работая в этом направлении, мы действуем по завету незабвенной мученицы нашей идеи.

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ (КАРСКИЙ).

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Присоединение к Коммунистическому Интернационалу шведской, норвежской и болгарской партий.

14 июня конференция левого крыла шведской социал-демократической партии 186 голосами против 22 постановила присоединиться к Коммунистическому Интернационалу. Было внесено также другое предложение—об „условном" присоединении, но это предложение отвергнуто 124 голосами против 84. Текст постановления о присоединении нами еще не получен, так же, как отчет о заседаниях конференции. Нам известно только содержание внесенной на конференцию резолюции, в которой пролетариат предостерегается от „демократов" и „реформистов", но ему рекомендуется и впредь принимать участие в парламентской работе, используя ее как средство пропаганды — до того момента, когда революция и в Швеции вступит в последнюю стадию; тогда на месте парламентского строя должна быть учреждена, при помощи диктатуры пролетариата, советская система. „В социалистической всемирной революции, — гласит этот документ, — левое крыло шведской социал-демократии видит единственное спасение рабочего класса и всего человечества из того ужаса, в который ввергла его вызванная капитализмом мировая война".

8 июня открылся с'езд норвежской социал-демократической рабочей партии. С'езд постановил присоединиться к Коммунистическому Интернационалу и принял резолюцию о неизбежности социалистической революции и пролетарской диктатуры. Вопрос о советской системе принципиально решен в положительном смысле; в применении к норвежским условиям, партия предлагает создать советы „рабочих, крестьянских и рыбачьих депутатов"; 275 голосами против 63 с'езд постановил подготовить материал относительно советской системы и предложить его для окончательного решения ближайшей партийной конференции. Предложение послать приветствие тов. Ленину было принято с'ездом при восторженных овациях. С'езд постановил принимать участие в выборах, добиваясь избирательных реформ и используя выборную кампанию как средство агитации, но в то же время партийному комитету даны полномочия в случае изменившихся обстоятельств об'явить бойкот выборам и парламенту.

22 июня с'езд болгарской социалистической партии тесняков об'явил себя частью Коммунистического Интернационала.

Итальянская социалистическая партия и III Интернационал.

Комитет Итальянской социалистической партии на заседании 19 марта в Милане вынес чрезвычайно важное постановление о выходе партии из состава Брюссельского Интернационального Бюро и о вступлении ее в новый Коммунистический Интернационал, центр которого находится в Советской Республике.

Товарищи Дженнари, Серрати и Бомбачи предложили следующую резолюцию, которая и была принята 10 голосами против 3. (Лаццари голосовал против резолюции).

„Комитет Итальянской социалистической партии констатирует:

1) что Брюссельское интернациональное социалистическое бюро превратилось в орудие военной политики в руках лже-демократической буржуазии, орудие, которое служит для обмана пролетариата и препятствует восстановлению деятельности революционного социалистического Интернационала;

2) что напрасны все усилия пробудить энергию мирового пролетариата при помощи Брюссельского социалистического бюро, продавшегося империалистической буржуазии стран Согласия;

3) что союз, заключенный в Берне между социал-патриотическими направлениями двух империализмов — стран Согласия и центральных держав — еще яснее разоблачил реакционный характер всех фракций, которые не выполнили обязательств Интернационала по отношению к капиталистической буржуазии, вовлекшей в войну все народы;

4) что невозможно, чтобы сохранившие верность принципам Интернационала оставались в одной организации с теми, которые им изменили и которые противятся осуществлению социализма;

5) что бюро вместо того, чтобы сразу же по окончании мировой войны созвать с'езд всех примыкающих к нему партий и организаций, выбрало лазейку—Бернскую конференцию, эту комедию социалистической интернациональной конференции.

Партия постановляет поэтому выйти из состава Интернационального Бюро и примкнуть к новому революционному социалистическому Интернационалу, основанному на базисе и принципах русских товарищей-коммунистов... *)

*) Текст этой резолюции заимствован из швейцарской газеты „Volksrecht", где в этом месте имеется цензурный пропуск. Редакция

Далее партия постановляет приложить все усилия к тому, чтобы социалисты всех стран, оставшиеся верными Интернационалу, примкнули к ее выступлению, или собравшись . . . . (пропуск цензуры) на подготовительную конференцию или используя для этой цели какие-нибудь иные способы. („Volksrecht" 21/III 19).

Американская социалистическая партия и III Интернационал.

Американская социалистическая партия (American Socialist Party), вождь и один из учредителей которой, Евгений Дэбс, только что снова приговорен к десяти годам тюремного заключения за антимилитаристическую пропаганду, примкнувшую к циммервальдскому движению и упорно боровшуюся против участия Америки в войне,—командировала делегата на Бернскую конференцию. Но представитель партии не прибыл в Берн. Теперь „Avanti" дает по этому поводу следующие раз'яснения. Решение принять участие на Бернской конференции вызвало во многих секциях живейший протест, в виду чего делегат, товарищ Ониль (Oneal), запоздавший своевременно выехать на конференцию, напечатал в партийной прессе заявление, в котором он говорит, что ему было поручено прежде всего ознакомиться с движением в Европе и войти в контакт с европейскими товарищами. Он же со своей стороны готов поручиться, что никоим образом не стал бы поддерживать политику, противоречащую директивам партии.

Необходимость этих уверений была обусловлена весьма значительным усилением „крайнего" крыла партии, которое хочет порвать все отношения ко второму Интернационалу и присоединиться к революционному третьему Интернационалу. Эта группа представила изложение своих принципов, которые будут подвергнуты рассмотрению в секциях. В этом принципиальном изложении выставляются следующие требования: пересмотр программы в смысле отказа от реформистской позиции; воспитание пролетариата исключительно в духе классовой борьбы и революции; поддержка профессиональных организаций путем революционной пропаганды; строгий партийный надзор над социалистическими служащими, социалистической прессой и прочими социалистическими институтами.

Непосредственные требования:
1. Назначение партийного с'езда для реорганизации партии и установления директив, необходимых для осуществления задач партии в момент настоящего, универсального общественного кризиса. 2. Отказ от участия в Бернской конференции. 3. Созыв Циммервальдской конференции. 4. Безусловное выражение солидарности по отношению к Советскому правительству и Союзу Спартака, а также и прочим, стоящим на той же позиции социалистическим группам Европы.»

(„Volksrecht" 24/III 19).

—

16 февраля в Нью-Иорке сорганизовалось „левое крыло" Амер. Соц. Партии. Оно опубликовало манифест, в котором осуждается тактика реформизма и выдвигается вперед, в качестве единственно целесообразной тактики, „массовое выступление рабочих"; манифест подвергает резкой критике бернскую конференцию и призывает всех социалистов присоединиться к будущему III Интернационалу, основание которому должны положить русские большевики и немецкие спартаковцы.

Это левое крыло пустило корни в Мичигане, Кливленде, Филадельфии, Бостоне, но особенно в Нью-Иорке, где оно издает теперь еженедельный орган. Между старой партией и левым течением идет здесь жестокая борьба, которая все больше обостряется. Старые лидеры обвиняют левых в искажении всех демократических принципов и призывают членов партии отмежеваться от этих „бунтовщиков и сепаратистов", хотя влияние последних растет настолько быстро, что правые побаиваются перехода в их руки партийного правления.

(„Suomen Sosialdem." 3/VII 19).

ОТКЛИКИ НА БЕРНСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ.

Статья Раймона Перика (Péricat)

в L'Internationale, от 15/II 1919 (№ 1).

Втечение четырех с половиною лет войны правительства воюющих государств, лидеры социалистических партий и профессиональные организации систематически препятствовали — применяя для этого различные методы — созыву интернациональной конференции.

В настоящее время гроза пронеслась, солдаты вложили сабли в ножны, и пулеметы перестали косить бесчисленное множество человеческих жизней. А наши интернационалисты, молчавшие, когда говорили пушки, заговорили теперь, когда смолкли орудия.

Прочтите списки лиц, составляющих большинство делегатов, приехавших в Берн со всех четырех концов света, и вы легко обнаружите в этих представителях рабочего класса всего мира храброе войско ура-патриотов тыла, ярых приверженцев бесконечной войны.

Рабочие, будьте на страже!

Завтра вы увидите лишь каррикатуру на Интернационал, как вы видели ее с самого начала войны. Я чуть не сказал: как вы всегда имели лишь каррикатуру на социалистов!

Национал-социалисты и тред'юнионисты, которые еще вчера презрительно попрекали нас именами Троцкого и Ленина, которые поносили русскую революцию, которые стремились прикрывать свою деятельность ссылками на высшие государ-

ственные интересы", — эти господа не имеют мандата на восстановление Интернационала!

И эти-то люди с самого начала конференции бросают обвинения вожакам германского большинства!

„Ответственность" и „соучастие"! Кто же из собравшихся в Берне патриотов и националистов не несет их в полной мере? Уж не Альбер ли Тома, экс-посланник, заискивавший у попов и призывавший к войне, решается судить Интернационал и бросить ему свое „j'accuse"?

Низкая комедия! Ни Ренодель, ни Пуассон, ни Дюбейль, ни Тома не могут быть судьями. У них у самих рыльце в пуху!

Зачем было соваться в это грязное дело таким людям, как Моргари, Лаццари, Адлер, Лорио и Рамзэй Макдональд?

В тот момент, когда повсюду бушует революция, сметая в мусорную кучу самодержавные правительства, опрокидывая троны и угрожая даже господствующим „демократиям", конференция вынуждена заняться вопросом о Лиге наций. Лига наций, — результат творчества Парижской мирной конференции, дело рук господ Клемансо, Ллойд-Джорджа и даже Вильсона (да не прогневаются его почтенные обожатели!) — послужит самым сильным оружием против революции и Интернационала.

Она окажется в действительности ужасным „союзом" капиталистических государств, трестом буржуазных правительств, обществом для эксплуатации народов, удерживаемых в состоянии рабства.

Такая лига наций, прежде представлявшаяся мне необходимою ступенью общей эволюции, в настоящее время явилась бы бесполезной и даже постыдной остановкой в стремительном движении к всемирной социалистической республике.. Это было бы не шагом вперед, а препятствием.

Такая лига будет не союзом об'единенных народов, но коалицией капиталистических и правящих классов всех стран. Расширяя поле своей деятельности, правительства окажутся тем лучше вооруженными для борьбы с революционерами, а милитаризм отдельных стран, об'единенный новым договором, станет лишь интернациональной полицией, охраняющей буржуазный общественный строй.

Как жалки и смешны—пред лицом грандиозных народных движений нарождающейся революции—униженные мольбы и просьбы патриотических групп о предоставлении им места за зеленым столом на мирной конференции!

Разве можно привлечь пролетариат, путем приглашения его представителей, к участию в работе дипломатов, которые, прикрываясь Вильсоновскою формулой: „право народов располагать своей судьбой", хотят узаконить ограбление народов?

Нет, Интернационал не может быть возрожден руками тех, кто его умертвил. Гомперс, Жуо, Русанов, Альбер Тома не могут быть товарищами Ленина, Троцкого, Фридриха Адлера, Гайварда, Моргари, Борги, Лаццари, большевиков и спартаковцев.

Эти имена несовместимы друг с другом, эти люди не могут прийти к соглашению, не могут понять друг друга; работая вместе, они не принесли бы никакой пользы. Такое сочетание имен антисоциалистично. Убирайтесь вон, господа Вандервельды, Тома и К°! Вступив в связь с правительствами войны, заняв места на министерских скамьях, вы оказались вне социализма и Интернационала.

Национальный антагонизм, конкуренция предпринимателей, колониальное соперничество, которые связывают расы и народы узами взаимной ненависти,—все эти позорные варварские пережитки могут быть уничтожены лишь настойчивыми усилиями людей, которые пред лицом всех националистов—как роялистов, так и „социалистов", безразлично—будут во всех странах смело и громко называть себя гражданами вселенной. Истинными интернационалистами являются лишь те, кто считают своими братьями людей всех стран и всех рас, те, у кого лишь одно отечество—человечество.

Они одни способны восстановить истинный Интернационал.

Отзывы интернациональных социалистов о Бернской конференции.

„Рабочий класс или революционен, или он—ничто".

„Пускай Бернская конференция тешит себя обсуждением территориальных проблем и вопросов об ответственности. На самом деле есть только один вопрос: Революция. Хочешь или не хочешь,—надо быть или за нее, вместе с большевиками и спартаковцами, или против нее, вместе с капиталистической буржуазией. Промежуточная позиция, занятая Бернской конференцией, имеет одну цель—избежать ответственности за прямой ответ. Пролетариат должен сорвать личину с сикофантов социализма, со скрытых врагов революции, со слабых и нерешительных. Классовым выступлением рабочие должны напомнить тем, кто говорил в Берне якобы от их имени, что „рабочий класс или революционен, или он—ничто".

Ф ЛОРИО

(член левого крыла французской социалистической партии).

„Наша цель—социалистическая лига народов".

„Революционной социалистической молодежи Европы следует слиться воедино в решительной и решающей борьбе. Буржуазные реформы нас не удовлетворяют. Наша цель—создание европейской социалистической лиги народов. Мы не хотим более быть простым материалом в руках генералов и капиталистов.. Мы хотим жить, жить для социализма, означающего для нас новое общество, новые ясные отношения между людьми и между народами, в связи с экономическим переворотом. Мы хотим жить, борясь во имя любви и человечности".

Эрнст ТОЛЛЕР

(член Исполнительного комитета Баварского Совета рабочих и солдатских депутатов)

„Мы хотим заменить капитализм коммунизмом".

„Рабочий класс или революционен, или он—ничто". Эту конференцию созвали правительства капиталистического мира, чтобы обратить революцию в бегство. Революционный пролетариат на конференции не присутствовал. Брантинг, Тома и Эберт справляли на ней свое торжество. Революционный пролетариат всего мира должен продвинуться по революционным линиям. Захват политической власти! Диктатура пролетариата! Вооружение рабочего класса! Разоружение и устранение буржуазии! Массовые выступления! Вот наши боевые лозунги. Наши надежды — не Вильсон, а — классовая борьба. Мы не требуем справедливости от зверя-капитализма,- это утопично. Мы хотим заменить капитализм коммунизмом. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Валерий МАРКУ
(делегат румынской социалистической партии).

Бернские соглашатели и освобождение женщины.

Что сделала Бернская международная социалистическая конференция для женщин? Ничего,— решительно ничего. Не был поднят ни единый вопрос, связанный с улучшением нашего положения. На этом собрании было невозможно какое-либо выступление, ибо конференция состояла из людей, покинувших свой пост в интернациональной классовой борьбе. Эти люди против нас — и должны быть против нас, — вследствие своей исходной точки зрения. Таким образом теперь наша задача— созвать интернациональную женскую конференцию, конференцию товарищей, приобщенных к революционной классовой борьбе и исполненных решимости воспрепятствовать вторичному массовому избиению пролетариата. Не только женщины воюющих держав, но и женщины нейтральных стран так невыразимо страдали от этих массовых убийств, что теперь они обязаны приложить все свои усилия, чтобы предотвратить их повторение. Это может быть достигнуто только путем самой беспощадной классовой борьбы против буржуазии каждого так называемого „отечества".

Луиза МЮНХ.

Avanti („Вперед") о бернской конференции.

Буржуазная пресса не может скрыть своей радости по поводу решения конференции социалистов-оборонцев. Этот так называемый Интернационал пользуется сердечными симпатиями буржуазии, — той буржуазии, которую он должен уничтожить. Это понятно. Социал-патриоты на Бернской конференции, под прикрытием демократического знамени, заняли позицию, враждебную социальной революции. Прения о могучем русском революционном движении лучше всего это доказали. По всему ходу конференции было ясно, что участники ее неизбежно должны прийти к такой позиции. Так называемый „Новый Интернационал"— фарс, и, как всякий фарс, кончится очень скоро. Некоторое время он может еще продержаться на подпорках, которые он получает от европейской буржуазии. Несоединимое не может быть соединено: патриоты и Интернационал — несовместимые противоположности. Пробовать достичь соглашения между ними — в тот момент, когда решаются великие национальные проблемы, когда правительства различных стран дрожат за свою судьбу, а „интернационалисты" из Берна приглашаются в состав правительств,—сплошное безумие. С подобным „Интернационалом" мы не имеем ничего общего, точно так же как и наши товарищи во всем мире, стоящие под знаменем классовой борьбы. Социалистический пролетариат не даст одурачить себя: ему ясно, что между ним и этим Интернационалом—лежит целая бездна.

Все должно быть перестроено заново, и будет перестроено заново, — также и Интернационал, первое пламя которого загорелось, в мрачное и трагическое время, в местечке Циммервальд, среди нападок и преследований со стороны буржуазии, превратившей весь мир в море крови, среди ненависти и клеветы со стороны многих из тех, кто вчера в Берне думал сыграть роль стражей социализма.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

С'езду Социалистической Партии Венгрии.

(РАДИО).

Будапешт. Копия Бела-Куну.

Дорогие товарищи!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала горячо приветствует ваш партийный с'езд, собирающийся в такой ответственный исторический момент. Весь Коммунистический Интернационал гордится своей венгерской секцией, выполнившей втечение короткого времени такую гигантскую работу.

Мы глубоко уверены, что фундамент единства всего венгерского пролетариата, заложенный вами в марте 1919 года, будет незыблем. Только отщепенцы, только ренегаты, только люди, оторвавшиеся от рабочего класса, могут возражать теперь против диктатуры пролетариата. Каждый честный и сознательный сторонник рабочего класса должен стать теперь коммунистом.

Всего только месяц тому назад сердце наше сжималось болью, когда мы видели, как банды, спущенные против вас Антантой, начинали окружать наш красный Будапешт. Героический под'ем венгерских рабочих заставил бандитов отпрянуть от красной венгерской столицы. Этот месяц вашей благородной и самоотверженной борьбы против иноземных насильников составит золотую страницу в истории коммунизма. Деятельность вашей партии за это время войдет в историю 3-го Интернационала, как незабвенная глава в истории освобождения пролетариата от цепей капитализма.

Ваша партия доказала не на словах, а на деле, что рабочий класс в наши дни способен не только свергнуть собственную буржуазию, но и вести революционную войну против иноземной буржуазии за дело защиты социалистического отечества. Ваша партия умело ведет государственный корабль пролетарской Венгрии между скал и рифов, и, мы уверены, вы и дальше окажетесь на высоте вашей великой задачи.

Товарищи! Вы не можете себе представить, какое громадное и какое благотворное влияние ваша работа оказывает на коммунистические партии и группы всего мира. Все, что есть честного среди рабочих всего мира, ненавидит ваших врагов и преисполнено любви к вам.

Пролетарская революция растет. Верьте, в ближайшем времени коммунизму будет принадлежать весь цивилизованный мир. Ни зверство буржуазных правительств, ни предательство социал-шовинистов не спасут прогнивший капиталистический строй, доживающий последние дни.

Но решающие битвы еще впереди. Чтобы встретить их во всеоружии, мы должны неустанно строить свою красную армию. Вооружайтесь и организуйтесь, организуйтесь и вооружайтесь. И еще раз организуйтесь, и еще раз вооружайтесь! Остальное приложится.

Да здравствует коммунистическая партия Венгрии!

Да здравствует мировая революция!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

12 июня 1919 года.

Приветствие III-го Интернационала коммунистам Словакии.

(РАДИО).

Будапешт. Бела Куну.

Не откажите переслать от нашего имени следующее приветствие коммунистам Словакии:

Коммунистический Интернационал радостно приветствует нарождение советской республики в Словакии. Мы глубоко убеждены, что нет той силы в мире, которая могла-бы повернуть назад колесо истории. Капитализм подписал себе смертный приговор в тот момент, когда началась империалистическая бойня 1914 года. Торжество социал предателей, тормазящих рабочее движение, будет кратковременно. Советская власть неминуемо победит во всей Европе, а затем и во всем мире.

Вам, передовым борцам новорожденной советской республики наш коммунистический привет.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

27 июня 1919 г.

К УБИЙСТВУ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

Обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к Коммунистической Партии Германии.

(РАДИО).

13 июня вы хороните то, что было бренного в Розе Люксембург. И еще раз сознательные рабочие всех стран вместе с вами переживают горечь невознаградимой утраты.

Правительство социал-предателя Шейдемана показало наглядно всему миру, что такое так-называемая демократия. Буржуазная или соглашательская демократия — это такой политический строй, при котором лучших борцов пролетариата агенты правительства безнаказанно убивают и бросают в первую попавшуюся канаву. При правительстве „социал-демократа" Шейдемана коммунистов Карла Либкнехта и Розу Люксембург убивают, а генерала Гофмана и генерала Гинденбурга венчают лаврами от имени „социалистической" республики. Шейдемановская „демократия" разоружает рабочих и вооружает белогвардейцев и помещичьих и буржуазных сынков.

Люди, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт, которые составляли гордость всего мирового пролетариата, убиты. А их убийцам германская буржуазия при явном попустительстве правительства Шейдемана устраивает легкий побег из тюрьмы на автомобиле.

Товарищи! Тяжела ваша борьба. Но победа ваша обеспечена. Как неизбежно то, что после ночи наступает утро, так неизбежно и то, что нынешний разбойничий грязный режим социал-предателей сменится диктатурой героического германского пролетариата.

Перед могилой великой основоположницы Коммунистического Интернационала мы вместе с передовыми пролетариями всего мира склоняем колена.

Братский привет славной Коммунистической партии Германии!

Вечная память Розе Люксембург!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

12/VI 19. **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

ДОКЛАДЫ ДЕЛЕГАТОВ НА 1-м С'ЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ДОКЛАД тов. И. ГРУБЕРА.

(Австрия).

Дорогие товарищи!

Мы, делегаты немецкой Австрии, не находим слов для выражения тех чувств, которые мы испытываем сегодня среди вас. После восемнадцатидневного путешествия, сопровождавшегося огромными затруднениями, мы час тому назад прибыли сюда и приносим вам самые горячие приветствия и пожелания от наших революционных товарищей в немецкой Австрии. Мы должны приветствовать всех вас, но прежде всего мы считаем себя обязанными обратиться с этим приветом к нашим русским товарищам, так как они своей великой революцией более года тому назад дали мощный толчок развитию революционных сил в Австрии. Только благодаря им, мы имеем теперь большую коммунистическую партию для всей немецкой Австрии. История воздвигнет памятник русским товарищам, так как они сделали возможной мировую революцию.

Теперь позвольте мне сообщить вам о тех событиях, которые привели к созданию коммунистической партии в немецкой Австрии, и о том, как эти события развивались.

Это было время подготовительных работ к Брестскому миру. В Австрии свирепствовал голод вместе с диктатурой правительственных и военных властей. Пролетариат стремился к тому, чтобы Австрия выступила, наконец, из мировой бойни, но его сдерживали обещания дипломатических представителей. Ему говорили, что в ближайшее время будет заключен мир. Этого, однако, не случилось. Пролетариат снова оказался обманутым. Наступило необычайное ухудшение жизненных условий, вызвавшие в январе 1918 г. громадное движение, которое, начавшись в промышленных центрах к югу от Вены, в несколько часов докатилось и до самой Вены. Машины остановились. Представители партии в парламенте безмолствовали. Пролетариат не желал иметь ничего общего с лидерами партии или профессиональных союзов.

После того, как движение продолжалось два дня и перекинулось на все промышленные области, руководители профессиональных союзов и парламентская фракция встрепенулись и сделали попытку направить движение по другому руслу. Им удалось обессилить все движение. Товарищи Зейц, Реннер, Лейтнер, как представители партии, и товарищ Домес, как представитель профессиональных союзов, стали во главе и обещали отстоять интересы рабочих. Но они доказывали, что Австрия не имеет права отделяться от других воюющих стран, так как это означало бы полный крах экономического существования пролетариата. Рабочие снова позволили своим парламентским представителям одурачить себя. Эти представители явились посредниками между правительством и рабочими. Они формулировали некоторые пункты, получили от правительства ожидаемое заявление — и рабочие снова вернулись к своим машинам, меньше чем через неделю после начала забастовки.

Но то, что должно было случиться, случилось. Правительство видело, что представители рабочих являются послушным орудием в его руках, и ничего не дало рабочим. Оно забыло даже свое обещание не подвергать вожаков движения репрессиям: они были частью отправлены на фронт, частью посажены за тюремные стены. Но и все другие обещания оказались пустым звуком. Товарищи, участвовавшие в движении под именем левых радикалов, были заклеймены лидерами партии как государственные преступники, а руководящим товарищам предлагалось уйти из партии.

Поражение на итальянском и болгарском фронтах, голод, царивший внутри страны, разрушение организационного аппарата, созданного для распределения продовольствия, бегство солдат с фронта,—все это привело, наконец, к распадению Австро-Венгерской монархии. Вместо нее образовалось несколько республик, соответственно этнографическому составу, а именно: чешская, юго-славянская, венгерская республики,—и от великой империи не осталось ничего, кроме части немецкой Австрии приблизительно с 9 миллионами жителей. Лишь в последнюю минуту социал-демократия в немецкой Австрии решилась взять в свои руки руководство „революцией".

До сих пор еще говорят о революции в Австрии. В действительности же ее здесь вовсе не было. В тот момент, когда пролетариат мог фактически без борьбы захватить власть, представители социал-демократии выступили перед пролетариатом и буржуазией и сказали: „Для нас еще не время брать власть в свои руки, мы должны вступить в коалицию с буржуазией". Был образован президиум, состоявший из одного от'явленнейшего попа, из одного немецкого националиста и одного социал-демократа. Когда этот блестящий триумвират взял в свои руки власть, для революционного пролетариата Австрии пробил час борьбы. Никогда, даже во времени Штюрка, реакция не была сильнее, чем при управлении наших представителей. Имперским канцлером был назначен д-р Реннер, министром иностранных дел д-р Бауэр, бывший радикал, военным министром ген. Дейч и во всех учреждениях засели социал-демократы вкупе с буржуазными элементами.

В мае 1918 г. между левыми радикалами и различными оппозиционными группами произошло сближение, и была выработана общая платформа. К этому времени впервые возник план основать в Австрии коммунистическую партию. Тогда мы еще не знали, что русские товарищи станут именоваться коммунистами, мы не знали и того, что наши товарищи в Германии, спартаковцы, также назовут себя коммунистической партией. В нашей небольшой группе возникла эта мысль, и мы пожелали претворить ее в дело, начав тем самым новую эпоху в революционном движении рабочего класса Австрии.

Нас было немного, когда мы начали борьбу. Многие из лучших наших товарищей сидели по тюрьмам, и все силы, необходимые для этой борьбы, приходилось извлекать из какого-нибудь десятка людей. Мы постановили тогда основать газету под заглавием: „Weckruf" (Призыв), коммунистический еженедельник. Впервые название „коммунист" было написано на знамени. Но газета была конфискована целиком, до последней строчки. Благодаря конфис-

кации мы не смогли осуществить нашего намерения разбросать газету первого мая среди рабочих масс. Но когда вследствие военного поражения гражданская свобода до некоторой степени была восстановлена в Австрии и когда после девятимесячного заключения наши мужественные товарищи были выпущены из тюрьмы, мы могли заложить новые, более прочные основания своей организации. 3 ноября 1918 г. мы конституировались в качестве „Коммунистической партии немецкой Австрии" с центральным органом „Weckruf".

12 ноября 1918 г. предполагалось публичное провозглашение республики. Мы постановили: если настроение пролетариата будет против буржуазной и за социалистическую республику, то мы обратимся к населению в духе коммунизма. И вот мы увидели, что пролетариат настроен крайне революционно. На бесчисленных красных знаменах красовались надписи: „Социалистическая республика!" Некоторые из наших товарищей поднялись на ступени Парламента и провозгласили основные положения коммунизма. Затем мы избрали нескольких коммунистов и пожелали проникнуть в Парламент и об'явить депутатам, что пролетариат желает социалистическую, а не буржуазную республику. Но двери Парламента были захлопнуты перед нашим носом, а затем раздалась стрельба. Наши товарищи из красной гвардии попытались выломать двери прикладами, чтобы проложить нам дорогу. Таким образом дело дошло до пресловутой перестрелки. Красная гвардия и народная милиция отвечали на выстрелы, раздавшиеся из внутренних помещений парламентского здания, и праздник буржуазной республики, столь прекрасно подготовленный, закончился временным занятием парламента.

В виде репрессалии депутаты-аграрии постановили потребовать расстрела вожаков коммунизма, угрожая в противном случае прекращением подвоза продовольствия в Вену. Представители социал-демократов заявили, однако, что это заходит слишком далеко, но согласились, что злоумышленники должны быть наказаны по всей строгости закона. Вслед за этим товарищ Штейнгардт (Грубер) и товарищ Фридлендер были арестованы. Впрочем, через две недели их снова выпустили на свободу, главным образом по требованию советов народного ополчения. Вместе с тем и некоторые из наших русских друзей были привлечены к следствию и затем высланы из страны. Социал-демократы, участвовавшие в правительстве, не только дали на это свое согласие, но даже отчасти были инициаторами этих мер.

Над коммунистическим движением был занесен меч. Все правительственные власти обрушились на нас, и нам пришлось выдерживать самую ожесточенную борьбу с социал-демократами из правительства. В Вене для нас оказалось невозможным найти помещение. В некоторых округах мы пытались созывать собрания от имени коммунистической партии, но от нас отнимали помещения и таким путем пытались нас обессилить. В провинции правительственные социалисты еще резче проявляли свою власть. В Граце, центре промышленности Штейермарка, мы втечение целого месяца не имели возможности устроить собрание. Там организовал террор против коммунистов социал-демократ Резель.

Лишь после того, как мы вышли на улицы и стали собираться на площадях, мы получили возможность устраивать собрания в любом помещении. Во всем северном Штейермарке существуют теперь коммунистические организации, и рабочие приходят к нам, ведут с нами беседы и постепенно примыкают к нашей платформе. Теперь уже никто не осмеливается мешать нам устраивать наши собрания и строить наши организации.

Так мы пробились к жизни. Но тот факт, что социал-демократическая партия пыталась сделать невозможным наше движение — навеки останется ее исторической виной.

В своей агитации мы никогда не говорили, что рабочие социал-демократы наши враги, мы лишь указывали, что их ведут по ложному пути. В своей деятельности мы стремимся привлечь на свою сторону революционные элементы рабочего класса. Обнаружилось, что к нам повсюду примыкают левые радикалы.

9 февраля мы получили, наконец, возможность, произвести смотр нашего движения во всей немецкой Австрии, и в то время как на первом заседании 3 ноября 1918 г. присутствовала лишь небольшая кучка товарищей, на собрании 9 февраля 1919 г. была представлена рядом организаций вся немецкая Австрия. Мы приняли ясную, точно формулированную коммунистическую платформу и заявили относительно Национального Собрания, что не желаем участвовать в выборах, так как это учреждение—орудие для фальсификации революции. А между тем выборы были кульминационным пунктом политической жизни социал-демократии. В противоположность этому мы выставили идею диктатуры пролетариата, идею самоуправления пролетарских организаций и потребовали рабоче-солдатских советов.

Таково было положение дел в тот момент, когда мы покинули Австрию. За нами уже четыре месяца организационной работы. Мы не придаем особенно большого значения тому, чтобы иметь много записавшихся в партию членов, но заботимся главным образом о том, чтобы они были проникнуты революционной волей, волей к действию, и чтобы в решительный момент у нас оказался на лицо необходимый революционный кадр.

И вот коммунистическая партия немецкой Австрии укрепилась и готова к борьбе. Правительство ее преследует, социал-демократы ненавидят. К сожалению, Фриц Адлер не в наших рядах. Когда он убил председателя совета министров Штюрка и когда австрийские рабочие решительно и энергично потребовали его освобождения, он являлся для нас символом революции. Фриц Адлер вышел из тюрьмы, и что же произошло? Те, кто примыкал к нему, кто был готовы нести ради него всяческие жертвы, перестали быть его друзьями, и он стал их противником. Он отдал себя в распоряжение социал-демократической партии, той партии, которая заклеймила его и которая изгнала бы его, еслибы он не был сыном великого отца. Он был выставлен кандидатом в Национальное Собрание и в союзе с реакционными вожаками рабочего класса послужил соблазном для многих рабочих, склоняя их голосовать за парламент.

Он заявил себя противником всяких попыток вызвать раскол в рабочем движении, в особенности, противником деятельности коммунистической партии.

Наше движение—движение масс. Нам каждый день приходится слышать: у вас, коммунистов, нет выдающихся товарищей. Русские коммунисты имеют Ленина, Троцкого, Бухарина, которые уже давно борются за идеи коммунизма, за диктатуру пролетариата, а у вас нет ни одного всемирно известного, выдающегося руководителя. Но рабочие отнеслись к нам серьезно, так как они видели, что суть дела заключается не в громких именах.

Нам, рабочим немецкой Австрии, рассказывали, что в России царят разрушение, грабежи, саботаж и что в скором времени господство большевиков будет свергнуто. Мы же видим, что это господство укрепилось и что русская коммунистическая партия открыла новую эпоху во всемирной истории. В то время как раньше Москва была центром реакции, теперь она стала центром коммунистического движения, который никогда не может быть уничтожен. Поэтому рабочие немецкой Австрии уже теперь с восторгом примыкают к движению русских товарищей, сознавая, что если коммунистический строй будет разрушен на востоке, то и на западе окажется невозможным построить общественную жизнь на коммунистических основаниях.

Конгресс второго Интернационала в Берне явился агонией умирающей эпохи, нынешний же конгресс является первым собранием революционного пролетариата для организации его активности.

Поэтому мы приветствуем вас и желаем, чтобы это

собрание ознаменовало собою новую эпоху. Восемнадцать дней мы находились в пути между Веною и Москвой. Мы проделали весь путь так, как путешествуют иногда мальчишки-подмастерья. На тендерах, на локомотивах, на буферах, в вагонах для скота, пешком через линии украинских разбойничьих банд, рискуя жизнью, мы двигались вперед с одною мыслью: в Москву, в Москву, мы должны быть в Москве, и ничто нас не удержит!

И вот мы достигли нашей цели. Мы находимся среди вас, товарищи! И совместными усилиями мы должны добиться - и добьемся в недалеком будущем—нашей общей цели: всемирной федеративной коммунистической республики.

ДОКЛАД тов. Ж. САДУЛЯ

(Франция).

Товарищи! Я должен извиниться, что не говорю ни по немецки, на этом языке интернационального социализма, как его вчера назвал товарищ Зиновьев, ни на русском языке, который должен завтра стать языком интернационального коммунизма. Я владею довольно бегло лишь французским языком, который, к сожалению—по крайней мере, в настоящую минуту, может быть назван только языком б ы л о й революции.

Прежде чем нарисовать вам, по желанию товарища Ленина, картину политического положения Франции, я хочу ответить на вопрос, поставленный мне некоторыми заграничными товарищами:— что я, как французский офицер, думаю о русской красной армии?

Товарищи! Несколько недель тому назад мне пришлось быть на северном фронте, на том фронте, на который с мучительным вопросом устремлены взоры молодой, истекающей кровью советской республики. С радостью я пользуюсь теперь случаем на этой первой Интернациональной Коммунистической Конференции выразить открыто, перед всем светом, те глубокие чувства, которыми одушевлен каждый истинный революционер пред лицом великой русской коммунистической партии, - перед этим факелом мировой революции. Партия эта, несмотря на множество серьезных препятствий, все же нашла в себе достаточно сил для создания той неоспоримой военной мощи, той красной армии, в рядах которой я имею честь работать.

Великою благодарностью обязаны мы руководителям этой армии и в первую очередь товарищу Троцкому, неукротимая энергия, высокая интеллигентность и действительная гениальность которого сумели влить новую жизненную силу в русскую армию, находившуюся уже в состоянии полного распада.

Не прошло и шести месяцев с тех пор, как союзники в своем высокомерии, в своей ненависти к русской революции, утверждали, что достаточно двух чешских дивизий и поддержки одного англо-французского отряда для свержения советского правительства и для завоевания России. Судя по ходу событий, в первые недели могло казаться, что такие взгляды союзников правильны: ибо тогда начали развиваться с молниеносной быстротой неприятельские нападения в районе Белого моря и Поволжья. Под угрозой этой смертельной опасности революционная армия стала формироваться с изумительной быстротой. И теперь уже сами союзники признают, что та красная армия, к которой они относились раньше с таким пренебрежением, достигла в своем быстром развитии такой силы, что в состоянии уже оказывать сопротивление неприятельским войскам, преступным образом переброшенным в Россию для штурма большевистской твердыни. Они признают преимущества этой армии, ее организованность, ее военное значение. По просту они ее боятся. Они боятся ее настолько, что, несмотря на замаскированное лицемерными заявлениями, но не вызывающее никаких сомнений упорное желание задушить русскую революцию, представляющую безпрерывную революционную угрозу для всей Европы, несмотря на свое желание вручить политическую власть какому-нибудь новому царю и помочь буржуазии вернуть ее экономическое господство,—они были вынуждены отказаться от военного вмешательства, которым они более года бесстыднейшим образом угрожали советскому правительству.

То, чего не могли добиться союзники собственными силами, должны теперь выполнить для них белые гвардии Колчака, Деникина, Петлюры, Маннергейма, Падеревского, направленные против России.

Но навязывая таким образом, русской красной армии новую борьбу, союзники подготовляют ее к новым победам, ибо как под Петроградом, так и на Волге, на Урале, на Юге—повсюду советские войска останутся победителями.

Именно по этим основаниям я приглашаю коммунистическую конференцию обратиться со словами признательности к первой интернационалистической армии, превратившей в ничто задуманную союзниками карательную экспедицию, обеспечившей дело русской революции и тем самым давшей возможность западно-европейскому пролетариату организоваться и подготовиться к борьбе.

Товарищи! Прошло уже восемнадцать с половиной месяцев с тех пор, как я покинул Францию. Вследствие этого я не был очевидцем того, что происходило там за последнее время. Но для активного политического борца, хорошо знакомого с психологией своих соотечественников, достаточно внимательно читать французские газеты, чтобы составить правильную оценку политических событий и выяснить прежде всего роль двух таких значительных и популярных организаций, каковыми являются во Франции Социалистическая партия и Всеобщая Конфедерация Труда. В высшей степени интересно проследить эволюцию настроений последовательно охватывавших французское население.

Когда я покинул Париж в сентябре 1917 г., т.-е. за несколько недель до октябрьской революции, общественное мнение Франции относилось к большевизму как к грубой карикатуре на социализм. Руководителей большевизма считали преступниками или безумцами. Армии большевиков считалась толпой, состоящей из нескольких тысяч фанатиков или преступников.

Таково было мнение всей Франции. К стыду своему я должен сознаться, что 9/10 всех социалистов, как большинства, так и меньшинства, придерживались такого же мнения. В качестве извиняющих обстоятельств мы могли бы привести, с одной стороны, полную неосведомленность о русских событиях, а, с другой, те вымышленные факты и подложные документы, относительно подкупности, жестокости и бессовестности большевиков, которые распространяла наша печать всех направлений.

Захват власти этой „бандой мятежников" произвел на французов ошеломляющее впечатление. Клевета, не позволившая нам увидеть в правильном освещении подлинный лик русского коммунизма, стала еще более черной, когда был заключен Брестский мир. В это время антибольшевистская агитация достигла своего апогея.

Несмотря на все это, через некоторое время удалось переслать во Францию несколько беспристрастных отчетов о происходившем. Некоторые из нас постепенно стали

догадываться, что ведь совершенно невозможно, чтобы партия, сумевшая устранить со своего пути такую массу препятствий, опиралась исключительно на террор; скорее надо было полагать, что она была признана значительной частью русского народа, любима и поддерживаема им.

Буржуазная печать продолжала свою позорную травлю. В газетах социал-патриотов, брань, правда, прекратилась, но зато стали появляться дикие нападки на руководителей большевизма, утопии которых, по мнению социал-патриотов, грозят, без сомнения, уничтожить завоевания русской революции и неизбежно скомпрометировать мировую революцию. Газеты социалистического центра (группы Лонге) проявляли меньше негодования и презрения. Они начали даже разоблачать интриги буржуазных правительств Антанты и выразили свой протест против вооруженного вмешательства, обосновывая, впрочем, свою тактику не сознанием социалистической солидарности, а правом народов на самоопределение. Эти нерешительные и трусливые ортодоксы продолжали воздерживаться от всякого суждения относительно социалистической ценности большевистской программы. Ошеломленные и испуганные радикальным характером гигантского социального переворота, с твердой решимостью проводимого советским правительством, они следили за этой метеорической революцией не понимая ее необходимости и не оценивая ее мощи. Но они не осмелились также и осудить ее. Их нерешительность похожа на нерешительность, охватывающую всякого буржуа пред лицом новой идеи: как социалисты они явно обнаружили свое полное безволие. Впрочем, я не решаюсь осуждать их слишком строго, так как еще недавно я сам находился в их рядах и, может быть, еще и сегодня я был бы так же слеп, как прежде, если бы не прошел здесь всей великой школы русского коммунизма.

Первое выражение симпатии, первый знак братского единения, хотя и частичного, был проявлен в октябре 1918 г. на национальной конференции Социалистической Партии Франции. Во время речи Лонге относительно военного вмешательства внезапно раздались воодушевленные возгласы: „Да здравствует советская республика!" Эти возгласы оказались неожиданными для большей части руководителей, как большинства, так и меньшинства. Сам Лонге, избранный на этой конференции лидером социалистической партии, был поражен. Это было первым предостережением, исходившим из рядов мало известных, но мудрых борцов, по адресу их руководителей.

Эти последние, надо сознаться, стали с того времени проделывать эволюцию влево гораздо более явно, и эта эволюция за последние шесть месяцев углублялась медленно, но безостановочно. Стало очевидно, что сдвиг масс влево происходил гораздо быстрее, чем полевение руководителей. Непосредственный интерес пролетариата к материальному и реальному, его хорошо развитое политическое чувство, глубокий и здравый инстинкт, свойственный французскому народу,—все это, естественно, приводит пролетариат к разумным решениям; другими словами, несмотря на отсутствие у пролетариата научного обоснования социализма, он инстинктивно идет к решениям в духе коммунизма. Хотя мы и не располагаем точными данными, все же мы можем признать, что это естественное стремление находится в известной степени под влиянием синдикализма. Я не стану говорить здесь об официальных руководителях Всеобщей Конфедерации Труда, о Жуо, который заигрывал с милитаристическим правительством, о Мергейме, революционность которого упала. Мне гораздо приятнее рассказать о тех борцах синдикализма, которые менее известны, но вместе с тем и менее затронуты процессом разложения, не заражены духом бесчисленных парламентских комиссий, не впутаны в переговоры с представителями правительства, а потому и сохранили незатронутой живую душу подлинного синдикализма. Повидимому, эти люди, несмотря на очень скудные сведений о большевистском коммунизме, инстинктивно поняли его подлинную силу и жизнеспособность. Большею частью это люди, стоящие в последних рядах общественной жизни, с нелишком высоким, быть может, культурным уровнем, но зато с сильной волей, люди—которые когда-нибудь, — если история предпишет французскому народу совершить революцию и приведет его к власти,—выдвинутся в первые ряды.

В самом деле, товарищи! В настоящий момент я не вижу революционных вождей среди французской социалистической партии. Во главе ее стоят по преимуществу такие люди, которые, подобно чиновникам, не имеют внутренней связи с широкими массами народа, люди, которые, благодаря буржуазному парламентаризму, опошлились и отупели. Деморализующее влияние Палаты Депутатов с ее оффициальными галантными дебатами, с одной стороны, и тайными махинациями, с другой,—весьма существенно и могуче. Даже такие деятельные товарищи, с сильным темпераментом и здравыми политическими убеждениями, как Кашэн, Лафон и,—вероятно, я вас удивлю—даже Ренодель, впали в оппортунизм, проработав в Палате лишь несколько месяцев. Многие из них, без сомнения, впоследствии одумаются, но, может быть, слишком поздно, чтобы своими руками зажечь пламя революции. Многие из них, быть может, примкнут к революции через двадцать четыре часа после того, как она разразится, но они не в состоянии предвидеть ее хотя бы за 24 часа до взрыва, так как их суждениям уже недостает проницательности, а поступкам—смелости и решительности. Я не могу сказать наверно, попытаются ли они предупредить наступление революции, или станут сдерживать ее насильственными мерами, не скажу и того, что все это вообще входит в их намерения. Я не хотел бы, чтобы это случилось, так как эти элементы, если пролетариату удастся увлечь их и подчинить своему контролю, могут оказаться чрезвычайно ценными сотрудниками.

Таким образом, мы видим, что французская революция не смогла выдвинуть ни своего собственного Ленина, ни своего Троцкого. Природа не слишком расточительна на создание подобных титанов. Но в сущности, для завоевания пролетариатом власти, достаточно, что у мировой революции есть эти два могучих вождя. Оба они стоят вполне на высоте своих огромных задач. Они указали путь, они и дальше будут прокладывать новые дороги. И если когда либо в будущем французская революция будет нуждаться в помощи русских руководителей, то, вероятно, вы не откажетесь одолжить нам на несколько недель этих вождей, не правда-ли, товарищи? У нас, французов, по крайней мере в настоящий момент, нет не только коммунистического фельдмаршала, но нет даже выдающихся революционных генералов, которыми в столь большом количестве располагает Россия и которые, по самой своей сущности—подлинно русские явления, созданные самой природой страны, ее резкими противоположностями в климате, ее необозримыми равнинами,—подлинно русские явления, мощная воля которых выкована в царских тюрьмах, в многолетних ссылках, закаливших их на всевозможные страдания и жертвы.

Руководители французских левых социалистов, Лонге и его друзья, преклоняющиеся перед реформизмом и оппортунизмом, неспособны стать революционными героями. Этим я не хочу сказать, что они не смогут проявить героизма, когда для него пробьет час, но у них нет героизма, который способен этот час приблизить.

Вожди большевизма—герои в самом возвышенном смысле этого слова. Они сумели повести народ к революции по предуказанному ему историей пути. Они для народных масс—как-бы маяк, освещающий путь своими лучами. Наши французские вожди, я опасаюсь, окажутся лишь учениками русских.

Французский пролетариат, конечно, сам сделает первый шаг, ему одному придется завязать первые битвы. Все наши надежды мы возлагаем на пролетариат. Он долго покоился на лаврах своих славных предтеч, но теперь он начинает просыпаться. Он начинает сознавать предназначенную его великую судьбу. Его неуклюжие, но сильные руки жадно тянутся к власти. Отголоски тех воз-

гласов, которые впервые раздались на октябрьской конференции, теперь, через шесть месяцев, становятся слышны по всей Франции.

Большинство публичных собраний за последнее время заканчивается новый лозунгом: „Да здравствует Ленин!“ „Ура Троцкому!“ „Да здравствует диктатура пролетариата!“ „Да здравствуют советы!“ Эти возгласы болезненно раздражают слух власть имущих, и о них с пеной у рта сообщают буржуазные газеты. К сожалению, отсутствие вождей сильно дает себя знать; нет об'единяющей организации, и потому слишком легко удается подавлять при помощи грубой силы прорывающиеся в отдельных местах вспышки движения.

Однако, в общем и целом, ход событий для революции благоприятен. Крушение капиталистического строя, полная неспособность этого строя к разрешению вопросов о мире и войне, его бессмысленное стремление к созданию всякого рода призрачных компромиссов, его ненависть к народным массам—все это только усиливает гнев и ожесточение масс. Устарелая идея о соглашении с буржуазией все более решительно отбрасывается рабочими. Социал-патриоты, эти приверженцы противоестественного союза, рабочими массами давно уже с презрением отвергнуты. Непродуманные решения вождей социалистов центра, которые, благодаря своей широковещательности, никому не внушают доверия, едва ли могут кого-либо удовлетворить.

Наконец, проливается свет на события в России. Честная, прямая тактика партии большевиков гораздо более соответствует темпераменту французов, чем неясные, смутные формулы первой немецкой революции.

Я твердо уверен, товарищи, что программа русской коммунистической партии—с некоторыми ничтожными изменениями, соответственно французским условиям, главным образом в области аграрного вопроса,—в самое ближайшее время будет радостно встречена французским пролетариатом.

К этому ведет только один путь — пропаганда и опять-таки пропаганда. Почва для агитации прекрасно подготовлена. Непростительное замедление демобилизации, империалистические стремления капиталистической клики, в руках которой находится власть над всей республикой, резкое выступление буржуазии против русской и немецкой революции, распадение государства, хозяйственный хаос, безработица, продовольственные затруднения — все это в значительной степени способствует крушению эксплуататорского строя.

Когда же начнется освободительное движение? Никто не может предсказать ход событий! Серьезные препятствия могут задержать даже самое неизбежное.

Французские правящие классы прекрасно поняли это еще до того, как капиталисты Антанты организовали взаимопомощь под названием Лиги Народов; они постарались охранить себя особой военной силой в виде цветных и черных войск, сенегальцами и индусами, которые расквартированы во всех промышленных центрах и всегда могут быть обрушены на рабочие массы.

Наконец, правительство угрожает будущей революции экономической блокадой. Если оно прекратит подвоз американского хлеба во Францию, население Франции будет обречено на голод.

Эти положения приходится основательно обдумать: ответственность, которую мы берем, на себя огромна.

Несмотря на это, я убежден, что как только демобилизация выбросит в страну несколько миллионов граждан, создав таким образом безработицу и продовольственный кризис, тогда неизбежно начнется пролетарское движение, которое, несомненно, примет форму советов и примкнет к коммунистической партии.

Итак, будем работать дальше и ждать благословенного часа, когда священный союз немецкой, французской и русской революций сделает социальную мировую революцию непобедимой.

Этим я закончу.

Позвольте мне лишь, товарищи, огласить здесь заявления двух борцов из рядов левых социалистов, Верфейля и Лорио, ярко освещающие психологию истинно жизнеспособных и столь ценных для пролетариата элементов французской социалистической партии *).

Товарищи! Заканчивая свою речь, я повторяю еще раз: не прошло и шести месяцев с того времени как большинство французской социалистической партии восклицало: „Долой большевиков!“ Теперь те же социалисты восклицают: „Да здравствует советская республика!“ Официальные и партийные газеты предусмотрительно стараются выяснить возможность диктатуры пролетариата во Франции. Нуждаются ли эти факты в каких либо пояснениях? И разве мы не вправе по этому надеяться, что нам уже не долго осталось ждать?

*) Письма тов. Лорио и Верфейля, оглашенные тов Садулем, приведены в 1-м № „Ком Инт“, стр. 71 и 138.

ДОКЛАД тов. Л. ТРОЦКОГО

(Россия).

Из доклада тов. Альберта видно, что вопрос о красной гвардии в Германии стал „притчей во языцех“, и, насколько я понял его, мысль о возможном вторжении нашей красной гвардии в пределы Восточной Пруссии является кошмаром бессонных ночей гг. Эберта и Шейдемана. На этот счет тов. Альберт может успокоить правителей Германии,—им нечего тревожиться. К счастию или к несчастию, — это, конечно, дело вкуса, — но в настоящий момент до этого еще не дошло. Что касается угрожающего нам вторжения, то смело можно сказать, мы теперь неизмеримо в лучшем положении, чем в прошлом году при заключении Брест-Литовского мира. Об этом уже говорить не приходится. В то время мы в деле строительства, как Красной Армии, так и всего Советского Правительства, были еще в пеленках. Красная Армия тогда на самом деле называлась Красной Гвардией, но это название у нас давно уже не существует. Красной Гвардией назывались первые партизанские отряды, импровизированные группы революционных рабочих, которые, движимые революционным порывом, распространили пролетарскую революцию из Петрограда и Москвы по всей стране. Этот период продолжался до первого столкновения этой Красной Гвардии с регулярными немецкими полками, и тогда с полной очевидностью выяснилось, что эти импровизированные отряды, побеждавшие русскую контр-революцию, оказались бессильными перед дисциплинированной армией, а следовательно, не могли служить действительной защитой революционной Социалистической Республики.

С того времени начинается перелом в отношении рабочих масс к армии и ломка старых методов ее организации. Под давлением событий мы приступили к созданию здоровой армии, организованной на началах, диктуемых военной наукой. В нашей программе стоит весь „Народная Милиция“. Но невозможно говорить о народной милиции, этом требовании политической демократии, в стране, где властью является диктатура пролетариата, так как армия всегда тесно связана с характером господствующей власти. Война, как говорит старый Клаузевиц, есть

продолжение политики, лишь иными средствами. Армия — орудие войны, она должна поэтому соответствовать политике. Раз правительство пролетарское, значит, и армия должна быть таковой в своем социальном составе.

Мы ввели поэтому ценз в армию: с мая прошлого года мы от добровольческой армии, от красной гвардии перешли к армии, основанной на обязательной воинской повинности, но допускаем в армию лишь пролетариев или крестьян, не эксплуатирующих чужого труда.

Невозможность серьезно говорить в России о народной милиции становится еще яснее, если принять во внимание, что в одно и то же время в пределах бывшей империи русских царей находились и еще находятся несколько армий враждебных нам классов. В Донской Области имеется даже монархическая армия, под предводительством казацких офицеров, состоящая из буржуазных элементов и богатых казаков. Затем в области Волги и Урала находилась армия Учредительного Собрания. Это ведь тоже была, по замыслу, „народная" армия, как ее и называли, но эта армия быстро распалась. Господа члены Учредительного Собрания остались не при чем: им пришлось, — совсем против воли, — оставить область Волги и воспользоваться гостеприимством нашего Советского Правительства. Адмирал Колчак попросту арестовал Правительство Учредительного Собрания, и армия превратилась в монархическую армию. Таким образом мы видим, что в стране, где ведется гражданская война, армию можно строить лишь по классовому принципу, это мы и сделали и добились результатов.

Большие трудности поставил на нашем пути вопрос о командном составе. Разумеется, первой нашей заботой было воспитать красных офицеров из среды рабочих и наиболее развитой крестьянской молодежи. За эту работу мы принялись с самого начала, и здесь, у дверей этого помещения, вы можете увидеть не мало красных прапорщиков, которые скоро вступят в армию в качестве красных офицеров. У нас их довольно много. Я не хочу называть их числа, так как военная тайна всегда должна оставаться военной тайной. Число это, повторяю, довольно велико, но мы не могли ждать, пока из красных прапорщиков выйдут красные генералы, так как враг не давал нам такой передышки, и нам пришлось обратиться к старому командному составу и из этих резервов найти способных людей; это тоже увенчалось успехом. Разумеется, мы искали для себя офицеров не в блестящих сферах военных куртизанов, а нашли в более простой среде вполне способных людей, которые помогают нам сейчас в борьбе против бывших их коллег. С одной стороны, лучшие и честнейшие элементы старого офицерского корпуса, которых мы окружаем дельными коммунистами в качестве комиссаров, с другой стороны, лучшие элементы из среды солдат, рабочих и крестьян для низших командных постов: вот каким образом мы составили свой красный командный состав.

С того момента, как у нас возникла Советская Республика, она была принуждена вести войну, ведет ее и поныне. У нас фронт свыше 8.000 кил.; с юга и севера, с востока и запада — всюду против нас борются с оружием в руках, и нам приходится защищаться. Да, Каутский даже обвинил нас в том, что мы развели милитаризм. Но мне кажется, что, если мы желаем сохранить власть за рабочими, мы должны серьезно защищаться. Чтобы защищаться, мы должны научить рабочих владеть оружием, которое они куют. Мы начали с того, что обезоружили буржуазию и вооружили рабочих. Если это называется милитаризмом, пусть так, мы создали свой социалистический милитаризм и мы от него не отречемся.

Наше военное положение в августе месяце прошлого года было крайне скверно: не только вокруг нас сомкнулось кольцо, но это кольцо довольно тесно окружало Москву. С тех пор мы все более и более раздвигали это кольцо, и втечение последних шести месяцев красная армия отвоевала для Советской Республики не менее 700.000 кв. кил., с населением около 42.000.000, 16 губерний с 16-ю большими городами, рабочие которых вели и ведут энергичную борьбу. Еще сегодня, если вы проведете на карте в любом направлении прямую линию от Москвы, повсюду вы найдете на фронте — русского крестьянина, русского рабочего, который в эту холодную ночь стоит под ружьем на границе Социалистической Республики и защищает ее. И я могу вас уверить, что рабочие-коммунисты, составляющие ядро этой армии, чувствуют, что они не только гвардия русской социалистической республики, но и красная армия III-го Интернационала. И если нам сейчас предоставлена возможность оказать гостеприимство этой социалистической конференции и таким образом отблагодарить западно-европейских братьев за их многолетнюю дружбу, мы этим в свою очередь обязаны усилиям и жертвам красной армии, в которой работают лучшие товарищи из коммунистической рабочей среды в качестве простых солдат, красных офицеров или комиссаров, т. е. непосредственных представителей нашей партии, Советской власти, которые в каждом полку, в каждой дивизии задают политический и моральный тон, т. е. своим примером показывают красным солдатам, как бороться и умирать за социализм. И это не пустые слова наших товарищей, за ними следует дело: и в этой борьбе мы потеряли сотни и тысячи лучших социалистических работников. Я полагаю, что они пали не только за Советскую Республику, но также и за третий Интернационал.

И хотя мы сейчас даже не помышляем о том, чтобы напасть на восточную Пруссию, — мы, наоборот, были бы крайне довольны, если бы гг. Эберт и Шейдеман оставили нас в покое, — но одно несомненно: если пробьет час и наши западные братья призовут нас на помощь, мы ответим: „мы здесь, мы за это время научились владеть оружием, мы готовы бороться и умирать за мировую революцию!"

ДОКЛАД тов. Ф. ПЛАТТЕНА

(Швейцария).

Дорогие товарищи! Швейцария маленькая страна со скромным движением. Представитель ее не в состоянии дать такой обширный отчет о борьбе, как докладчики других стран, хотя мы и можем заявить, что пытались сделать все, чего требовала от нас солидарность с русскими товарищами.

Война пощадила нашу страну, мы жили в лучших условиях, и наше рабочее движение развивалось иначе, чем в воюющих странах. Но и на Швейцарии сказалось политическое влияние войны. В партийном движении мы в Швейцарии с самого начала примкнули к Циммервальду. Я лишь слегка коснусь вопроса о внутрипартийной борьбе и скажу вам, что борьба за Циммервальд оттолкнула от партии крайние националистические элементы; осталась интернационалистическая партия, которая быстро развивалась. Но, несмотря на это, нам не удалось вытеснить из партии все правые элементы. Эти элементы остались в партии — во имя сохранения единства.

Переходя к краткому обзору развития партии, я ограничусь указанием, что уже в связи с отправкой делегатов на циммервальдскую конференцию выяснилось, что даже в этой замкнутой в себе партии имеются не два, а целых три течения. Правые, как Штудер, Миллер, Грейлих, не имели представителей; но был тов. Нэн,

который после крутого поворота в лево стал впоследствии представителем правых. Были представлены образовавшийся позже центр и левое крыло, и по всем вопросам эти группы голосовали самостоятельно. Я примкнул к циммервальдской левой. Гримм голосовал против левой, мотивируя это тем, что он в качестве председателя обязан своим нейтральным поведением поддерживать связь между различными течениями. Впоследствии оказалось, что его позиция была обусловлена более глубокими политическими причинами.

Борьба, вспыхнувшая в рядах партии после Циммервальда, велась левой сообща с центром партии. Грютлианцы откололись, и тем самым был предуказан путь партии. Она быстро эволюционировала влево, и еслибы мы хотели охарактеризовать себя, то на основании всех постановлений партийных с'ездов партию следовало бы причислить к левой части Интернационала: она по праву могла бы сегодня иметь здесь своего представителя. Но социальная структура страны вызывает значительное расхождение между теорией и практикой.

Миссия, с которой тов. Гримм поехал в Россию, осталась не без политического влияния на швейцарское партийное движение. Когда мы из телеграмм узнали об его поведении в Петербурге, наиболее дальновидные, главным образом левые элементы в Цюрихе, поняли, что поведение и позиция Гримма в Интернационале и в швейцарской партии не могут остаться прежними. Но многие товарищи еще надеялись, что ошибка, совершенная Гриммом, должна быть отнесена исключительно на его счет. Я тогда настаивал на открытом осуждении его политики, но мое предложение не было поддержано. Он вернулся и в начале притворился весьма радикальным. Вскоре, однако, он сделал необходимые выводы, и нам пришлось вести с ним напряженную борьбу. На следующем партийном с'езде борьба будет еще более жестокой, ибо партия окончательно тогда определит свое направление. Дойдет ли дело до раскола, об этом я сейчас судить не берусь.

Профессиональное движение в Швейцарии болеет теми же болезнями, что и в Германии. Штаб секретарей управляет движением; существовала опасность длительного окостенения профессионального движения. Бедственное положение, в котором оказались рабочие вследствие дороговизны, заставило их начать борьбу помимо согласия центра. Профессиональные организации должны были согласиться взять на себя руководство. Рабочие в Швейцарии скоро поняли, что они лишь тогда смогут улучшить свое материальное положение, когда перешагнут через уставы профессиональных союзов, начнут борьбу под руководством не старого совета проф. союзов, а ими самими избранных товарищей. Был созван рабочий конгресс и образован рабочий комитет, в котором, как и в русских советах в начале революции, было представлено и революционное направление. Рабочий комитет должен был взять управление в свои руки. Рабочий конгресс состоялся, несмотря на противодействие совета проф. союзов и был вынужден немедленно ознакомиться с методами борьбы массовой стачки. Стали готовиться к предстоящим битвам и против желания комитета этого рабочего конгресса началась борьба, поставившая швейцарских рабочих перед великой задачей. Я имею в виду последнее выступление, вовлекшее в борьбу свыше 400.000 рабочих.

Трусливая политика центра снова поставила во главе движения Цюрих. Лишь два дня спустя после начала цюрихской стачки центральное правление выкинуло, чтобы спасти свой падающий престиж, лозунг всеобщей забастовки; таким образом удалось распространить борьбу на всю страну. Но о вооружении не было еще и помину. Швейцарский пролетариат думал, что сможет вести эту борьбу без оружия путем простого прекращения работ и проявлении необходимой стойкости. Борьба продолжалась пять дней, а на пятый день, к ужасу рабочих масс, центром был дан приказ прекратить стачку. Необходимо отметить это новое предательство рабочего дела. Комитету, состоявшему отчасти из чиновников, создавшееся положение оказалось не по плечу, и прекращение борьбы было мотивировано ссылкой на то, что в случае продолжения забастовки кровавая гражданская война может стать фактом. Дело дошло до резких об'яснений. Следствием поражения были локауты. Битва была проиграна.

Эта борьба, пред'явившая величайшие требования мужеству рабочих—войска были очень хорошо вооружены, было призвано под ружье около 40.000 человек — немало способствовала уразумению характера будущей борьбы. Когда после прекращения стачки приступили к обсуждению положения, рабочие поняли, что грядущие битвы нельзя будет вести таким же образом, что это будут кровопролитные восстания.

За поражением последовала страшная реакция. Отмечу, что почти все руководящие товарищи отданы под суд и ожидают осуждения. Сотни железнодорожников также предстанут перед этими военными следственными властями, так как они отказались исполнить свои служебные обязанности.

Важным событием, примыкающим к этому выступлению, является высылка из пределов Швейцарии русской миссии. Я могу сказать, что как раз слух о предстоящем изгнании русской миссии из Швейцарии сильнейшим образом возмутил рабочих в дальнейшем ходе борьбы. Нам были выставлены новые требования. Мы заявили, что ведем борьбу потому, что против Советского правительства предпринимаются шаги, рассматриваемые нами, как провокация. Для нас это изгнание было весьма чувствительно, ибо русская миссия оказала нам услуги в деле получения известий из России, благодаря которым опровергались распространяемые лживые слухи.

Когда мы после поражения стачки вновь смогли собраться, мы сдали в печать несколько новых работ и приступили к дальнейшему распространению превосходного материала. Мы широко распространяли среди масс работы Ленина и Троцкого, которые не только повышали революционность рабочих, но давали им возможность глубоко проникнуть в пролетарское движение в России и во все формы пролетарской диктатуры. За последнее время наша собственная пропаганда тоже расширилась. Мы старались при помощи листовок, брошюр и собраний революционизировать пролетариат и выяснить ему цели движения. Я хочу особо упомянуть одну группу, с которой мы расходились в некоторых других вопросах. Этой группе мы обязаны просветительной работой среди военных. Нам придется серьезно подумать об об'единении сил наших групп для общей работы. Это станет возможным, когда партия окончательно определит свою физиономию. Необходимо упомянуть еще об одном важном обстоятельстве. Нам ни в коем случае нельзя лишиться сильнейшего средства борьбы печати. Если мы сумеем всецело обеспечить за собой печать, нам нечего опасаться.

Партийный с'езд, который предшествовал рабочему конгрессу, был попыткой застичь нас врасплох. Моя личность играла на нем некоторую роль, поскольку я, в качестве секретаря партии, мог использовать свое влияние. На этом с'езде правыми было произведено нападение. С помощью центра им удалось перенести местопребывание центрального правления из Цюриха в Берн. Я заявил протест против попытки передать находящееся в руках цюрихских радикалов правление в руки бернских товарищей. Берн в качестве местопребывания означал подчинение политике центра. На этом партийном с'езде тов. Гримм соизволил допустить, чтобы его избрали в это правление. Гримм не был избран председателем, но бывший председатель Циммервальда согласился работать под председательством социал-патриота. С какой гордостью этот председатель заявил в парламенте: „Я не большевик, даже не циммервальдец“.

Товарищи способствовали возведению этого явного оппортуниста на председательское место и тем самым совершили подлость по отношению к нашему крылу и сами дискредитировали себя в глазах масс. Перенесение местопребывания не приобрело того значения, на которое рассчитывали, потому что следующий партийный с'езд

сместил председателя и доказал, что две трети товарищей стоят на стороне крайней левой.

Вопрос об участии в международной социал-патриотической конференции в Берне был решен отрицательно. Наглядную картину дает результат голосования: большинством 198 голосов против 154 была принята предложенная мною резолюция, высказывающаяся против участия в конференции, являющейся конференцией предателей международного пролетариата. Была выражена солидарность с русскими товарищами. Против нас голосовал весь центр и правая, но и при окончательном голосовании мы остались в большинстве, и это постановление произвело сильное впечатление на страну, которую угодно было выбрать для своих заседаний социал-патриотам.

ДОКЛАД тов. А. РУДНЯНСКОГО

(Венгрия).

В виду того, что венгерские делегаты коммунистической партии были задержаны в пути и вследствие этого не могли принять участия в работах с'езда, настоящий доклад о развитии коммунистического движения в Венгрии основан на сообщениях, полученных здешним бюро партии из Венгрии до 15-го февраля с. г.

В конце ноября коммунистическая партия Венгрии—в лице вернувшихся из России коммунистов, крайних левых и небольшой группы лево-радикальной интеллигенции—выступила из социал-демократической партии. Первые рабочие массы, на которые опирались коммунисты, были рабочие на железоделательных заводах и другие металлисты. Общее положение в момент основании коммунистической партии было благоприятно для революционного пролетарского движения.

16-го ноября в Венгрии была провозглашена республика. Но собственно власть оставалась в руках того правительства, которое было утверждено еще эрцгерцогом Іосифом. Разница заключалась лишь в том, что министр-президент, граф Карольи, и его приверженцы называли себя „народным правительством" и подчинились Национальному Совету. Последний принял на себя все функции, которые раньше выполнялись парламентом. Этот Национальный Совет состоял из независимых, радикалов и социал-демократов и имел в виду функционировать до тех пор, пока не состоятся выборы в законодательное национальное собрание.

Но уже в первые недели нетрудно было предвидеть дальнейшее развитие революции. Крестьяне ожидали, что новое „народное правительство" наделит их землей, пролетариат надеялся избавиться от эксплуатации, солдатские массы, из разлагающейся армии устремившиеся на родину, требовали работы и вознаграждения за все выстраданное. Правительство же не могло удовлетворить всех этих требований, и недовольство масс все возрастало.

В это-то время вернувшиеся из России коммунисты перешли к активным действиям. Социал-демократическая партия вначале было отнеслась к коммунистическому движению пренебрежительно, считая его совершенно незначительным, но вскоре должна была убедиться, что массы солидарны не с министерскими социалистами, а с коммунистами. После первых быстрых успехов коммунистов социал-демократическая партия стала прилагать все усилия, чтобы подавить это движение.

В то время, как коммунисты раз'ясняли пролетариату, что социал-демократы в союзе с буржуазией не в состоянии произвести радикальный переворот, изо дня в день подчеркивали, что „революционная" социал-демократия вынуждена стать на защиту частной собственности и противодействовать интересам рабочих масс,—социал-демократическая партия могла пользоваться только одним аргументом: она утверждала что единству венгерского пролетариата наступит конец, если в Венгрии прочно утвердятся коммунисты. Подобная контр-агитация не пользовалась особенным успехом, но давала социал-демократам возможность, с согласия некоторых профессиональных организаций, жестоко преследовать коммунистическое движение.

Наиболее благодарную почву коммунистическое движение нашло себе среди городских рабочих масс. К нему примыкали целиком многие фабричные и заводские предприятия. Среди солдат также замечалось сильное коммунистическое брожение, главным образом, в специальных родах войск.

Особенно своеобразно развивалось коммунистическое движение в крестьянской среде, и при этом среди крестьянской бедноты коммунистические организации возникали совершенно самостоятельно. Чаще всего подобные организации основывали возвратившиеся из русского плена крестьяне, после обнародования социал-демократической аграрной реформы; эти крестьяне предлагали коммунистической партии свою помощь. Аналогичные явления замечались и в советах. В общем, однако, советское движение в Венгрии слабо. Так как городской пролетариат находится под влиянием и социал-демократии и коммунистов, то немногие советы рабочих депутатов, которые еще образовались под руководством социал-демократов, почти всецело находятся в их руках, служа для коммунистов лишь ареной борьбы.

В советах солдатских депутатов борьба эта уже закончилась—в некоторых советах коммунисты уже составляют большинство. Крестьянские-же советы,—правда, не особенно сильные и многочисленные,—сплошь коммунистические.

Благодаря такому усилению и развитию коммунистической партии, а также благодаря возрастающему влиянию коммунистов в советах, мы и теперь уже можем предсказать, что коммунизм и в Венгрии сыграет решающую роль

ДОКЛАД тов. О. ГРИМЛУНДА

(Швеция).

Вследствие постоянно возраставших уклонений от начал социализма, которые проявляла в своей деятельности прежняя социалдемократическая партия, руководимая Брантингом,—около двух лет тому назад, при деятельном содействии всех организаций рабочей молодежи, возникла шведская партия левых социалистов. Нужно указать при этом, что прежняя партия была совершенно терроризирована своим правлением и различными местными партийными комитетами, буквально насиловавшими волю меньшинства и без пощады душившими всякую оппозицию, иначе говоря, всякую принципиальную защиту партийной программы или партийной тактики.

Новая партия непосредственно примкнула к той организации, которая во время войны об'единила вокруг себя все революционные ячейки и группы меньшинства, оставшиеся верными Интернационалу, т. е., к Циммервальдской комиссии, к левому крылу которой всегда принадлежала шведская партия. Партия всегда держалась ясно выраженной революционной точки зрения, ведя в газетах и брошюрах постоянную и непримиримую борьбу с социал-патриотизмом вообще и с шведской его разновидностью в частности. Партийная агитация была направлена главным образом на то, чтобы поднять рабочий класс на классовую борьбу, на революционные выступления. Нужно заметить, что такая агитация не осталась безрезультатной. Число членов партии растет с каждым месяцем, в ней насчитывается уже до двухсот секций, к ее революционной платформе примыкает вся организация рабочей молодежи. К нам начинают переходить многие профессиональные организации, носившие до сих пор социал-патриотический и реакционный характер.

При своем возникновении партия располагала лишь газетой, выходившей три раза в неделю; теперь же главный орган партии „Politiken" выходит ежедневно, на восьми страницах и широко расходится среди рабочих. В то же время мы основали не менее двенадцати газет в провинции, из которых три выходят ежедневно, а остальные издаются три раза в неделю. Организация молодежи издает свою собственную весьма распространенную газету „Stormkloken".

После русской октябрьской революции агитаторская и организаторская деятельность партии подверглась тяжелому испытанию. Вполне сознавая долг, лежащий на ней, как на классовой организации, она с первого же момента об'явила о своей солидарности с русскою революцией. Все наши газеты, в частности главный орган „Politiken", повседневно ведут жестокую борьбу против лживой и клеветнической кампании, которую сознательно и систематически проводят контр-революционные центральные органы в Стокгольме и Гельсингфорсе. Самым услужливым органом борьбы с русской революцией, является „Sozial-Demokraten" Брантинга. Соответственно с этим мы сочли нашим долгом по отношению к рабочим, подчеркивать ту резкую разницу, которая существует между точкою зрения социал-патриотов и нашей. Практическая деятельность наших русских товарищей послужила для нас иллюстрацией наших теоретических положений; с другой стороны, мы имели возможность, путем многочисленных примеров, совершенно ясно доказать рабочим близкое родство, существующее между взглядами шведских социал-патриотов, русских меньшевиков и германских шейдемановцев. Несмотря на свою молодость и малочисленность, наша партия сделала все возможное для того, чтобы внушить и привить массам революционную точку зрения. Трагический конец финской революции равным образом дал нам повод развить сильную агитацию против буржуазии и социал-патриотов.

В виду необходимости сплочения революционных сил, партия вошла в связь с левыми пролетарскими организациями, как, напр., с синдикалистами и антипарламентскими младо-социалистами, а также с союзом рабочих и солдат, конечною целью которого является братское об'единение солдат и рабочих. Совместно с вышеназванными организациями партия устанавливала лозунги, издавала прокламации, вела агитационную деятельность и выполнила некоторые необходимые подготовительные организационные работы.

Однако, в партии имеются некоторые элементы, образ мыслей которых не вполне совпадает с партийной линией. Сюда относятся те элементы, которые перешли к нам потому, что не были удовлетворены деятельностью старой партии, но не обладают прочно установившейся точкой зрения; это особенно ясно сказывается в выступлениях их лидера Линдгагена против диктатуры пролетариата и против революционного насилия; они проповедуют, напротив, „гуманизм" и „пацифизм". Для каждого члена партии ясно, что ближайший партийный с'езд должен положить решительный конец такой буржуазной мечтательности.

Комитет нашей партии с радостью встретил приглашение участвовать в основании Третьего Интернационала, представляющего собою логическое развитие Циммервальдского движения. Что касается основных положений, высказанных в этом приглашении, то, само собою разумеется, партия их всецело разделяет, но по поводу некоторых отдельных практических пунктов, члены партийного комитета заняли выжидательную позицию. Мне партии имеются кое-какие оговорки. Нижеподписавшемуся дано поручение голосовать за учреждение Третьего Интернационала. Оффициальное же присоединение может последовать, конечно, лишь после ближайшего общепартийного с'езда.

ДОКЛАД тов. И. СИРОЛА

(Финляндия).

Товарищи! Прошел уже год, как финский пролетариат ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с бандами буржуев-палачей. Мужественно поднялся он на защиту своей жизни и свободы, чтобы дать отпор реакционному нападению белогвардейцев. Несмотря на свою недостаточную подготовленность для такой борьбы, как в политическом так и в военном отношении, он сумел держаться на фронте втечение трех месяцев, проделав в то же время в тылу огромную работу по организации социальной и экономической жизни. Эта первая революция финского пролетариата была задавлена. Ни храбрость, ни самопожертвование работников и работниц красной гвардии, ни неоцененная помощь наших русских товарищей не смогли отразить напор международных шаек бело-

гвардейцев, находившихся под командой финских, шведских, германских и русских офицеров. В конце апреля, когда германский империализм бросил на чашку весов в качестве решающего фактора свои регулярные войска, белым удалось помешать намечавшейся эвакуации в Россию всех лучших живых сил революции. Всем известна варварская кровожадная мстительность белых. Целые месяцы свирепствовали „мясники", расстреливая сотни финских пролетариев вместе с русскими товарищами и инструкторами красной армии, без различия пола и возраста. По недавно опубликованным сообщениям финских газет, общее число убитых превышало 13.000, кроме того, постоянно печатаются дополнительные известия, сообщающие о расстреле в той или иной общине 100 — 300 и больше пролетариев. Нужно прибавить к этим цифрам еще 15.000 человек, погибших в концентрационных лагерях от голода, болезней и истощения.

Эти кровавые подвиги, размеры которых никоим образом нельзя считать преувеличенными, должны служить предостережением для всех тех рабочих, которые мечтают о мирном сотрудничестве с буржуазией на демократических основах. Мы надеемся, что товарищи третьего Интернационала раз'яснят рабочим тех стран, откуда они приехали, все значение опыта, полученного финским пролетариатом. Выводы из этого опыта вкратце могут быть формулированы следующим образом: пролетариат должен как можно скорее определить свою принципиальную позицию и немедленно порвать со всеми теми элементами и группами, которые либо уже успели проявить себя предателями рабочих, либо могут покинуть их на произвол судьбы в решительный момент. Демократия или диктатура? Этого вопроса нельзя затушевывать, необходимо точно выяснить действительное соотношение революционных сил. Пролетариат не должен давать неприятелю повода захватить в свои руки инициативу, но должен сам перейти в наступление, выбрав для этого наиболее подходящий момент, и в корне разрушить ту государственную машину, которая является для буржуазии орудием ее власти.

Мы сами слишком долго были в плену у идеологии „единого" рабочего движения. Лишь после революции обнаружилась неизбежность раскола. Водораздел обозначился достаточно резко. В Финляндии крайнее правое крыло старой социал-демократии получило от буржуазной диктатуры „свободу" организации и печати с ясно выраженною целью успокоить рабочих. Эти изменники сделали со своей стороны все возможное для того, чтобы похоронить прошлогоднюю революцию финского пролетариата и пропагандировать мирное парламентарно-профессиональное рабочее движение. Они нашли сочувствие в некоторых мелкобуржуазных кругах и несомненно получат и в будущем, как получили в прошлом, известное количество голосов на выборах. Но воззвания таких лакеев буржуазии останутся чуждыми массам, которые много перестрадали от голода, тюрьмы и лишений, которые полны свежих воспоминаний о белом терроре и которые имеют перед собою живой пример диктатуры пролетариата в России. С этими товарищами Шейдеманов и Брантингов, братающихся теперь в Берне с социал-предателями всего мира, финский революционный пролетариат не имеет ничего общего, и никогда он не был таким красным, как теперь. Даже буржуазные газеты свидетельствуют о том, что финский пролетариат с радостью приветствует основание коммунистической партии. У нас есть достаточно доказательств этого факта.

Финская коммунистическая партия была основана в конце августа на с'езде в Москве жившими в изгнании эмигрантами. Но мы жили в изгнании совершенно нового рода—в социалистическом государстве. Мы, бывшие радикалы или левые радикалы, прониклись коммунистическими убеждениями на основании данных нашего революционного опыта, путем ознакомления с теоретическими работами русских товарищей и, в особенности, с живыми образцами коммунистической организационной работы здесь на русской почве. В открытом письме, которое было адресовано нашею партией товарищу Ленину, мы исповедали наши убеждения и подробнее изложили наши выводы.

Из Петрограда, где работает наш центральный комитет, мы вели агитацию среди проживающих в России финских рабочих и крестьян. В России основано около 25 коммунистических организаций, издано свыше 40 брошюр, основана одна газета и два журнала,—один на финском, другой на шведском языке. Мы работаем в тесном сотрудничестве с русскими товарищами—в партии, в советских учреждениях и на экономическом и культурном поприще. Весьма важным представляется, конечно, военное обучение. Наша военная организация заботится о надлежащей подготовке финских солдат для красной армии. Переведено около 15 книг по военным вопросам.

В Финляндии работает целый ряд тайных коммунистических организаций, которые распространяют литературу и газеты, ведут пропаганду и, не боясь ни тюрьмы, ни мучений, ни смерти, подготовляют восстание. На конференции, происходившей в конце января при участии финских представителей, были приняты некоторые положения о ближайших задачах революции в Финляндии, которые прилагаются нами к протоколам.

Глубокое убеждение подсказывает нам, что в скором времени мы будем биться плечо к плечу с верными делу революции товарищами в Финляндии. Такое убеждение мы основываем не только на нашем страстном желании, но и на анализе существующего в Финляндии положения. Влияние империалистического, перезревшего и разлагающегося капитализма ясно сказывается и в маленькой Финляндии. Финская буржуазия создала свой маленький мир по своему образу и подобию. Повсюду наблюдается разложение и деморализация, процветает спекуляция и мошенничество, случаи голодной смерти становятся все чаще и чаще. Государственный бюджет со ста миллионов перешел далеко за миллиард, соответственно возросли налоги и государственные долги. Подкупы вошли в систему, культура стала предметом проституции. Создана военщина с ее блистающим и вместе с тем убогим офицерством и со свитою при диктаторе. Повсюду царит реакция. Доказательством общего распада может служить сепаратизм, проявленный говорящими по шведски жителями Аландских островов и др. местностей, в то время как патриоты витают в мечтах о новых завоеваниях. Эту прекрасную картину дополняют, разумеется жандармские насилия гражданских властей, преследования революционеров, массовые обыски и аресты, пытки по примеру испанской инквизиции, расстрелы арестованных—якобы за попытку к побегу и проч.

Такая система долго держаться не может. Необходим лишь повод, который вызвал бы взрыв революционного напряжения, и такой повод скоро будет на лицо в связи с развитием международного положения. После окончательного провала своих немецких авантюр, финляндская буржуазия, конечно, стала ориентироваться в сторону Антанты, которая ждет теперь услуг от своего нового прислужника в борьбе мирового империализма против большевизма. Об этом свидетельствуют экспедиция в Эстляндию и организация в Финляндии русских контрреволюционных банд, готовых итти в бой и против независимости Финляндии. Совершенно очевидно, что такая авантюра должна закончиться полным крахом. Это будет боевым сигналом, который на этот раз приведет к железной диктатуре пролетариата по практическому образцу наших верных и храбрых предшественников — русских пролетариев. Мы возлагаем наши надежды на солидарность пролетариата всего мира и, прежде всего, пролетариата интернациональной Советской Республики России. Под знаком Коммунистического III-го Интернационала, всемирного союза советских пролетарских республик, будет сражаться и финский пролетариат.

ОТЧЕТЫ и ХРОНИКА.

АНГЛИЯ.

Гражданская война в Ирландии.

В Ирландии царит белый террор. Вся страна на военном положении. „Нам нужно по крайней мере четверть миллиона солдат, пишет „Таймс", чтобы охранять порядок в Ирландии." Почти все виднейшие вожди синфейнеров арестованы. Действуют военные суды, военные тюрьмы переполнены.

В середине апреля произошли волнения местного характера в Лимерике. Генерал Шоу, начальник карательной экспедиции, об'явил Лимерик на осадном положении. Город был окружен войсками. В'езд в город и выезд из города были запрещены. Из Лондона присланы были в распоряжение генерала Шоу танки, блиндированные автомобили, бронированные поезда, аэропланы и пр.

„Вся Ирландия, пишет корреспондент „Manchester Guardian" превращена в один сплошной лагерь. Лимерик напоминает город, осажденный неприятелем. Это небольшой городок, расположенный на берегу реки Шэннон. Мосты через реку охраняются солдатами, которым отдан приказ никого не впускать и не выпускать из города. Городские власти об'явлены низложенными, судьба города и его 38 тысяч жителей в руках военного командования."

Рабочие Лимерика ответили на осадное положение всеобщей забастовкой... „Жизнь в Лимерике, пишет корреспондент „Manchester Guardian", совершенно замерла. Похоже на воскресенье. Все закрыто, за исключением только лавок, торгующих предметами первой необходимости,—эти лавки открываются на несколько часов в день. Установилось какое-то странное двоевластие: вся власть сосредототочена в руках военного командования, но с другой стороны, забастовочный комитет регулирует внутренний порядок жизни..." Забастовочный комитет взял на себя распределение продовольствия, борьбу со спекуляцией, охрану безопасности и т. д. Во все время забастовки Лимерик снабжался продовольствием профессиональными союзами и рабочими организациями соседних городов. Забастовочный комитет устроил общественные склады и выпустил „забастовочные деньги"—своего рода разменные знаки, которые забастовочным комитетом были розданы населению. Это бумажки от 1-го до 10-ти шиллингов с надписью: „Всеобщая забастовка против английского милитаризма. Лимерик, 1919". Наконец забастовочный комитет решил организовать Совет рабочих депутатов и передать ему всю власть. В течение 11-ти дней в Лимерике, в осажденном городе, существовала советская власть.

„Сегодня ночью, пишет корреспондент „Manchester Guardian" от 24-го апреля, окончательно выяснилось, что Совет будет распущен. Совет сделал много глупостей, но, надо отдать ему справедливость, в таком опасном положении он сумел взять город в свои руки, сумел стать хозяином положения. Втечение 11-ти дней советского режима в городе не было ни одного случая насилия, грабежа и т. п. Экономические силы (неясно, какие именно Ред.) разбили Совет, но его энергичный протест против английского милитаризма не остался без последствий, не прошел даром. Пламя протеста будет еще долго гореть в Лимерике и в других городах".

Это пишет буржуазно-либеральная газета...

К Лимерикским рабочим присоединились рабочие гор. Корка. 16-го апреля в Корке была об'явлена всеобщая стачка.

16-го же апреля открылась конференция ирландских профессиональных союзов для обсуждения вопроса о всеобщей забастовке по всей Ирландии. 24-го апреля конференция постановила забастовки пока не об'являть, а созвать немедленно с'езд профессиональных союзов и рабочих организаций. С'езд был созван в начале мая, но мы пока никаких сведений о нем не имеем.

Солдатский бунт.

16-го апреля в Ливерпуле, в чрезвычайном военном суде, начался процесс зачинщиков солдатского бунта, имевшего место в лагере Кинмер Парк, близ Ливерпуля, в начале марта.

На суде выяснилась следующая картина бунта:

5-го марта на плацу в лагере был устроен солдатский митинг. Митинг (по словам „Manchester Guardian") носил крайне возбужденный, революционный характер. Солдаты, среди которых большинство составляли канадцы, требовали немедленной демобилизации. „Выступавшие на митинге ораторы, показывал один из свидетелей, призывали к истреблению офицеров. Главный зачинщик сержант Джордж Лорет размахивал красным флагом и убеждал не останавливаться ни перед чем."

Не успел еще митинг разойтись, как из Ливерпуля прибыл конногвардейский отряд. Взбунтовавшиеся встретили его градом камней. Конногвардейцам был отдан приказ стрелять. Бунтовщики укрепились во рву, окружающем плац. „Это была настоящая траншейная война, показывал на суде один из свидетелей, настоящая кавалерийская атака." „Первым из залпов убиты были двое из вожаков восстания. Восставшим предложено было сдаться Они ответили залпом." „Джордж Лорет все время, стоя во рву, размахивал красным флагом."

На помощь конно-гвардейскому отряду присланы были другие лойяльные части. Бунтовщики вышли из рва и ринулись в контр-атаку. „Джордж Лорет с красным флагом бежал впереди." Траншейная битва завершилась рукопашной схваткой, в которой „лойяльные" одержали верх.

Сейчас же по усмирении бунта был отдан приказ „опознать как можно больше зачинщиков." „Беспристрастный" военный суд был составлен из тех самых офицеров, которых взбунтовавшиеся солдаты собирались „истребить" На первом заседании суда случился такой, по выражению „Manchester Guardian", „сюрприз": оказалось, что из шести подсудимых пять куда-то бесследно исчезли, остался только один Джордж Лорет. Однако на скамье подсудимых сидело шесть человек, шесть солдат. Пятеро были (по выражению того же „Manchester Guardian") „подставные лица." Защитник (по назначению,—тоже канадский офицер) возбудил ходатайство о прекращении дела за отсутствием подсудимых, ходатайство было отклонено: суд нашел, что „подставные лица", вероятно, тоже участвовали в восстании, „а если не участвовали, то это на суде выяснится."

Приговор нам еще не известен.

Избиение рабочих в Глазго.

В середине апреля работники профессионального движения в Глазго были привлечены к судебной ответственности за то, что они были избиты полицией.

В конце января в Глазго были крупные забастовки,

бастовали одновременно рабочие нескольких отраслей промышленности. 31-го января бастующие рабочие устроили мирную демонстрацию. Толпа в несколько тысяч человек направилась к зданию Городского Совета. Была послана делегация—во главе с членом парламента Эвансом Маклином и председателем Совета профессиональных союзов Кирквудом—к мэру. Как только делегаты скрылись за дверями ратуши, отряд конной полиции ринулся на площадь, и полицейские принялись дубинками избивать рабочих.

Вот какую картину нарисовали свидетели на суде.

Свидетель Мак-Фи: Я видел мальчика лет десяти, которому дубинкой разбили пополам череп. Конечно, мальчик тут же умер. Били лежачих. Я видел, как полицейский наносил удары человеку, лежавшему на земле в луже крови. Толпа была безоружна, она не могла защищаться.

Свидетель Джонстон: „Я случайно оказался на площади... Жестокость и зверство полиции неописуемы... Избивали раненых, били лежачих, многих раненых добивали.

Свидетельница Монр, сестра милосердия: Накануне демонстрации вождь забастовки Шинвель предупреждал рабочих, что на них готовится нападение, что из Эдинбурга вызваны войска, и убеждал рабочих „вести себя благоразумно" и остерегаться провокаций. Я видела, как полицейский избивал хромого инвалида. Я была все время на площади, перевязывала раненых: видела как Маклин и Кирквуд вышли из здания Городского Совета, несколько полицейских накинулись на них, Кирквуд и Шинвель были избиты до полусмерти.

Кирквуд и Шинвель—вместе с другими деятелями профессионального движения были арестованы, и им пред'явлено было обвинение в „возбуждении толпы" и в „организации нападения на полицию".

Тройственный союз.

Профессиональный союз шахтеров большинством 693.084-х голосов против 76.992-х постановил принять предложения комиссии Сэнки (см. № 2 „Коммунистического Интернационала") и „отложить забастовку до более благоприятного времени".

26-го марта на с'езде „Федерации шахтеров" решено было пред'явить правительству следующие политические требования:

1. Отмена обязательной воинской повинности.
2. Отозвание британских войск из России.
3. Снятие блокады (с Германии).
4. Освобождение из тюрем и концентрационных лагерей всех т. н. „противников по совести"—(противники войны, отказавшиеся во время мобилизации вступить в армию).

Постановлено было „поддержать эти требования угрозой всеобщей забастовкой".—„Впервые в истории Англии,—пишет „Manchester Guardian",—рабочие собираются об'явить всеобщую политическую забастовку".

16-го апреля состоялось заседание Исполнительного Комитета тройственного союза. Решено было поддержать требование Федерации шахтеров и „в самом ближайшем будущем" созвать с'езд профессиональных союзов для обсуждения вопроса о всеобщей забастовке. Но —

„Противники по совести" постепенно освобождаются из тюрем. В начале апреля был освобожден известный вождь Независимой Рабочей партии А. Феннер Броквей, проведший в тюрьме 28 месяцев.

Конференция Независимой Рабочей Партии.

21-го апреля в Ходерсфильде открылась конференция Независимой Рабочей Партии (I. L. P.) Конференция открылась речью Филиппа Сноудена, из которой приводим наиболее характерные места:

„Социалистический строй—вот единственное спасение Европы и всего мира. Мы видим уже начало конца капиталистической системы. Над двумя третями Европы развевается уже красное знамя. По всему миру звучат отклики русской революции.

„Парижская мирная конференция показывает, что союзники решили во что бы то ни стало добиться своих империалистических целей. Все наши опасения относительно грабительского мира, неизбежного после милитаристической победы, подтверждаются... В сущности, мира нет и не может быть, потому что уже началась новая война: война классовая. Мирный договор империалистов—ничего не стоящий клочок бумаги".

На первом заседании конференции были приняты революции с требованием снятия блокады с Германии и отозвания британских войск из России. На втором заседании конференции обсуждался вопрос о „советах и о парламенте,—какая форма правления предпочтительнее." Большая часть делегатов высказалась за советы и подвергла резкой критике деятельность членов „Британской Рабочей Партии" в парламенте.

Газета „Daily News", орган либеральной партии, отмечает массовое бегство либералов в Рабочую Партию. Среди перебежчиков—полковник Веджвуд, проведший несколько месяцев в Сибири в качестве чрезвычайного посла при Сибирском правительстве. Он поехал в Сибирь убежденным сторонником безусловного разгрома большевистской России и вернулся оттуда убежденным сторонником мира с Советской Россией. Теперь он стоит во главе кампании за признание Советского правительства и из либеральной партии ушел потому, что она недостаточно энергично ведет эту кампанию.

Конференция Британской Социалистической Партии.

Конференция Британской Социалистической Партии открылась в Шеффильде 21-го апреля. Вынесены резолюции: о национализации земли, об об'единении с Независимой Рабочей Партией, о борьбе с Британской Рабочей Партией. Конференция потребовала расследования январьских событий в Глазго и немедленного освобождения Шинвеля, Кирквуда и других (см. выше).—Предложение о разрыве сношений со 2-м Интернационалом и присоединении к Коммунистическому Интернационалу сдано в комиссию. Тов. Джон Маклин выступил с резкой критикой Британской Рабочей Партии и ее вождей. „Газеты сообщают, что Гендерсон был принят королем и удостоился высочайшего приглашения к обеду. Гендерсоны и Тома должны уйти. Наступило время революции. Следующий шаг, который мы должны сделать, это—всеобщая забастовка. Мы должны немедленно же взять в свои руки землю и орудия производства."

Ф.

ФРАНЦИЯ.

Слова, произнесенные диктатором Клемансо при подписании мира: „Я 49 лет ждал этой минуты", в высшей степени характерны для психологии империалистски настроенной французской буржуазии. В этих словах мы находим откровенное выражение ее скрытых надежд и заветных желаний и открытое признание того, что втечение последних пятидесяти лет она с нетерпением ждала лишь случая для того, чтобы отомстить за поражения франкопрусской войны и уничтожить Германию.

Ликования известной части прессы, наряду с которыми раздаются заявления некоторых империалистских газет о недовольстве их слишком „мягкими" условиями мира, не введут, конечно, никого в заблуждение. Правда, экономическое положение Франции нельзя сравнить с положением Германии: дороговизна жизни, хотя рост цен и обогнал рост заработной платы, еще не так ужасна; правда, французские рабочие не вполне еще поняли смысл одержанной победы, и часть их, зараженная влиянием буржуазной прессы, с восторгом приветствует солдат, проходящих под Триумфальной Аркой, но вместе с тем волна синдикалистского движения подымается все выше и выше. Ее

не остановит закон о восьмичасовом рабочем дне, с многочисленными ограничениями принятый парламентом, а отсрочка демобилизации, поход на Россию, признание контр-революционного правительства Колчака и политика грубых репрессий в самой Франции—могут только ускорить развитие революционного движения.

Теперь, наконец народился, повидимому, тот центр революционных сил, к образованию которого мы стремились уже несколько месяцев. Так, недавно снова стал выходить синдикалистский журнал „Рабочая Жизнь" („La vie ouvrière"), который до войны выходил два раза в месяц, но затем был прекращен на все время войны; главными редакторами его тогда были Пьер Монат и Росмер. Теперь „Рабочая Жизнь" издается в виде еженедельного журнала и, судя по всему, обещает стать истинным органом борющегося пролетариата. Правда, из ее редакции ушел Мергейм, который, к сожалению, давно уже покинул лагерь своих бывших политических друзей и в настоящее время, по своим взглядам, ближе всего стоит к Жуо и Лонге, но за то среди новых сотрудников журнала мы встречаем главных представителей циммервальдского течения в левом крыле французской социалистической партии: Лорио и Сомоно, а также Фернанда Леспре, бывшего раньше сотрудником „Синдикалистской борьбы" и редактором „Плебея", Марселя Мартине и др. „Рабочая Жизнь" так же, как и „Интернационал", основанный Перика, примыкает к газете „Международное Будущее", издаваемой Андре Жираром, и к целому ряду других чисто революционных газет.

В интеллигентских кругах также замечаются за последнее время симптомы, весьма интересные для беспристрастного наблюдателя. Союз студентов социалистов, который в большинстве своем состоял из сторонников циммервальдского течения, в настоящее время обнаруживает чисто большевистские тенденции и насчитывает несколько сот членов. Интересно то, что среди членов союза есть целая группа студентов из Югославии, и они не уступают остальным товарищам ни в революционной последовательности, ни в боевой решительности.

Необходимо также отметить рост революционного и противобуржуазного движения в северных департаментах Франции, которые были оккупированы германскими войсками. Последовавшая затем оккупация этих местностей войсками союзников вызвала среди большинства населения резкое недовольство; типичным выразителем этого настроения явился депутат Леба. Грубое обращение со стороны военных властей и недостатки снабжения продовольствием сделали то, что шовинизм, бывший раньше столь распространенным в этих местах, теперь почти совершенно исчез, уступив место всеобщей ненависти к правительству Клемансо.

И в Эльзас-Лотарингии рабочие, которым запрещено организовываться в комитеты и в советы и у которых отнято право стачек (главная вина за это падает на предателя Жуо, командированного туда Общей Конфедерацией Рабочих [C. G. T.]), убедились теперь в том, что они решительно ничего не выиграли, став французскими гражданами и что власть Клемансо, т. е. господство французской буржуазии, нисколько не лучше власти Вильгельма Гогенцоллерна, т. е. господства германской буржуазии. Даже буржуазные круги Эльзаса далеко не удовлетворены поведением французских властей. Так, несколько групп, заподозрить „лояльность" которых никому и в голову не придет, потребовали автономии для эльзас-лотарингских железных дорог, вполне основательно утверждая, что со времени французской оккупации дороги стали функционировать гораздо хуже, чем они работали при германском владычестве; кроме того, на каждом шагу приходится убеждаться, что такие учреждения, как почта, телеграф, телефон, больницы и санитарный надзор, пришли теперь в самое плачевное состояние. Прибавим также, что католическое население недовольно еще и тем, что теперь ему приходится подчиняться закону об отделении церкви от государства, хотя закон этот в настоящее время применяется в значительно смягченной форме.

А между тем, парижская буржуазия предается наслаждениям и удовольствиям, довершая последнюю фазу своего разложения. Наиболее дальновидные и трезвые представители ее, с полным основанием опасаясь распространения большевизма, вместе с социал-предателями и социал-оппортунистами судорожно ухватились, было, за президента Вильсона и за идею лиги народов. Но теперь и они увидели то, чего не видеть может только слепой, а именно, что Франция, избавившись от германского нашествия, все же не вернула себе своей прежней независимости, ибо посредством постоя английских и американских войск и под видом всевозможных работ, концессий и контрактов англо-американский империализм занял почти всю территорию страны. Со страхом всматриваются поэтому эти идеологи буржуазии в будущее, во мраке которого им мерещатся уже красные языки грозного пламени революции.

Андре КАРТИНЬИ.

Праздник международной солидарности

(Первое мая на Западе).

Как по размерам, так и по характеру день международной пролетарской солидарности в этом году превзошел многие ожидания. Можно сказать без преувеличения, что такого грандиозного первомайского праздника мир еще не видал.

Под знаком социалистической революции прошел этот день во всем мире. В немногочисленных пока советских республиках, в России, Венгрии, на Украине и др., где пролетариат стоит уже у власти и делает первые шаги к осуществлению социализма, трудящиеся массы в этот день торжественно и радостно праздновали свою **п о б е д у**. Во всех капиталистических странах, где еще власть в руках буржуазии и ее прихвостней социал-изменников, Первое мая было днем генерального смотра революционных сил, днем подготовки к грядущим битвам.

Отрезанные от всего мира блокадой империалистических хищников, охваченные со всех сторон тесным кольцом врагов, мы редко получаем достоверные сведения о ходе рабочего движения на Западе. Только теперь, по прошествии двух месяцев, мы имеем возможность составить более или менее полную картину первомайского праздника заграницей.

Во ФРАНЦИИ празднование Первого мая приняло грандиозные размеры и, несмотря на противодействие старых организаций и старых, продавшихся буржуазии вождей социализма и синдикализма, превратилось в **о т к р ы т о е р е в о л ю ц и о н н о е в ы с т у п л е н и е р а б о ч и х м а с с**. Забастовка прошла блестяще не только в Париже, но и в провинции: она была всеобщей в полном смысле этого слова. В Париже, этом центре мировой контр-революции, правительство Клемансо запретило устройство уличных демонстраций, но тем не менее демонстрации состоялись и привели к кровавым столкновениям с полицией и некоторыми войсковыми частями, причем, по сообщению лондонской газеты „Таймс", среди демонстрантов оказалось раненых 350 человек и был убит один—молодой рабочий Шарль Лорн; из полицейских было ранено 250 человек, в том числе 50 тяжело. Настроение масс было боевое, демонстранты шли с красными флагами, с пением „Интернационала", из толпы все время раздавались революционные возгласы: „долой Клемансо!" „долой буржуев!" „да здравствует социалистическая революция!" „да здравствует Россия!" „да здравствуют советы!" По сообщениям буржуазных газет в демонстрации участвовало 100.000 рабочих; по уверению умеренно-социалистического органа „Юманите" число участников доходило до миллиона. Отдельные моменты демонстрации подробно описаны в статье т. Виктора (во 2-м номере „Коммун. Интерн.") и на них мы не будем здесь останавливаться. Добавим только, что в результате так называ-

„гражданский мир" или „священное единение" (единение между буржуазией и верхами пролетарских организаций) получило новую трещину. По постановлению партии, последние социалистические министры, Компер-Морель и Бюиссон должны были выйти из состава правительства, а Жуо, секретарь Всеобщей Конфедерации Труда, счел себя вынужденным вернуть мандат члена мирной конференции.

Это грандиозное выступление французского пролетариата не есть единичный, изолированный акт, — оно лишь одно звено в длинной цепи революционных событий, наблюдаемых в современной Франции. Ему предшествовали крупные забастовки и внушительные манифестации, после него волны стачечного движения, не прекращаясь ни на один день, перекатываются по всей стране. Все признаки указывают, что рабочий класс Франции уже вступил на путь открытой революционной борьбы.

В АНГЛИИ празднование Первого мая вообще новое, невиданное явление. В довоенное время там только некоторые социалистические группы в этот день устраивали небольшие митинги и собрания, посещавшиеся несколькими десятками, в лучшем случае несколькими сотнями членов. Но в текущем году и там день Первого мая превратился в массовый пролетарский праздник.

В Лондоне прошла по улицам довольно внушительная демонстрация. Часть демонстрантов пыталась проникнуть в парламент, но полиция разогнала толпу, причем была арестована известная социалистка Сильвия Панкхэрст. На митингах в Гайд-Парке участвовало, по словам „Таймса", 100.000 человек. В крупном промышленном городе Ковентри была проведена всеобщая забастовка. В Ланкашире 40.000 рабочих праздновали Первое мая шествиями и митингами. В Шотландии, особенно в Глазго, главном центре социалистического движения Англии, всеобщая забастовка прошла с небывалым успехом, а митинги и уличные демонстрации приняли весьма грандиозные размеры. Буржуазные газеты с испугом говорят о нарастании большевистского движения в Англии.

В ИРЛАНДИИ пролетарский праздник был всенародным праздником в полном смысле слова. Всеобщая забастовка, об'явленная руководящими органами профессиональных союзов и рабочей партии, охватила всю страну. Остановились не только фабрики и заводы, но и железные дороги, трамвай, типографии, прекратилось пароходное сообщение, закрылись все лавки, театры, кинематографы, газеты не выходили, извощики не выезжали. На многочисленных митингах в городах и деревнях принимались резолюции с революционными и социалистическими требованиями.

В ИСПАНИИ происходили большие митинги и демонстрации, причем в Мадриде дело дошло до крупных столкновений, в которых было ранено 20 демонстрантов, 7 офицеров и 23 полицейских.

В ИТАЛИИ день Первого мая, по сообщению оффициального агентства, „прошел спокойно". Всеобщая забастовка охватила не только крупные города, но и провинцию. Собрания, на которых произносились революционные речи, везде прошли „без инцидентов". Напуганная буржуазия, повидимому, ждала в этот день настоящего восстания.

Из ШВЕЙЦАРИИ, АВСТРИИ, ГОЛЛАНДИИ имеются такие же сообщения. Везде движение носило невиданно грандиозный, но в то же самое время мирный характер. Пролетарские массы, очевидно, полагали, что еще не настал момент для решительных выступлений, буржуазия же, повидимому, боялась провоцировать рабочих и избегала крутых репрессивных мер.

В ГЕРМАНИИ, над которой висела угроза несчастного и позорного мира и где рабочее движение еще не оправилось после недавних поражений, празднование Первого мая носило в значительной мере траурный характер. Во многих местах (в Гамбурге, Лейпциге, Эссене и др.) с успехом прошла забастовка, в массовых митингах и демонстрациях участвовали десятки и сотни тысяч рабочих. В речах и резолюциях не только коммунистов-спартаковцев, но и „независимых" ясно подчеркивалось, что прошла пора выступать со старыми первомайскими требованиями, вроде восьми-часового рабочего дня, рабочего законодательства и т. п., что завоевание власти и осуществление социализма является теперь главной и ближайшей задачей. Грандиозные митинги были устроены также в городах, об'явленных правительством Носке на военном положении. Даже в полосе союзной оккупации происходили массовые митинги (в Аахене, Кобленце), в некоторых городах (напр., в Кельне) перед глазами оккупационных войск прошли в величественном молчании громадные толпы рабочих.

Относительно АМЕРИКИ имеются пока только краткие сообщения, из которых видно, однако, что там празднование Первого мая носило очень бурный характер. В Кливленде произошли крупные столкновения с войсками и полицией, в результате оказалось—один убитый и больше ста раненых (из них 11 полицейских). Группой „патриотических граждан" было совершенно разгромлено помещение местного комитета социалистической партии. Для подавления демонстрации были пущены в ход даже броневики и танки. По словам „Таймса" произведены также многочисленные аресты. В Нью-Йорке солдаты и матросы разогнали много митингов, на которых произносились „слишком радикальные речи". На площади Мадисон-сквера дошло до настоящего сражения между полицией и солдатами.

О КАНАДЕ, где все время не прекращаются экономические забастовки, говорится кратко, что там Первого мая были крупные волнения среди рабочих.

Из АРГЕНТИНЫ сообщается, что там день Первого мая прошел „совершенно спокойно." Забастовка была полная, только в банках не была прекращена работа. В том же сообщении говорится, что аргентинская „Лига Патриотов", в состав которой входит 20.000 человек „из лучших элементов", неуклонно решила предупредить возможность беспорядков в воскресенье по случаю митингов, устраиваемых анархистами. В случае необходимости „она не остановится перед употреблением оружия". Там же глухо говорится, что имеются надежды на окончание сельско-хозяйственных забастовок.

Эта краткая сводка ясно свидетельствует, что международное об'единение рабочего класса идет вперед быстро и неудержимо. Оно осуществляется не столько в громких резолюциях и решениях с'ездов и конференций, сколько в той упорной и непрерывной борьбе, которую изо дня в день ведут рабочие массы всех стран. Празднование Первого мая в текущем году вернейший показатель, что международное движение достигло уже высокой степени развития, что мировая революция приближается вернее, уже пришла.

Я. БЕРЗИН (Винтер).

Словацкая Советская Республика.

Русская пролетарская революция не только провозгласила Советскую власть, как наилучшую форму классового господства в переходное время диктатуры пролетариата, но разрешила фактически вопрос о совместной жизни народов, живших до сих пор под национальным гнетом. Вместо отдельных маленьких государств, организуемых буржуазией во имя национальной „независимости", надо создать федеративные Советские республики—решила Советская Россия и решение это предложила связанным с нею национальным меньшинствам. Были организованы Советские Украина, Латвия, Литва и Белоруссия. Советская Венгрия в этом отношении идет по следам России. Как империалистическая Россия угнетала различные нации точно так же в Венгерском королевстве угнетались семь

народностей. После изгнания Габсбургов все эти семь отдельных народов отделились и приступили к организации своих крошечных „независимых“ и, конечно, буржуазных государств. Венгерский пролетариат должен был выполнить у себя точно такую же задачу, какую выполнил русский пролетариат—убедить трудящихся всех угнетенных народов бывшего Венгерского королевства, что венгерский пролетариат ни в какой мере угнетать их не собирается и что отстоять себя от иностранных капиталистов они могут, лишь создав вместе с венгерским пролетариатом федеративную Советскую республику.

Идя по этому пути, Венгрия образовала свою первую Украину Советскую Словакию. Когда венгерская Красная армия прогнала чехов и достигла границ словацкой территории, словацкие крестьяне и пролетарии, враждебно настроенные против чешской буржуазии, приветствовали ее, как освободителя, и тысячами поступали в словацкую красную дивизию, сражавшуюся вместе с венгерцами. У чехов, не оказывавших никакого сопротивления, скоро был взят город Кашша, где и образовалось словацкое Советское правительство. Оно выставило своим лозунгом: „Словакия для трудящихся словаков“. Оно заявило, что чешским буржуям больше нет места в Словакии, и провозгласило тесный союз с Советской Венгрией.

Пока еще не ясно, какие пределы имеет новая Советская Словакия. В бывшем венгерском королевстве словацкие земли простирались от северо-западной и северной границы Венгрии до линии городов: Пожань, Эршекуйвар, Лева, Лошонц, Рожньо, Кашша, Шаноральяуйгель. Это пространство занимает 35,000 квадр. килом., где, за исключением незначительного числа венгерцев и немцев, живут 2.000.000 словаков. Но пока приблизительно половину Словакии занимают чехи, которые, очевидно, добровольно ее не отдадут; другая половина с названными городами, кроме Пожань, принадлежит Советской Словакии.

Состав словацкого Советского правительства ясно свидетельствует, что оно не национально-шовинистическое и не направлено против чехов. Сам председатель словацких народных комиссаров, тов. Яноушек, Копечни, народный комиссар финансов, и Бауен, народный комиссар юстиции—чехи. Яноушек—старый партийный работник чешского движения, а Копечни работал в России среди чехо-словацких коммунистов. Как Советская Россия пришла на помощь своими организаторскими силами украинскому Советскому правительству, точно так же дала Венгрия из рядов своих партийных работников способных товарищей в новообразованное словацкое правительство. Словаки среди народных комиссаров: Матиас Ковач, военный комиссар, старый словацкий социалист, который в России под руководством Бела Куна вел агитацию среди военнопленных словаков. Такое же прошлое имеет тов. Янош Кршяк, народный комиссар земледелия. Менее известны среди словацких народных комиссаров т. Нейман (труда), Мучаный (путей сообщения). Венгерские коммунисты имеют двух представителей в словацком правительстве, именно Эрнста Пора, народного комиссара иностранных дел, и Тибор-Самуэли, народного комиссара социального производства в Словакии. Тов. Пор был секретарем московской венгерской коммунистической группы, а до своего назначения в Словакию был комиссаром международной пропаганды в Будапеште. Тов. Самуэли—бывший Наркомвоен в Венгрии, и недавно еще он посетил с особым поручением от Венгерской республики Москву; как известный энергичный организатор, он старается обеспечить социализацию значительной сети промышленных предприятий Словакии.

А. РУДНЯНСКИЙ

Развитие германской революции.

Мирный договор Антанты с Германией подписан. Он является тягчайшим ударом для эберт-шейдемановского правительства, которое искренно надеялось на лучшее обращение в награду за все добрые услуги, оказанные ею державам Согласия в России. В честном отчаянии горько жалуется ныне Шейдеман: „Невозможно“! Но возможно нечто иное, возможно, что массы, возмущенные чудовищным обманом, в который они были введены, потребуют отчета от правительства. В такой момент, может быть, интересно проследить развитие движения и нарастание событий.

При воинственных кликах буржуазии и неразлучных союзников ее, социал-патриотов, нынешних шейдемановцев, умер в начале августа 1914 г. бесславной смертью Второй Интернационал. Немногие, осмелившиеся тогда плыть против увлекавшего все за собою потока шовинизма, прослыли в самой партии преступниками и безумцами. Я напомню позорную сцену в рейхстаге, когда Карл Либкнехт, в единственном числе протестовавший против проекта нового военного займа, был избит и удален из зала при одобрительном вое социал-патриотов.

Прошло 4 года прежде, чем незначительная часть пролетариата задалась вопросом—какую пользу в конечном счете принесет нам победа, если мы умираем с голоду и истекаем кровью? В январе 1918 года во всей Германии вспыхнули забастовки, чтобы помешать предполагавшемуся весеннему наступлению. Ряды стачечников пополнялись, главным образом, рабочими, занятыми в военной промышленности, но лишь в приморских городах и в Баварии под руководством Курта Эйснера, впоследствии баварского министра-президента, движение приобрело бо́льшее значение; но, как уже сказано, оно захватило только часть рабочих масс и вскоре повсюду приостановилось, в некоторых местах подавленное пулеметами и, почти повсюду разбиваясь о саботаж профессиональных союзов и поток пангерманской пропаганды.

Осенью рухнул, наконец, западный фронт, и морской бой казался высшему командованию единственным спасением. В начале ноября морской флот получил приказ выйти в море и—взбунтовался. В Бремене, Киле и Вильгельмсгафене возникли первые революционные рабочие и солдатские советы.

Какими-то таинственными путями движение перекинулось через всю Германию и вспыхнуло опять в Мюнхене. 6-го ноября Курт Эйснер заявил в небольшом кругу своих сторонников: „Ручаюсь головой, что завтра Бавария будет республикой“. 7-го ноября в Мюнхене состоялась большая демонстрация, носившая отчасти революционный, отчасти еще пацифистский характер. В то время, как массы мирно демонстрировали, около 300 солдат и прибывших из Вильгельмсгафена матросов преспокойно заняли все главные здания. Утром 8-го ноября буржуазия с изумлением узнала, что Бавария за ночь стала республикой.

Два дня спустя Либкнехт поднял красный флаг на императорском замке в Берлине. За исключением некоторых боев из-за замка и императорских конюшен, занятых офицерами, движение и здесь окончилось почти без кровопролития. Вильгельм II бежал из главной квартиры в Голландию, и через несколько дней продавались на слом 26 тронов и тронишков.

Но это был единственный результат ноябрьской революции: под плащом социалистической республики Германия превратилась в полубуржуазное, полусоциал-демократическое государство. Вскоре рабочие заметили, что их лишили плодов движения, и что, кроме имен министров, все осталось по старому. В конце ноября союз „Спартака“ начинает открытую агитацию, и во всей Германии начинается неудержимый рост коммунистических идей. Но одновременно проявляется во всем своем величии ограниченность наших социал-демократических профессиональных союзов. Эберт-шейдемановское правительство открыто перешло в буржуазный лагерь, партия покорно тронулась с места и побежала за ним. Так образовались два враждебных лагеря, вступивших в борьбу под лозунгами: Национальное Собрание—Советская Республика. Кровавые плоды предательства вождей вскоре сказались

до

24-го декабря в Берлине вспыхнуло новое сильное восстание: Правительство возымело намерение распустить расквартированную в Берлине „народную морскую дивизию", которая стала неудобной для него. Дело дошло до кровавых боев за замок и императорские конюшни, во время которых впервые была пущена в ход артиллерия; но бой остался нерешенным и окончился заключением договора между обоими партиями. Этим завершился первый период германской революции; до сих пор она почти исключительно была военным бунтом. Отныне дело должно было измениться: движение вступает в стадию пролетарской революции.

В начале января правительство сделало попытку сместить берлинского начальника полиции Эйхгорна, ставшего на сторону матросов во время последних боев. Эйхгорн укрепляется в здании полицей-президиума и раздает коммунистам оружие. Имперский министр обороны Носке, социалист-рабочий, мобилизует под командой офицеров и генералов белую гвардию, и бои оканчиваются самой тяжелой потерей, которая могла постичь германский пролетариат — смертью Либкнехта и Розы Люксембург; солдатами, видимо, специально нанятыми для этой цели Либкнехт был предательски застрелен, а Роза Люксембург—убита ударом приклада.

С тех пор Германия не знала ни одного спокойного дня. В Бремене и Кенигсберге коммунистам временно удалось захватить власть, и в то время, как Носке для подавления их отправил на север „летучую дивизию Герстенберга", в средней Германии вспыхнула всеобщая забастовка, которая, благодаря участию в ней железнодорожников, на время почти совсем отрезала правительство и Национальное Собрание от империи. Затем стачечное движение вновь перекинулось в Берлин, и в начале марта произошли известные бои за Берлин-Лихтенбергский полицей-президиум, во время которых правительственные войска действовали с жестокостью, неслыханной в истории цивилизованных народов.

Я укажу здесь лишь на некоторые эпизоды из этих событий: на основании вымышленного сообщения буржуазных газет об убийстве спартаковцами 60 полицейских чиновников в Лихтенберге, социалистический рабочий Носке издал приказ расстреливать на месте всякого вооруженного коммуниста. Через несколько дней выяснилось, что означенные 60 чиновников вообще не явились на службу в указанный день, и что всего в бою пало 3 жандарма. Между тем, этот кровавый приказ Носке стоил жизни почти 200 товарищей. Среди них, к сожалению, был также Лео Тышка, бывший после смерти Либкнехта вождем коммунистической партии в Германии Смерть его почти тождественна смерти Либкнехта: на лестнице тюрьмы для подследственных в Моабите один из сопровождавших его солдат убил его выстрелом в голову Его смерть явилась для нас тем большей потерей, что после него партия осталась без вождя.

Чрезвычайно важной главой в истории германской революции является движение в промышленной Рурской области, где сосредоточен наиболее сознательный и очень многочисленный пролетариат. Под руководством тов. Карского там постоянно происходят стачки, отчасти экономического, главным же образом политического характера, причем правительство ограничилось хорошими словами и доставкой продовольствия, так как в случае появления войск рабочие угрожают немедленным саботажем незаменимых предприятий и машин.

Но в общем и в Рурской области — только в меньшем размере — наблюдается то же самое явление, что и во всей империи: отсутствует планомерное революционное выступление, и Веймару сравнительно легко подавлять при помощи своих все еще достаточно сильных контрреволюционных войск разрозненные движения.

Я обращаюсь теперь к истории последних баварских событий и должен начать немного издалека: Во время чисто меньшевистского министерства Гофмана все возраставшая реакция вынудила, наконец, влачивший призрачное существование революционный центральный совет заключить, между представителями партии большинства и независимыми в центр. совете, парламентский компромисс, который 6-го апреля привел к провозглашению советской республики.

Что это провозглашение не могло опираться на широкие массы сельского населения, лучше всего доказывалось голосованием, происходившим за 4 недели до того на конгрессе советов, причем провозглашение баварской советской республики было отвергнуто большинством 210 голосов против 70. Руководимые русскими товарищами Левиным и Аксельродом коммунисты отказались участвовать в этом политическом лже-маневре и образовали второй центральный совет, так что Бавария одно время имела три правительства: бежавшее в Бамберг министерство Гофмана, и меньшевистский и большевистский центральные советы в Мюнхене. Коммунистам удалось распустить первый центральный совет и хотя временно привлечь массы на свою сторону. Но непрочность советской республики уже обнаружилась, когда правительственным войскам Гофмана удалось воспрепятствовать распространению движения на Нюренберг и восстановить порядок в Аугсбурге втечение нескольких дней. Даже поголовное вооружение рабочих не могло предотвратить судьбу города, ввиду полного отсутствия социальных условий, соответствующих последнему насильственному фазису классовой борьбы.

Эта вторая революция, следовательно, ограничилась только Мюнхеном, и наступающим правительственным войскам было сравнительно легко сломить сопротивление отдельных вооруженных групп, так как об организованной красной рабочей армии в эти несколько дней не могло быть и речи. Опять мы оплакиваем потери: тов. Эггельгофер, весьма деятельный молодой матрос, сыгравший большую роль во время матросского бунта, а также студент Толлер, глава мюнхенских независимых, почти превративший левое крыло партии в коммунистическое были расстреляны и одновременно с ними, несомненно, еще многие другие.

Хотя эта вторая революция тоже не достигла никаких прочных результатов, она все-таки имеет большое значение для дальнейшего развития германской революции, если не как богатый практический опыт, полезный для дальнейшей борьбы, то хотя бы как доказательство, что идея советов распространяется и будет распространяться.

Правда, настоящее положение в Германии не дает повода к особенно бодрому настроению: движение в Мюнхене и Берлине подавлено, большинство вождей арестовано или убежали и в обоих городах господствует белый террор. Стороннему наблюдателю может показаться, что в Германии — мертвый покой. В глубине, однако, совершается непрестанное брожение, медленно, но упорно продолжается провал обанкротившихся социал-политических партий и переход их сочленов влево—к Коммунистам.

Итак, покой только кажущийся; в действительности это подготовка к борьбе.

Как долго продлится еще это положение? Мы не знаем. Но буря надвигается, а вместе с ней и час расплаты с Эберт-Шейдеманом.

Ганс КЕННЕТ.
(Бавария).

Мюнхен—Москва. 16 мая 1919 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И КОММИССАРИАТ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

До мартовской революции 1917 года профессиональное движение в России едва прозябало. Немногочисленные союзы насчитывали десятки членов, и были связаны в своей деятельности по рукам и ногам. Революция уничтожила внешние преграды движению, которое начало быстро развиваться. Однако, характер работы союзов не изменился: как и при царском режиме, они вынуждены были главным образом бороться за элементарные условия труда, отвлекая свои силы от внутреннего строительства и сознательного воздействия на развитие промышленности. Даже после того, как в апреле 1917 г. было образовано министерство труда и во главе его поставлен с-д. меньшевик Скобелев, положение рабочего класса и профессиональных организаций не изменилось. Министерство труда было организовано по тому же бюрократическому типу, что и прочие министерства, и шло на поводу у крупных промышленников, входивших тогда в коалиционное министерство Керенского и игравших в нем на деле решающую роль. Однако, благодаря росту и сплочению рабочих в профессиональных союзах и тесной связи последних с фабрично-заводскими комитетами, рабочим удавалось противодействовать многим мероприятиям предпринимателей, например, попыткам массовых расчетов или выкачиванию сырья и денег из предприятий и т. п., к чему замечалась сильная тенденция в последнее время правления Керенского.

Громадную услугу оказали профессиональные союзы во время октябрьского переворота при завоевании власти рабочими и крестьянами. Оппозиционное отношение к власти со стороны профессиональных союзов выразилось еще в августе месяце на Московском Государственном Совещании, когда представители профессиональных союзов протестовали против соглашательства с буржуазией, что означало в скрытой форме требование передачи власти советам. Непосредственно перед самым переворотом, отношения между рабочими и предпринимателями сильно обострились, и совместная работа их представителей в отдельных паритетных комиссиях и совещаниях сделалась невозможной. С этим временем совпал также срок пересмотра и заключения новых тарифных договоров, так как дороговизна достигла больших размеров, и представители рабочих вступили с промышленниками в переговоры о новых тарифах. Но промышленники заняли во время этих переговоров непримиримую позицию, в силу чего оставалось одно—борьба за власть, переход к государственному регулированию промышленности и к государственному нормированию заработной платы. Вскоре после перехода власти в руки крестьян и рабочих профессиональным союзам пришлось выполнить громадную работу в связи с демобилизацией армии и промышленности. Предприятия к этому времени еще не были национализированы, предприниматели стремились расчитать рабочих, и безработица грозила захлестнуть и раздавить все завоевания революции. Тогда профессиональные союзы совместно с Комиссариатом Труда выработали декрет об уплате при расчете всем рабочим заработной платы за три месяца вперед, для того, чтобы безработные могли или разсосаться по деревням или втечение некоторого времени, будучи обеспеченными, подыскивать себе работу. Был издан также декрет об отчислении предпринимателями 4% с каждой выплаты рабочим и служащим в кассы безработных; благодаря всем этим и целому ряду других мер, удалось справиться с безработицей и сделать этот тяжелый период менее чувствительным для рабочих масс.

Помимо непосредственной борьбы за интересы трудящихся, профессиональному движению пришлось в процессе своего строительства преодолеть много трудностей, и выполнить громадную созидательную работу.

Еще в 1905 г. русское профессиональное движение стало на почву строительства союзов по производству, когда однородные предприятия об'единяются в один союз. После февральской революции этот принцип строительства союзов подтверждался конференциями профессиональных союзов, но втечение долгаго времени оставался не проводившейся в жизнь декларацией. На ряду с крупными профессиональными союзами по всей России существовали самые мелкие профессиональные группировки; в одной Москве, например, насчитывалось около 20 различных союзов служащих. Кроме того, все союзы носили локальный, разрозненный характер, и каждый из отдельных союзов, например, Московский, Петербургский, Саратовский и т. д, существовал сам по себе и также действовал. Лишь к концу правительства Керенского начинают складываться всероссийские об'единения, но они еще к тому времени носят временный и редкий характер. Первая конференция профессионально организованных рабочих состоялась в июне месяце 1917 г., на ней было представлено 1.475.000 рабочих, организованных в 967 союзах. После октябрьской революции начинается рост всероссийских об'единений, и в январе месяце был созван первый с'езд профессиональных союзов, на котором было представлено около 700 союзов, об'единявших около 2.500.000 человек. На с'езде в январе 1919 г. было представлено уже 3 500,000, об'единенных в 400 союзах. Со с'ездом в январе 1918 г. совпадает целый ряд с'ездов всероссийских об'единений, и с этого времени профессиональное движение начинает принимать все более и более устойчивые формы. Советы профессиональных союзов из информационных бюро превращаются в руководящие органы и союзы, начинают сплачиваться и централизоваться. В настоящее время профессиональные союзы поражают своей централизацией и дисциплиной, которые настолько сильны, что многие государственные учреждения уступают в этой области союзам. Постановления Центрального Совета Союзов обязательны для всех без исключения профессиональных союзов, где бы они ни были, на что шли и идут весьма охотно сами союзы, обращаясь по всякому спорному вопросу в Совет за инструкциями.

На своем пути профессиональному движению пришлось столкнуться с другой рабочей организацией—фабрично-заводскими комитетами. Образовавшиеся после

февральской революции фабрично-заводские комитеты стали строить организацию параллельную професиональным союзам и намечали создание собственнаго центра. В результате этого стремления на состоявшемся в декабре 17 г. с'езде фабрично-заводских комитетов было выделено ядро—подотдел Центральнаго Совета Профессиональных союзов, который называл себя Всероссийским центром. Но уже в феврале месяце был нанесен первый удар этому центру на последней Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов с профессиональными союзами; в настояще время фабрично-заводские комитеты представляют собой ячейки профессиональных союзов. Структура профессиональных союзов теперь следующая: первичной ячейкой являются фабрично-заводские комитеты, они об'единяются в отделения, которые образуют отделы, а последние в свою очередь об'единяются центром. На местах образуются на пропорциональных началах из представителей отдельных местных союзов — местные советы профессиональных союзов, которые возглавляются Центральным Советом Профессиональных союзов. Президиум Центральнаго Совета избирается в составе 9 человек на с'езде профессиональных союзов, который происходит один раз в год, и пополняется представителями всероссийских об'единений. Местные советы образуются по типу центра с разницей только в цифровом представительстве. Представительство на с'ездах проводится на пропорциональных началах; голосование,—в отличие от Европы, где господствует голосование по императивным мандатам,—индивидуальное. Членские взносы в размере 1%-го отчисления заработной платы и вступительный взнос в размере полудневного заработка поступают в отдел профессионального союза, который отчисляет половину сумм в распоряжение центра и 10% в распоряжение центрального совета; отделения живут по сметам, утверждаемым отделами. Аккуратность взносов зависит, само собой разумеется, от крепости отдельных организаций, в Москве, например, более 550 тысяч организованных рабочих, от которых членские взносы поступают очень аккуратно. Рабочий, не внесший взносов в течение 3 месяцев, автоматически выбывает из союза. Союзы требуют обязательной принадлежности рабочих к профессиональным союзам, но требование это предявляется ко вновь принимаемым в предприятие рабочим и не распространяется на старых рабочих.

В смысле своего представительства в различного рода государственных учреждениях профессиональные союзы являют собой могущественнейшую организацию: им принадлежит более 50% мест в пленуме В. С. Н. Х., в Комиссариате Труда и в различных отделах этих двух учреждений; почти половина членов президиума В. С. Н. Х. состояла из представителей профессиональных союзов, но последние принуждены были отозвать оттуда многих своих представителей за недостатком работников по профессиональному движению. Главки, управляющие производствами, также составляются по спискам отдельных производственных союзов, которые входят в соглашение с В. С. Н. Х. в лице его президиума. Профессиональные союзы участвуют в работах по просвещению и в качестве непременных членов входят во Внешкольный и Отдел Профессионального Образования при Народном Комиссариате Просвещения, а также в Отдел по обработке полей Комиссариата Земледелия и т. д.

Особенно большую работу пришлось профессиональным союзам проделать в области нормирования заработной платы. В начале нормирование заработной платы происходило в местном масштабе, причем не только отдельные союзы, но чуть ли не отдельные предприятия проводили свои особые тарифы. Местные союзы разработывали свои тарифы и вносили их на просмотр местным советам, и по утверждении последними тарифы проводились в жизнь. Можно себе представить какой хаос царил в области заработной платы при таком порядке нормирования ея. Первый декрет о минимуме заработной платы был проведен через Московский Совет Рабочих Депутатов к большому негодованию предпринимателей, которые кричали, что это насилие. Затем тарифное движение пошло шире: советы не успевали просматривать поступивших тарифов, и дело приняло такую форму: каждый союз вносил свой тариф в местный совет профессиональных союзов, а последний, удостоверив тириф своей подписью, направлял его к Комиссару Труда, который декретировал тариф. При этом одно производство приблизительно согласовывалось с другим, но все таки каждый город имел свою особую тарифную политику. Лишь ко второму с'езду Профессиональных Союзов удалось перейти от местных тарифов к всероссийским, которыми заработная плата нормировалась во всероссийском масштабе с соответствующими процентными изменениями в зависимости от местности, в которой тариф проводился. Кроме того, был установлен срок пересмотра тарифов, который раньше устанавливался каждым союзом по собственному усмотрению, причем с введением нового тарифа с определенного срока отдельными союзами пред'являлись требования о соответствующих доплатах за прошлое время и нередко требовали доплаты за 6—8 месяцев, а иногда и за весь истекший год. С такого рода требованиями Центральный Совет Профессиональных Союзов всегда боролся и в настоящее время достиг того, что установлен определенный срок пересмотра тарифов в общегосударственном масштабе, доплата же за прежнее время не допускается. Параллельно с нормированием заработной платы происходила и нормировка труда. Первый тариф носил характер простого перечисления профессий, в настоящее же время мы имеем разработанный для всех отраслей труда тариф, в котором не только определены профессии, но подробно описан характер самой работы. Выработаны определенные нормы производительности, и номенклатура проведена таким образом, что в скором времени по трудовой карточке рабочего в любом предприятии сразу можно будет определить,—какия на него могут быть возложены обязанности и какова должна быть оплата его труда, при переходе его из одного предприятия в другое.

Много работают профессиональные союзы для поднятия культурного уровня в среде рабочих. При профессиональных союзах имеются культурно-просветительные отделы, которые организовывают клубы, открывают школы для неграмотных и всячески просвещают рабочих; на всех крупных фабриках и заводах организуются курсы по подготовке квалифицированных рабочих и по распространению дополнительных знаний. В скором времени при Центральном Совете Профессиональных Союзов открываются курсы для подготовки инструкторов по профессиональному движению. Следует отметить также, что почти каждый союз в России имеет свой орган, в котором обсуждаются, наряду с профессиональными, также и общеполитические вопросы.

На с'ездах профессиональных союзов горячие дебаты вызывает всегда вопрос о задачах профессионального движения, этотъ вопрос и служит главным пунктом расхождения. Расхождение это сводится к тому, что представители оппозиции, например, меньшевики, настаивают на старых методах улучшения положения трудящихся, на стачечной борьбе, коллективных договорах и т. п. Поскольку существует наемный труд, говорят они, постольку существует эксплуатация труда, почему профессиональные союзы должны бороться с государственной властью и защищать рабочих против нея, также, как в свое время защищали против предпринимателей. Но это течение теперь не встречает уже никакого сочувствия в широких массах рабочих и на всех с'ездах громадным большинством проходят резолюции о поддержке Советской власти и о продолжении того пути, на который вступило профессиональное движение. Очень показательной для отношенія рабочих к существующему положению вещей является последняя конференция фабрично-заводских комитетов. К началу конференции среди ея делегатов было 200 человек беспартийных, а к концу 100 из них записалось в партию коммунистов, а остальные разсосались.

В настоящее время профессиональные союзы делают много сил и внимания профессиональному строительству на Украине, где организовано филиальное отделение, в качестве бюро Центрального Совета Профессиональных Союзов. На с'езде профессиональных рабочих Украины обнаружилось, что там борьба с большевиками и меньшевиками в профессиональном движении далеко не настолько обострена, как у нас, так как меньшевики, научениые опытом перехода власти к Скоропадскому, идут теперь на всяческие уступки. Центральный Совет Профессиональных Союзов, вообще говоря, стоит на почве всероссийского об'единения в профессиональном отношении всех разрозненных в настоящее время областей России.

Параллельно с Профессиональными Союзами и в самом тесном контакте с ними шла работа Народного Комиссариата Труда. После октябрьской революции Комиссариат Труда постигла та же участь, что и другие Комиссариаты (тогда еще министерства) служащие все разбежались, и помещения оказались запертыми на ключ. В Комиссариате Труда, в частности, на лицо оказались 5 сторожей и курьеры, другого персонала не было. С первых же шагов Комиссариат Труда обратился к профессиональным Союзам, из представителей которых была составлена коллегия, затем С. Н. К. делегировал своих уполномоченных. С тех пор Комиссариат Труда во всех своих действиях опирался и опирается на профессиональные союзы, и все решения по вопросам борьбы с безработицей, проведению тарифов и т. д. есть плод совместной работы Комиссариата Труда и Центрального Совета Профессиональных Союзов. Коллегия Комиссариата Труда состоит в огромном большинстве своем из представителей Профессиональных Союзов, которые утверждаются Ц. И. К. Советов, большинство отделов Комиссариата Труда также составлено из представителей Профессиональных Отделов, и фактически деятельность этих двух учреждений настолько связана, что в настоящее время возникает вопрос о полном их слиянии.

За время своей деятельности Комиссариатом Труда разработан и проведен в жизнь целый ряд законов: о 8-ми часовом рабочем дне, запрете труда для подростков до 14 летнего возраста, установлении 6 часового рабочего дня для подростков в возрасте от 14 до 18 лет, запрете сверхурочных работ, как общее правило, и о допущении их лишь в экстренных случаях, запрете ночного труда для подростков и женщин, о предоставлении кормящей матери через каждые три часа свободного времени для кормления ребенка и т. д. Большое значение имеет изданный Комиссариатом Труда закон о социальном обеспечении трудящихся, согласно которому после 60 лет рабочий снимается с работы и ему предоставляется обеспечение в размере полного его заработка; в возрасте от 55 до 60 лет трудящийся должен пройти через освидетельствование, в результате которого ему может быть предоставлено обеспечение и ранее 60 лет. Каждый трудящийся имеет право после годовой работы на месячный отпуск, который временно, в виду тяжелых условий, переживаемых Советской Республикой, сокращен до 2 недель. На обязанности Комиссариата Труда лежит также регулирование заработной платы, которая вырабатывается профессиональными союзами и декретируется Комиссариатом. Наблюдение за правильным выполнением всех требований Комиссариата Труда возложено на инспекторов, кроме того при каждом союзе имеется комиссия по охране труда. На местах везде имеются отделы Народного Комиссариата Труда, которые формируются по типу центра.

До настоящего времени Комиссариат Труда был занят, главным образом, разработкой различного рода декретов и теперь ему остается только проводить их в жизнь.

Х.

ПРОЦЕСС КАРЛА ЛИБКНЕХТА.

В знаменитом отныне романе Анри Барбюса „В огне" капрал Бертран произносит следующие проникновенные слова:

„Будущее!—воскликнул он вдруг тоном пророка.— Какими глазами станут смотреть на нас те, кто будут жить после нас и душа которых будет, наконец, приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок. Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнеля, или же с подвигами апашей?... И, однако, смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотой и мужеством."

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул!

—„Либкнехт!"

Мученическая смерть великого борца сделала его героический образ еще более дорогим для рабочих всего мира. Пролетарии должны ознакомиться с мыслями и действиями своего борца, и в этом отношении большую службу сослужит им новая книга о Либкнехте.

Издательство Петроградского Совета раб. и красно арм. депутатов,—лучшее издательство России,—выпустило замечательную книгу Карла Либкнехта: „Мой процесс по документам. Перевод с немецкого. Предисловие Г. Зиновьева".

Книга эта составлена незабвенным вождем германского пролетариата в тюремном заключении. Первая часть книги появилась в конце 1916 г. в Германии нелегально на правах рукописи. Вторая часть прибавлена к ней незадолго до освобождения Карла Либкнехта из тюрьмы.

Книга эта состоит из писем и актов судебного процесса, она рисует нам великого вождя мирового пролетариата языком сухих документов, но из нее, как живой, встает незабвенный герой освободительного движения пролетариата.

Из строк сухой на вид книги перед нами встают образ великого борца за освобождение рабочих, страстотерпца и мученика,—и отталкивающие черты представителей того буржуазного мира, с которым Либкнехт вел непримиримую борьбу.

Вот полученный 3-го мая 1916 г. „приказ об аресте", с которого начинается судебный процесс Карла Либкнехта:

Приказ об аресте.

„Солдат рабочего батальона Карл Либкнехт подлежит предварительному заключению на время следствия над ним по обвинению в том, что он 1-го мая 1916 года публично перед скопищем народа и путем распространения писанных прокламаций призывал к неповиновению распоряжениям властей; далее в том, что он оказал неповиновение начальству, не выполнив служебного приказа, и вызвал этим опасность ущерба для армии и, наконец, оказал насильственное противодействие чиновнику, командированному для выполнения приказов и распоряжений административных властей, при исполнении им служебных обязанностей (§§ 110, 113 имп. Улож. о наказ., § 92, воен. улож. о нак. и высочайший приказ по армии от 3. 17. 14) и на том основании, что арест вызывается необходимостью поддержания военной дисциплины (§ 176, 3 воен. судопроизводства).

Председатель суда Ф. БЕН.

Суд Королевской Комендатуры.

Берлин 3-го мая 1916 г.

Вот как в основаниях приговора рисуется демонстрация 1-го мая.

„Вечером 1-го мая 1916 г. обвиняемый принял участие в демонстрации на Потсдамской площади, переодевшись в штатское платье. На демонстрацию явилось довольно большое число, преимущественно юного возраста. При сильном и без того в этот час движении на Потсдамской площади происходили частые заторы, и полиция несколько раз оттесняла публику в боковые улицы. Порядок поддерживался большими нарядами полиции, и кроме раздававшихся время от времени свистков и криков из толпы, никаких беспорядков поэтому не произошло. Когда несколько полицейских старались рассеять толпу, скопившуюся на тротуаре перед отелем „Фюрстенгоф", обвиняемый крикнул громким голосом из окружавшей его толпы: „Долой войну, долой правительство!"

3-го июня Либкнехт представляет в „суд берлинской королевской комендатуры" свои объяснения по поводу прочитанного ему обвинительного акта. Он начинает с указания, что возбужденный против него процесс является лишь эпизодом в борьбе буржуазии всего мира против революционных интернационалистов:

„Обвинение идет по стопам французского, австрийского, итальянского, турецкого, русского и шведского правосудия, преследующего моих единомышленников во всех этих странах, как государственных изменников, и присудившего к тюремному заключению моих друзей Хёглунда, Ольелунда и Хелена за их высоко полезную пропаганду массовой стачки против войны несколько недель тому назад в Швеции."

И Либкнехт парирует предъявленное ему обвинение в государственной измене великолепной тирадой, которую мы приводим целиком:

„Государственная измена была всегда привилегией правящих классов, князей и аристократов и является одной из самых аристократических традиций этой касты. Подлинные государственные изменники пока еще сидят не на скамье подсудимых, а в конторах металлургических заводов, фирм, ведающих вооружением армии, в больших банках, в усадьбах юнкеров-аграриев; они сидят на Мольткебрюке, на Вильгельмштрасе и Унтер-ден-Линден, в министерствах, во дворцах принцев королевской крови и на тронах.

Подлинные государственные изменники в Германии — это ответственные и безответственные члены германского

правительства, бонапартисты с нечистой социальной совестью; это те политические и капиталистические охотники за наживой и игроки ва-банк, те финансисты и любители всякого рода ажиотажа, которые, исключительно ради своей выгоды, под защитой полуабсолютизма и тайной дипломатии, вызвали эту войну самым преступным образом. Государственные изменники—это те люди, которые ввергли человечество в хаос столкновения варварских сил, превращающих Европу в груду развалин и в пустыню и окутывают ее атмосферой лжи и лицемерия, в которой истина слепнет и задыхается; и они хотят и будут продолжать эти адские махинации, покамест окровавленные и порабощенные народные массы будут томиться в их лапах.

Это те, которые на крови, поте, нужде и нищете народной куют для себя золото и власть; они непосредственно заинтересованы в войне и в империалистических целях войны и прикрывают свою алчность и жажду господства патриотическими выкриками. Это те, кому страшнее поражений успех освободительного движения в собственном народе; это те, кому народная свобода ненавистна и в других странах, кто решил и на этот раз обмануть народные надежды на свободу и у кого, однако же, хватает совести именовать эту войну освободительной. Это те, кто пока еще не привлечены к ответственности только потому, что сбитая с толку народная масса — жертва трусливых ухищрений — до сих пор еще не знает правды.

Подлинные государственные изменники — это те, кто и во время войны вместе со своими единомышленниками во враждебных странах составляют как бы особый живой интернационал, учрежденный с целью борьбы и забрасывания грязью всякого движения в пользу мира, — те, чья власть надо мной проистекает из злоумышленно затеянной войны и беззаконной военной диктатуры". (19).

В помеченных 10 июня возражениях на пред'явленный ему обвинительный акт „Солдат рабочего батальона Либкнехт" шаг за шагом разоблачает лицемерие своих обвинителей.

Он набрасывает яркую картину жестокой классовой борьбы, клокочущей под лицемерным покровом гражданского мира:

„Разве обвинению неизвестно, что почти во всех больших немецких городах возникают беспорядки на почве голода и устраиваются демонстрации в пользу мира и в виде протеста против продовольственной нужды; о том, что участники этих демонстраций приговорены, в общей сложности, к нескольким сотням лет заключения в тюрьме и принудительных работ; о почти повсеместном запрете цензуры печатать что-либо об этих беспорядках и судебных процессах; — о том, что в рейхстаге цензура президиума все время не позволяла мне внести запрос по этому поводу, об арестах в порядке охраны, долженствующих принудительно вразумлять стольких недовольных граждан. Разве оно не знает, что все чаще беспокойные и политически неблагонадежные элементы наказуются отправкой в окопы?"

„Возможность „внутреннего раскола" представляется обвинению призрачной, а кладбищенский покой военной диктатуры, зажимающей рот воплям отчаяния масс, — „единодушием".

„Обвинение восхваляет дух германских войск. Почему же военные тюрьмы и крепости так переполнены, что многие тысячи отбывающих наказание солдат пришлось перевести в обыкновенные штатские тюрьмы? Разве обвинению неизвестно, что случаи неповиновения и отказа выполнять служебные приказы настолько участились, что в секретных приказах по армии настойчиво указывается на опасность крушения всего „нравственного под'ема" войск. Ему неизвестно, что начальникам нередко приходится с револьвером в руках гнать солдат в бой; что не только отдельные и мелкие части, но сплошь и рядом крупные воинские части отказываются далее принимать участие в этой человеческой бойне, в штурмах и т. п." (28), „что в позиционной войне у немецких солдат очень часто завязываются почти товарищеские отношения с противниками, что против этого братания приходится издавать специальные приказы по армии и что с ним борются частыми переводами воинских частей с одного места на другое. Неужто оно и не подозревает, какое множество немецких солдат мыслят со мной за одно?" (28). Либкнехт подчеркивает, что он не — один, и он воздает хвалу тем немногим, кто осмеливается поднять знамя восстания против империалистской войны. „Каждый" солдат отказывающийся принять участие в человеческой бойне, затеянной империалистами, в нравственном смысле стоит несравненно выше того, кто „с воодушевлением" принимает в ней участие.

„В чем же коренится эта храбрость, это „воодушевление" пролетарских солдат. В недостатке классового самосознания, в ложных представлениях о том месте, которое они занимают в нынешнем общественном строе, — ложных представлениях, поддерживаемых системой обмана и калечения умов, которую проводят правительства и правящие классы; в неумении осознать свою историческую задачу. Это—интеллектуальный фактор.—В искусственно поддерживаемой несамостоятельности масс, в запугивании драконовскою дисциплиной, сущность которой, по фридерициановскому рецепту, такова: „Надо, чтобы солдату начальник был страшнее неприятеля", а это сводится к „храбрости" из трусости, из-под палки. „Храбрость", — как выбор наименьшего зла. Храбрость, вытекающая из инстинкта самосохранения, самообороны. Прибавьте к этому все время разжигаемую ненависть к неприятелю и старательно развиваемую жестокость. Это—нравственный фактор". (28).

Да, это правящие хищники умеют назвать нравственностью. Но виновники кровопролития стараются достигнуть своей цели, воздействуя на растущую среди солдат жажду мира. „У многих, которые, несмотря на все, сумели очиститься от этих недостойных моральных и интеллектуальных воздействий, храбрость обусловливается ошибочным убеждением, будто победою можно приблизить мир; заблуждение это опыт войны все более и более рассеивает, несмотря на судорожные усилия укрепить его и сохранить, (28)" И пророчески звучат слова Либкнехта брошенные им торжествующему врагу:

„Я знаю, что со мною мыслят заодно множество пролет риев на фронте и в тылу, на родине и что число их все растет. Канцлер недавно пригрозил, что „с теми, кто стоит за Либкнехтом, народ сведет счеты после войны". Я же уповаю, что **народ сведет счеты совсем** не с нами, а с **другими**, — и, надо надеяться, **полностью** и не дожидаясь конца войны" (31).

В своем заявлении в суд берлинской королевской комендатуры 21-го июня 1916 г. Либкнехт указывает на неимоверный рост протестантов против войны в Германии.

„Высокая цифра подвергаемых наказаниям солдат была бы еще выше, самые наказания еще суровее и длительнее, если бы на проступки нижних чинов, даже и тяжкие, часто не смотрели сквозь пальцы или не расправлялись с провинившимися, не поднимая шума; но снисхождение это обусловливается не мягкосердечием, а военной необходимостью, и свидетельствует не о слабой, а о повышенной преступности.

Тюрьмы переполнены отбывающими наказание солдатами, и их было бы еще больше, если бы значительная часть приговоренных к наказанию, даже и не отбывая его или отбыв лишь часть положенного срока, не отправлялась в окопы, где виновные имеют возможность заслужить помилование" (36).

Уже с самого начала революции германское правительство старалось обезвредить Либкнехта. В своем заявлении, поданном на суде 26 июня, он пишет: „В начале февраля 1915 года - при вступлении моем в ряды армии в 5-м военном округе мне был об'явлен начальником округа запрет принимать участие в революционных собраниях устно и письменно, вести революционную пропаганду и произносить революционные лозунги, а также запрещение носить военную форму и выезжать из Берлина."

И в том же заявлении Либкнехт подробно раз'ясняет свои цели: „Ослабить, сломить и заменить властью социалистического пролетариата власть капиталистического правительства и господствующих классов Германии, как

и всех прочих стран, во всех областях, в том числе, и в первую голову, их военную власть—такова политическая цель международного социализма...

Высшая задача социалиста — привлечь весь пролетариат к служению своей цели, к участию в борьбе, в том числе должно привлечь и пролетарских солдат. Нужно, чтобы, несмотря на дрессировку, насильно прививаемую им дисциплину и воинский артикул, они оставались классовыми пролетарскими борцами, участниками международной классовой борьбы и во время войны, и особенно во время войны. Для пролетарских солдат обязанности, налагаемые международной солидарностью и классовой борьбой, должны стоять выше приказов военного начальства.

Высшая задача социалиста - добиться того, чтобы в ближайшем будущем на империалистский братоубийственный приказ— в войне с внешним врагом и в гражданской войне—сотни тысяч солдат ответили единодушным: „Мы стрелять не станем".

Высшая задача социалиста — сделать все, чтобы масса народная прониклась таким настроением и таким мужеством, которые бы дали ей возможность на бонапартистское: Plutôt la guerre que l'insurrection! ответить социалистическим: Plutôt l'insurrection, plutôt la révolution que la guerre! И Либкнехт приводить затем слова, сказанные им в прусской палате депутатов 16 марта:

„Духовное освобождение рабочего класса тоже должно быть делом только самих рабочих. И задача трудящихся всех стран воскликнуть: „За дело"! И те, кто в тылу, и те, кто в окопах, должны положить оружие и ринуться на общего врага, который отнимает у них свет и воздух" (39).

А упрек в государственной измене Либкнехт бросает обратно в лицо своим врагам. В своем заявлении в суд королевской комендатуры 28 июня Либкнехт говорит: „Я стремлюсь к ослаблению и распаду именно военной силы германской империи, поскольку она является военной силой капиталистического правительства и господствующих классов Германии и служит им для достижения империалистских военных целей и для политического и экономического угнетения масс. Я, конечно, одинаково стремлюсь к ослаблению и распаду военной силы и других капиталистических государств Это я уже неоднократно заявлял" (40).

Либкнехт не устает разоблачать лживость военной идеологии кайзерского правительства.

Лозунг „против царизма" был удобен для неотличавшейся щепетильностью военной режиссуры Демагоги сидевшие в правительстве, не даром были так уверены, что одураченный народ, взвинченный этим лозунгом воспламенится священным революционным пылом и даст вовлечь себя в империалистскую завоевательную войну

„Войну против царизма" повели прежде всего против Франции и Англии, и она началась вторжением германцев в Люксембург и в Бельгию и занятием французских рудоносных округов Бриэ и Лонгви, на которые давно зарились Кирдорфы, Круппы, Тиссены, Штуммы, Рехлинги и пр." (43).

Далее Либкнехт указывает на следствие „фабрикации выдумок о войне". человеконенавистничество:

„Ежедневно подхлестывая нервы, доводили людей до бешенства, до кровожадной ненависти к противнику, до состояния, когда человек совершенно не сознает, что он творит, весь корчится от злобы, ибо только при такой мании преследования может процветать увлечение убийством" (51).

В ответ на апелляционное заявление председателя комендатурного суда в Берлине, нашедшего приговор, вынесенный 28-го июня 1916 г Либкнехту (2½ года каторги без лишения гражданских прав) слишком мягким, Либкнехт пишет 6-го июля 1916 года:

„Я оказывал сопротивление капиталистическому правительству Германии для того, чтобы положить конец его губительному походу на народную массу. Я восстал против правящих классов Германии, чтобы спасти народ, вырвав его из грабительских лап. Я сорвал личину с империалистов, выставляющих себя благодетелями народа, чтобы народ увидел, кто его настоящие враги и отшатнулся от них. Я веду борьбу с правительствами и правящими классами всех стран за рабочие классы всех стран" (57).

17-го июля Либкнехт пишет суду о Розе Люксембург.

„Мне сообщили, что 10-го июля арестована моя приятельница Роза Люксембург. Агенты военного сыска обманом заманили ее и посадили в тюрьму, где она, при своем слабом здоровье, окончательно захиреет в скверном воздухе и без движения.

В феврале 1915 года ее втиснули вместе с воровками и проститутками в зеленый фургон и год продержали в тюрьме. Теперь хотят окончательно уничтожить ее, эту женщину, в тщедушном теле которой живет такая пламенная великая душа, такой смелый, блестящий ум, и которая будет жить в истории человеческой культуры...

Но сила, которую пытаются одолеть в Розе Люксембург, могущественнее кулачного права осадного положения. Она разрушит стены тюрьмы и восторжествует".

Роза Люксембург, вырвавшаяся живой из рук кайзерского правительства, пала вместе с самим Либкнехтом от рук шейдемановцев.

Утешением для Либкнехта в тяжелые минуты являлись „рабочие массы, которые - единственный просвет в эту рабью эпоху, - начиная с конца июня, массовыми демонстрациями все более внушительными и — что еще отраднее крупными забастовками, в первую голову на заводах, изготовляющих снаряды, наносят, один за другим, тяжкие удары войне и правительству. От этих ударов не могут уберечь виновных даже и дружеские доносы правления соц.-демократической партии и генеральной комиссии" (63).

Непримиримый борец против мирового империализма, Либкнехт, как подобает социалисту, разоблачает в первую голову своих империалистов:

„Но если „беспощадная подводная война", как с полным основанием считает английское морское министерство, противоречит международному праву, то международное право должно разрешать поступать по обычаям войны с теми экипажами подводных лодок, которые ведут такую войну.

И если экипаж Баралонги сделал то, что ставит ему в вину германское правительство и что английское оспаривает, то он лишь поступил так, как сотни раз поступали германские войска в Бельгии. И приказ „пленных не брать", приписываемый командиру Баралонги, - лишь отголосок немецкого приказа Трота и той системы, которая именно в эту войну усиленно практиковалась с немецкой стороны по отношению к казакам и прежде всего к англичанам" (71).

Либкнехт воздает по заслугам и королевско-прусским социал-демократам, слугам отечественного империализма:

„Что социал-демократы, рекомендующие „стойко держаться до конца", с их Бетмановской замаскированной программой аннексий (см. передовицы в августе 1915 года), с их заискиванием перед германским правительством, с их двусмысленными заверениями в своем сверх-патриотизме и весьма недвусмысленными присягами в верной службе канцлеру „средней линии", искусному барышнику „умеренной" завоевательной политики и мастеру околпачивать простаков, что эти господа и впредь будут стойко топтаться в лакейских министерств, доносить на товарищей и на своих партейтагах и имперских конференциях плясать по дудке канцлера — кто может в этом сомневаться? Остается надеяться, что для этого в партии останется немногим больше полутора Шейдеманов. 4-ое августа, новое чудо сошествие Св. Духа, наитие святой простоты отжило свой век.

И эти полтора Шейдемана будут представлять не немецкий пролетариат, а весьма отличную от пролетариата бюрократию рабочего движения и ее интересы, да-

леко расходящиеся с интересами пролетариата,—и настоящее время даже противоположные им" (75).

Либкнехт не перестает бичевать лицемерие тактики гражданского мира, служащей прикрытием для отчаянной классовой войны империалистов против пролетариата. Либкнехт говорит:

„Самые славные свои победы немецкий милитаризм одерживает в сражениях на родине, но о них не говорят газеты.

Самые славные свои победы он одерживает в битвах с немцами,—голодными, жаждущими свободы, требующими мира. Ежедневно он одерживает победы над безоружными, над женщинами, стариками и детьми -в честь этих побед не звонят колокола.

10-го июля он стремительной атакой опрокинул Розу Люксембург. В настоящее время он торжествует новую победу, которую будут воспевать наши потомки: смелым натиском ему удалось одолеть 70-ти летнего Франца Меринга, под ударами которого некогда дрожал Бисмарк, и забрать его в плен".

И Либкнехт дает прочувствованную характеристику престарелого немецкого коммуниста.

„Наконец-то. Оффициальный и оффициозный немецкий мир может вздохнуть свободнее. Наконец-то! Франц Меринг давно это заслужил. И поделом ему.

Зачем он не кадил богам империализма! Зачем он верен прежним алтарям—алтарям социализма! Зачем, не взирая на свой преклонный возраст, ринулся в бой за святыню Интернационала!

Ибо, хотя он и учитель немецкого народа,—но не из тех, каких выпускает конюшня г. фон-Тротта в Зольце. Ибо, хотя он и светило немецкой науки, мастер немецкой публицистики, страж и ревнитель немецкой культуры, он не из лейб-гвардии Гогенцоллернов. Ибо он разрушитель борусских легенд, а не придворный летописец. Борец за угнетенных, а не наемник власть имущих. Человек, а не лакей.

В такое время, когда оффициальные представители немецкой науки читают панегирики варварству и торгуют своей музой, — когда жить в мире и сохранять внешнюю свободу может лишь тот, кто обрек себя на внутреннее рабство и умильно виляет хвостом перед военной диктатурой, в такое время, когда „социал-демократы" Ганзены безмерно счастливы, если им разрешают бежать рядом с немецкою государственной каретой и подбирать крохи со стола министров, — когда „социал-демократическим" Шлуку и Яу из милости разрешено втечение нескольких часов поваляться на мягких дворцовых диванах, в такое время, когда отступники „социал-демократы" свободно греются на солнышке - в такое время таким людям, как Франц Меринг, подобает быть не на свободе, а в тюрьме. Ибо тюрьма - единственное место, где в наши дни в Германии порядочный человек может чувствовать себя свободным. Самое почетное место и 70-ти летнему Францу Мерингу в тюрьме.

Но работа еще не вся закончена. Еще имеются в Германии тысячи и десятки тысяч мужчин и женщин, которые кричат

„Долой правительство! Долой войну!"

Крайне интересно следующее заявление Либкнехта в берлинский королевский окружный суд 23-го августа 1916 г.:

„Цель войны, к которой я стремлюсь, заключается в том, чтобы все империалистические государства их правительства и правящие классы были побеждены, побеждены массой собственного народа. Достижение этой цели обуславливает собою и единственный прочный мир, единственный мир, который во всех странах будет служить благу народных масс" (80)

Тут Либкнехт выступает „пораженцем", сторонником поражения всех империалистических правительств в затеянной ими грабительской войне,—он защищает ту же позицию, которую с таким блеском отстаивал центральный комитет нашей партии с самого начала войны

И в новом заявлении, помеченном 24-го августа, Либкнехт раз'ясняет свою пораженческую позицию.

„В действительности, я заявил, что стремлюсь ослабить и сломить боевую мощь Германии, т. е. ее капиталистического правительства и господствующих классов, но также, одновременно, и боевую мощь всех прочих капиталистических государств." (80).

А вот заявление Либкнехта на заседании суда 28-го июня.

„Правительство цензуры, осадного положения и нечистой социальной совести, правительство ростовщичества пищевыми продуктами и трехклассного избирательного права „для героев отечества", правительство, на котором тяготеет кровавая вина за эту ужаснейшую разбойничью войну, это правительство имеет все основания прятаться в темноту. Милитаризм никогда не мог выносить света. Мне скрывать нечего — ни поступков, за которые я подвергаюсь преследованию, ни моей политики. Политика классовой борьбы и солидарности рабочего класса всех стран требует публичности." (111).

26-го августа 1913 г. высший военный суд в Берлине отменил приговор военного суда Берлинской комендатуры и определил Либкнехту наказание в четыре года и один месяц каторжной тюрьмы, лишив его на шесть лет „гражданских почетных прав".

Весьма любопытна мотивировка приговора относительно обвиняемого:

„Если он чувствует себя призванным поднять положение рабочего класса путем об'единения так называемых пролетариев всех стран, то это еще не дает ему законного права действовать такими предосудительными средствами, как распространение брошюр подобного содержания. Именно ему, состоявшему втечение многих лет депутатом, должно быть лучше известно, где подобает народу выражать свои желания через своих представителей.

Такой образ действия во вред собственному отечеству, унижение своего правительства, выставляемого в настоящее время войны истинным врагом немецкого народа, свидетельствует о низком образе мыслей и недостоин всякого честного немца, — не говоря уже о немецком солдате, высокое призвание которого заключается в защите отечества" (127)

Но враги пролетариата не могли обойтись без искажений истины и вложили Либкнехту в уста такие слова которых он не говорил. Так ему приписывали заявление, будто он отказался бы вести во вражеских странах такую же агитацию против тамошних правительств, какую ведет в Германской империи против своего. И Либкнехт восстанавливает действительный смысл своей речи:

„Если бы немецкая оппозиция напрягла все свое влияние, чтобы содействовать движению в пользу мира во „вражеских" странах, и вместе с тем в самой Германии отстаивала бы спокойствие и покорность на словах и на деле, то германское правительство было бы очень довольно Такого рода тайные планы использовать влияние оппозиции за границей, а у себя дома использовать оборонческинастроенных „товарищей", существовали весной 1915 года Мне осмелился намекнуть на это на фронте один прусский офицер". (Заявление Либкнехта в берлинский королевский окружный суд 1-го сентября). (30).

Там же Либкнехт характеризует свое отношение к суду

„Я не высказывал суду своих „убеждений", а только выяснил мое революционное отношение к учреждениям и требованиям классового государства из этого отношения следует также, что я холодно отклоню все соображения суда о „тяжких" последствиях наказания для меня и моей семьи." (131).

Либкнехт говорит далее о бонапартизме, как причине войны:

„Пользование войной, т. е. актом внешней политики, для того, чтобы отвлечь население страны от внутренних пол. т. е. в целях внутренней политики, свойственно всем, даже старейшим государствам классового строя." (141).

Либкнехт указывает, что для капиталистических пра-

вительств в войне задачи борьбы с внутренним врагом имеют не меньшее значение, чем империалистические задачи внешней политики.

„Победа в мировой войне, доставшаяся ценой потери или значительного ограничения их классового господства, означала бы ограбление их классовой, их империалистической власти и была бы с капиталистической точки зрения на самом деле хуже поражения, если при таковом их классовое господство сохранилось бы полностью.“

Либкнехт указывает, что сплошь и рядом господствующие классы бывают пораженцами.

„Таков смысл истинно предательского лозунга: лучше поражение, нежели революция; на нем сторонники власти Божией милостью сходятся с защитниками власти милостью денежного мешка всех стран, и он составляет высшую и самую священную заповедь капиталистического и всякого другого классового общества.“ (157).

В самый разгар междуусобной борьбы сцепившиеся друг с другом хищники памятуют о внешнем единстве их интересов в борьбе против пролетарской революции.

„Гнусный клич“ Plutôt des deserts que des peuples révoltés...“ лучше пустыни, нежели мятежные народы, с которым немецкое и русское варварство, в союзе с феодальной Францией, двинулись против революционной Франции, не отошел в прошлое. Только, когда военное торжество идет рука об руку с принижением или поражением пролетариата, — только тогда правящим классам империализма кажется, что наступает тысячелетнее царство.“ (158).

Для пролетариата, наоборот, важнее военное поражение его врага.

Именно поражение и вообще всякая серьезная внешнеполитическая неудача укрепляет демократические силы. (158).

И правящие классы делают все, что в их силах, чтобы побороть эту грозную опасность.

„Тем сильнее выдвигается на первый план огромная опасность, которую представляет поражение для правящих классов, и более всего для их крайних элементов. Опасность эта побуждает тех, кому она угрожает, бороться с напряжением всех сил против неблагоприятного окончания войны. Они готовы поставить все на карту во имя не просто победы, но большой, блестящей победы; только таковая может обеспечить им и после войны сохранение или даже рост их внутренней политической и социальной власти и вместе с тем возможность использовать успехи в своих классовых интересах.“ (159).

Империалисты заставляют массы делать враждебное этим массам дело.

„Нужно, чтобы народные массы вынимали для правящих классов и империалистские каштаны из огня войны и вместе с тем помогали бы воздвигать новые стены вокруг твердыни своего собственного порабощения, — ибо правящие классы ведут войну за рост своего богатства, за укрепление своей внешней и внутренней власти, а пролетарские массы—за усугубление своей собственной нищеты, за прочность своих собственных цепей.“

Господствующие классы, говорит Либкнехт, применяют другой метод, а именно—они идут по пути кажущихся уступок, обманных обещаний массам.

„Этот метод таит в себе, правда, опасность всякой демагогии: он порождает и питает ожидания, за которыми неминуемо должно последовать разочарование, и таким образом, отдаляя на время зло, против которого борется, тем вернее его обострнет в будущем. (160).

Война, по мысли правящих классов, должна была спасти их от революции—и поэтому они приветствовали ее начало.

„Немецкая социал-демократия, пресмыкающаяся—с радостью—в пыли перед Гогенцоллернами. „Ради одного такого успеха стоило начать мировую войну.“ Слова „Temps“ о крушении французского социализма вдвойне применимы здесь.“

Но дальнейшее течение войны все яснее показывало что в массах не угасал революционный пыл, и опасности демагогии стали обнаруживаться все яснее. Война становится колоссальнейшим накоплением обвинительного материала, и самое позднее при ликвидации военных действий это должно будет вызвать величайшие трения.

И тут остается один только якорь спасения: большая победа с огромными завоеваниями. Только победа даст возможность ослеплять массы после войны блеском и славой, обмануть все вызванные у них надежды и держать их по прежнему в положении илотов. Только победа обещает господствующим классам усиление власти, нужное для отпора революционным течениям. Поражение почти несомненно приведет к революции; соглашательский мир — по меньшей мере, к вероятности значительного перевеса власти в сторону демократии.

Правда, чем дольше длится война, тем более возрастает, образуя роковой круг, страшный социалистический риск властителей, тем более все ставится на карту. Пусть гибнут на войне нервы и физические силы масс, пусть массы истекают кровью—быть может, это кровопускание спасет от революции. И потому вперед к большой победе“. (161).

Империалистические правительства, однако, пытаются помочь себе, раздувая революции в стане своих врагов.

Еще в глубокой древности конквистадоры старались тушить пожары в собственных странах внешними авантюрами,—зажигая свой победный факел о пожар в чужих странах.

Успешная внешняя авантюра усиливает внутреннюю власть авантюриста. Поражение может стоить ему головы.

Но военное поражение какого-нибудь данного правительственного строя лишь в том случае приведет к победе врага, если оно, вместе с тем, поражение народа, втянутого в водоворот войны. Если во время военной катастрофы революционное движение в состоянии взять власть в свои руки, то оно может создать новую, если не неотразимую, то все же непобедимую военную силу.

Чем больше в стране задатков революции, чем больше в ней народных сил, которые выявятся при наступлении революции, тем обманнее надежда внешнего врага на использование революции в своих интересах“. (163).

Пророчески звучат слова Либкнехта о заигрывании кайзеризма с русской революцией.

„Попавшиеся в собственную петлю Бетманы окажутся лицом к лицу с успехами того движения, которое они стараются вызвать тысячью уловок и гримас. Не обманывайте себя: с революцией шутки плохи“. (165).

Затем Либкнехт переходит к характеристике тех, кто помогает канцлеру делать его грязное дело,—официальных социалистов. Он указывает на их социальные корни.

„В конце концов, бюрократия пролетарских учреждений и организаций, из которой составляются твердые кадры последователей пролетариата, является особым классом сама по себе и очень отлична по своим жизненным условиям и своей психологии от рабочей массы, с которой она только, как отдельный класс, связана функциональными отношениями“. (166).

По своим интересам она, как особый класс, лишь постольку связана с рабочим классом, поскольку дело идет о „попечительстве“, о сохранении и умножении накопленной в буржуазном обществе собственностй. Но именно в этом отношении пролетарская бюрократия отклоняется от интересов рабочего класса, который один и имеет значение для революционного поворота пролетарской политики.

Кайзерское правительство в свою очередь старается облегчить своим слугам задачу обмана масс.

„Конечно, канцлер согласен и на кой-какие поблажки, чтобы облегчить своим сподручным задачу сохранения влияния на массы. Он милостиво разрешает им при случае прыжки в сторону, радикальные громовые речи в вопросе о продовольствии и цензуре и даже разрешает лживые „разоблачения“. В угоду им от времени до времени -охотнее всего эффекта ради перед засела

ниями рейхстага—канцлер приструнивает кого-нибудь из крайне правых или один из органов". (167)

Либкнехт еще в 1916 году указывал на необходимость решительного разрыва с предателями рабочего дела:

„Немецкая социал-демократия и профессиональное движение в лице их вождей забрызганы грязью с головы до пят, тонут в болоте капиталистического холопства, министерского лакейства, прогнили до мозга костей, деморализованы, опозорены перед всем светом. Всякий серьёзный классовый борец, всякий честный интернационалист, всякий искренний социалист с отвращением отворачивается от них". (168)

И эта борьба против социалистов дала толчок революции.

„Борьба эта, однако, не сломит, не ослабит революционные силы пролетариата. Силы самых буйных элементов, освобожденные от фетишизма дисциплины, от организационной бюрократии и затхлых тактических традиций, ускорят революционное движение, двинут его вперед к безудержной беспощадности. Если война накопит еще больше горючего материала, еще больше об'ективных причин массового возмущения, то это случится еще во время войны. Или это произойдет после войны". (168)

И правящие классы стремятся к победе—для предотвращения революции.

„Только военное торжество может спасти виновных в кровавой трагедии Европы от судного дня народного гнева."

И тут то им и нужна патриотическая социал-демократия. „Но разве канцлер хочет меньшего, чем „фронда"? Он сделал только еще чуточку больше: выдрессировал социал-демократического волка в виляющую хвостом собачку капитализма.

Разве такой успех не стоит нескольких риторических фраз? Не стоило разве ради этого кой-когда принимать за панибрата в нескольких министерствах и государственных канцеляриях и даже в ставке разных шейдеманов? Не стоило пойти на кой-какие мнимые реформы и на нескольких Зюдекумов? Это ведь больше чем Париж, за меньше, чем обедню. Можно ли было более дешевой ценой превратить новую ориентацию в надувательство масс?" (169) В подобной политике проявляется буржуазная природа немецкого государства. „Гогенцоллернская неоромантическая власть Божией милостью при всех своих феодальных замашках в основе своей—капиталистическое буржуазное королевство с лозунгом „Обогащайтесь", и для бонапартистских целей своих и своих телохранителей оно прибегает не только к войне. Для той же цели ему нужно упражняться и в роли roi des gueux в игре в социальную монархию. В особенности это нужно в военное время, чтобы популяризовать войну, чтобы облегчить происходящее на деле обезглавление широких масс во внешней и внутренней политике, так же, как их экономическое и физическое истребление." (171). И победа такой силы—есть победа самой черной реакции. И если бы действительно империалистам досталась такая победа, о какой они мечтают, то это была бы победа абсолютизма, тайной дипломатии, солдатчины, полицейской и юнкерской власти, экономической провокации и парламентских привиллегий, исключительных законов, врагов коалиционных прав, победа таможенного ростовщичества и грабительских пошлин, святошества и школьной реакции, победа во всех областях власти и стремлений, враждебных рабочим, победа царизма и через насилие над другими народами—подготовление новой мировой войны, в в целом своем трагедия для немецкого народа, катастрофа для человечества. И именно потому, что это так, у пролетариата, проникнутого классовым сознанием, может быть только одно отношение к войне: непримиримо отрицательное, и один только ответ: напрячь все силы не для победы, а для классовой борьбы, для социальной революции." (173). 25 сентября 1916 г. Либкнехт писал в королевский окружной суд: „Зубатовы и Потемкины социал-демократической партии внесли на своей конференции, происходящей под знаком войны до конца, резолюцию „выражения симпатии" по моему адресу. Эту манифестацию презренной демагогии можно было предвидеть. Я с презрением отклоняю ее от себя." (174). В своем заявлении в Имперский военный суд 20 октября 1916 г. Либкнехт пишет: „Преступление мое не в плоскости государственной измены, а в плоскости противогосударственного интернационализма, и в этом преступлении я с радостью сознаюсь." (179). 29 октября 1916 г. Либкнехт писал в Имперский военный суд в Шарлотенбурге: „Все выше вздымается гора преступлений, которая обрушится на стоящих у власти. Последние оазисы человечности растоптаны. Плотной сетью цензурной лжи, пестрыми коврами патриотизма завешаны окна темниц, в которых томятся жертвы осадного положения. Иконы и алтари, воздвигнутые идолам сражений, скрывают подземелья „заключенных в порядке охраны," где палачи нечестивого правительства пытают борцов за человечество. Пестрые ковры еще не сорваны, сверкающие алтари еще не опрокинуты. Но весть о том, что за ними кроется, проникла наконец наружу и не будет забыта." Председатель суда над Либкнехтом „отказал рейхстагу в представлении моего дела. Военная диктатура трусливо прячет даже от приверженцев свое собственное изображение,—изображение великого времени. Эта оффициальная подпись под актом его обвинения, направленного против моих обвинителей; кровавую печать к нему приложило деяние Фридриха Адлера, его громкий крик отчаяния из ада Австрии, его резкий, тревожный сигнал пролетариату срединных империй, сигнал, который не замрет, не пробудив отклика." (185). Как живой встает тут перед нами Либкнехт,—несгибаемый, непримиримый революционер, не идущий ни на какие компромиссы со своими классовыми врагами, его кристально чистая, ясная до прозрачности, последовательно интернационалистская, пораженческая позиция. Такими же героическими, великодушными и самоотверженными были те герои классической древности, о которых нам повествует Плутарх... Ясно, что такой человек не мог ужиться в Германии Эбертов и Шейдеманов,—что не случайна его смерть от руки их агентов... Книга о процессе Либкнехта должна быть переведена на все языки, она должна стать настольной книгой всякого коммуниста: в мыслях и умах великого борца сознательные пролетарии всего мира будут в трудную минуту черпать совет и ободрение.

В. Быстрянский.

René Marchand. (Ancien correspondant du Figaro et du Petit Parisien en Russie) **Pourquoi je me suis rallié a la formule de la révolution sociale?** Edition de l'Internationale Communiste. Pétrograd, 1919. En français 2 roubles.

Рене Маршан. (Бывший корреспондент „Фигаро" и „Пети Паризьен" в России). **Почему я стал на сторону социальной революции?** Издание Коммунистического Интернационала. Петроград. 1919 г. (По французски). Цена 2 р.

Автор этой маленькой брошюры еще несколько месяцев тому назад не был ни социалистом, ни революционером. По своим связям, происхождению, образованию, своему положению журналиста—русского корреспондента 2-х больших парижских буржуазных газет, Рене Маршан принадлежал, напротив, к наиболее анти-революционным французским кругам. Что редакторы „Фигаро" никогда не заигрывали с „передовыми идеями", это знает каждый. Но именно в качестве буржуазного патриота и католика, вращаясь в среде французского посланника в Петрограде Нуланса, Рене Маршан наблюдал за событиями с первых же дней революции как свидетель, одушевленный искренним желанием все понять, увидеть все в правильном свете.

И вот он рассказывает теперь о том, что он увидел. И его негодующий протест против преступной политики Антанты в России, рассказ об его собственной эволюции и переходе из лагеря „оффициального" антисоциализма к революционному идеализму, составляют документ высокой ценности. Вслед за капитаном Жаком Садулем, атташе французской военной миссии, Рене Маршан является вторым французским свидетелем, который вполне беспристрастно отнесся к русской революции и взял ее под свою защиту—хотя бы ценою разрыва со всем своим прошлым.

Но свидетельство Рене Маршана является весьма ценным еще по другой причине. Есть люди, для которых это свидетельство будет иметь значение обвинительного приговора. Это свидетельство будет способствовать впоследствии осуждению позорной, сотканной из лжи и подвохов политики, которая останется в истории буржуазных финансовых олигархий нашего времени наиболее гнусным по своим последствиям преступлением. Из этого документа видно, как г. Нуланс, пользуясь неприкосновенностью представителей дипломатического корпуса, возбуждает контр-революционное восстание в Ярославле, приведшее почти к полному разрушению города и к сотням ненужных смертей,—достойное занятие для посла, представителя демократии, ведущей войну „во имя права и справедливости".

Дальше вы увидите, как старый Клемансо, замешанный в Панаме и расстреливавший рабочих в Вильнев Сен Жорж, увенчивает свою карьеру поддержкой русских монархистов. Перед вами пройдет ряд французских и английских офицеров (названных по именам), господ вроде Рэлэ и Вертамона, на которых возложена была миссия организовать в „союзной" стране, стране, истощенной годами войны, контр-революционный заговор, извести голодом Петроград, взорвавши железнодорожные пути, которые его питают! Дипломаты и министры-провокаторы, офицеры-шпионы и убийцы совершают преступление за преступлением, ослепленные своей узко-классовой точкой зрения. И эти люди—еще до Версаля!—могли говорить о праве!..

Часто во время чтения этих документов вспоминается Брест-Литовский мир. Вы помните те низкие оскорбления, которыми осыпала в это время вся оффициальная французская печать вождей русской революции. И вот 18 месяцев современной истории великолепно их очистили от всей этой грязи — она обвалилась на тех, которые ее бросали. Большевизм породил германскую революцию и в этой революции—геройский дух спартаковцев. А империалистическая Антанта, версальская победительница, пред лицом германской революции с таким же и даже большим презрением третирует народы и их права, как делал этот германский империализм в Брест-Литовске.

Вся книга Маршана как бы говорит: — „убедитесь сами и сделайте выводы". Когда пробьет час, французский народ убедится и сделает соответственный вывод.

В. С.

Издания „Коммунистического Интернационала"

(МОСКВА, Дом III Интернационала, Денежный пер 5 Телефон № 14-44. ПЕТРОГРАД, Смольный, комн 32-33 Телефон № 161-90)

Выходят на русск., нем., франц., англ. и др. языках.

1. **М. Альберт и В. Бухарин.** *Платформа Коммунистического Интернационала* (Доклады на с'езде и резолюция (нем.*)
2. **Н. Ленин.** *Тезисы о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре* (Доклад и тезисы) (нем.).
3. **Ф. Платтен и Г. Зиновьев.** *Отношение к социалистическим течениям и к Бернской Конференции.* (Доклады и резолюция) (нем.).
4. **Оболенский (Осинский).** *Международное положение и политика Согласия* (Доклад и тезисы) (нем.).
5. *Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира* (нем., рус.).
6. *Программа Р К. П. (большевиков)* (нем.).
7. *Да здравствует 1 мая! Да здравствует Коммунизм!*
   Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира (рус., франц., нем., англ.)
8. *Долой Версальский мир!*
   Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира (рус. франц., нем., англ.).
9. **Чичерин.** *К немецким рабочим* (Версальский мир) (нем., рус.).

*) в скобках указываются те языки, на которых брошюра уже появилась в свет; на других языках брошюры печатаются или по готовляются к печати

10. *Основание Коммунистического Интернационала* (Из протоколов 1-го с'езда Комунистического Интернационала).
11. **Н. Ленин.** *О крестьянине-середняке.*
21. **Р. Маршан.** *Почему я стал на сторону социальной революции?* (франц.).
22. **Г. Зиновьев.** *Коммунистический Интернационал* Доклад на 8 с'езде Р. К. П. (руск нем.).
23. **А Гильбо.** *Социалистическое и синдикалистское движение во Франции втечение войны 1914 — 1919 г.г* (франц.).
24. **Г. Зиновьев.** *Очерк жизни и деятельности Ленина*
25. **Катая.** *Террор буржуазии в Финляндии*
26. *Советская Россия и народы мира*
27. **Л. Троцкий и Г. Зиновьев.** *Речи о Карле Либкнехте и Розе Люксембург.*
28. **Коммунист.** *Строительство Советской России и позорная война* (ф англ.).
29. " *Новая война — новое преступление* (франц., англ.).
30. " *Нашим английским братьям* (англ).
31. *Морякам английского и французского флота*
    Воззвание моряков Балтийского флота (франц и англ.)

Содержание 1-го и 2-го номера.

№ 1 (май 1919 г.).

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА к пролетариям всего мира. — **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕРВОЕ МАЯ!** Воззвание Исполн. Комитета Ком Интерн. пролетариату всего мира **Максим Горький** Вчера и Сегодня **Н Ленин.** Третий Интернационал, его место в истории. — **Г. Зиновьев.** Перспективы пролетарской революции. — **Л. Рудаш.** Пролетарская революция в Венгрии. **А. Балабанова.** Привет итальянским товарищам **М Альберт.** Привет первому номеру „Коммунистического Интернационала" **К Грубер.** Последний этап **Ф. Платтен.** Третий Интернационал — **Ж. Садуль.** Третий Интернационал и Франция. **Анри Гильбо** Третий Интернационал и задачи французского пролетариата **Л Троцкий** Великое время **Документы Интернационального Движения. — Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Постановления первого С'езда Коммунистического Интернационала. — Состав I го С'езда Коммунистического Интернационала -Отчеты и Хроника** **Максим Горький.** Советская Россия и народы мира (Предисловие к брошюре) **В М** Библиография —Между стр 80 и 81 иллюстрации: Роза Люксембург. Карл Либкнехт Похороны Либкнехта Труп Либкнехта Жан Жорес — Я М Свердлов - Свердлов на смертном одре.

№ 2 (июнь 1919 г.).

ДОЛОЙ ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР! Воззвание Исполн. Комитета Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира **Н. Ленин.** Привет венгерским рабочим **А Паннекук** Новый мир. **С. Пankхерст** Новая война.— **Максим Горький** Две культуры **Н. Ленин** Герои бернского „Интернационала".— **Г. Зиновьев** Социал-демократия как орудие реакции.— **З. Хёглунд.** Интернационал действия. **Е. Мюнх.** Программные вопросы в швейцарской партии. **В. Рёбиг** Советская республика в Баварии **Ю. Альпари.** Ход революции в Венгрии **Е. Варга** Коммунистическая Венгрия. **К. Цеткина** В защиту Розы Люксембург.— **Д. Мануильский.** Современное положение во Франции (наблюдения и впечатления). **А. Виктор.** Письма о Франции Письмо первое **А Луначарский.** Народное образование в Советской России (л I — **Документы Интернационального Коммунистического Движения. — Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Доклады делегатов на 1-м с'езде Коммунистического Интернационала** Доклад тов. Альберта (Германия).— Доклад тов Зиновьева (Россия). — Доклад тов. Станге (Норвегия). **Отчеты и Хроника** Между стр. 192 и 193 иллюстрации: Роза Люксембург. Карл Либкнехт с сыном. Карл Либкнехт на трибуне Делегаты первого с'езда Коммунистического Интернационала в Москве.

Содержание 3-го номера.

стр.

К трудящимся всех стран.—Новая форма интервенции. К рабочим Англии, Франции, Италии и Америки. Воззвания Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала . . . 277

К. Цеткина. Да здравствует III социалистический Интернационал» . . . 283

Э. Панкхэрст. Рабочие и Лига народов . . . 289

Г. Гортер. Мировая революция (глава из новой книги) . . . 297

М. Горький. Замечательная книга („В огне" Анри Барбюса) . . . 301

Дж. Маклин. Положение углекопов . . . 305

В. Милютин. Экономическая программа коммунистов . . . 307

Ю. Хевеши. Экономическая революция в Венгрии . 315

И. Милкич. Социализм в Сербии . . . 319

П. Стучка. Пять месяцев Советской Латвии . . . 327

Е. Блонина. Перспективы революции во Франции . 333

П. Фор. Демократия и большевизм . . . 339

А. Гильбо. От Брест-Литовска до Версаля . . 341

Г. Зиновьев. ФРАНЦ МЕРИНГ (1846—1919) . 345

М.—В. ВОЛАДАРСКИЙ. (1891—1918) . . . 349

Ю. Мархлевский (Карский). Памяти Розы Люксембург и Льва Иогихеса (Из личных воспоминаний) . . . 353

Документы Интернационального Коммунистического Движения.

Присоединение к Коммунистическому Интернационалу Шведской, Норвежской и Болгарской партий . . . 365

Итальянская социалистическая партия и III Интернационал . . . 366

Американская социалистическая партия и III Интернационал . . . 367

Отклики на Бернскую конференцию:

Статья Р. Перика . . . 367

Отзывы интернациональных социалистов о Бернской конференции . . . 370

„Avanti" о Бернской конференции . . . 372

Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Приветствие с'езду Социалистической Партии Венгрии . . . 373

Приветствие коммунистам Словакии . . . 374

К убийству Розы Люксембург. Обращение к Коммунистической Партии Германии . . . 375

Доклады делегатов на I-м с'езде Коммунистического Интернационала.

Доклад тов. П. Грубера (Австрия) . . . 377

Доклад тов Ж. Садуля (Франция) . . . 381

Доклад тов. Л. Троцкого (Россия) . . . 385

Доклад тов. Ф. Платтена (Швейцария) . . . 387

Доклад тов. А. Руднянского (Венгрия) . . . 391

Доклад тов. О. Гримлунда (Швеция) . . . 393

Доклад тов. И. Сирола (Финляндия) . . . 393

Отчеты и Хроника.

Ф Англия . . . 397

А. Картиньи. Франция . . . 400

А. Берзин (Винтер) Праздник международной солидарности (Первое мая на Западе) . . . 402

А. Руднянский. Словацкая Советская Республика . 404

Г. Кеннет. Развитие германской революции . . 405

Х. Профессиональные союзы и Комиссариат Труда в Советской России . . . 409

Библиография.

В. Быстрянский. Процесс Карла Либкнехта . 415

В.—С. Ренэ Маршан. Почему я стал на сторону социальной революции? . . . 415

Между стр. 352 и 353 иллюстрации: Франц Меринг. —В. Володарский.— Открытие памятника Володарскому в Петрограде. Группа членов 1-го с'езда Коммунистического Интернационала.

Типография Кюгельген, Глич и Ко., Птгр., Екатерингофский просп., 87

Цена 12 руб.

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКС.
ПЕТРОГРАД, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 29.